Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое политематическое научное издание

№ 22, декабрь 2018
No. 22, December 2018

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2018

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Глушко Ольга Александровна, канд. юрид. наук, доцент
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора:
Нешко Екатерина Максимовна

Младший редактор:
Гудзенко Полина Руслановна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Glushko Olga Aleksandrovna, Candidate of Law, assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Franceso Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief:
Neshko Yekaterina Maksimovna

Junior editor:
Gudzenko Polina Ruslanovna

Содержание

Аветисян Г. Г.
Наименование места происхождения товара как объект гражданских прав (стр. 13–19)

Алиев Р. Р.
К вопросу о правовом положении залогодержателя как субъекта залогового правоотношения (стр. 20–25)

Аммалаимиева Г. А., Петросян А. Г.
Проблемы трансграничного усыновления (стр. 26–32)

Ачмиз А. Ю., Назаров А. А.
К вопросу о государственном регулировании деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (стр. 33–41)

Безрук В. С.
Гражданско-правовая ответственность экспедитора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств из договора транспортной экспедиции (стр. 42–46)

Бельчик А. М., Павлов Н. В. (научный руководитель)
Проблемы осуществления муниципального контроля органами местного самоуправления (стр. 47–52)

Бескоровайная А. Г.
К вопросу о понятии «публичный порядок» (стр. 53–56)

Бондаренко А. В., Хмельков Н. В.
Проблемы трансграничной несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации (стр. 57–62)

Бычек Е. С.
К вопросу о правовом регулировании залога движимого имущества (стр. 63–67)

Василевская И. Д.
Современное состояние и проблемы развития земельного законодательства (стр. 68–70)

Геворкян М. Р.
О некоторых теоретических аспектах мелкого взяточничества в уголовном законодательстве Российской Федерации (стр. 71–75)

Геворкян Д. А.
Проблемы принципа автономии воли сторон в международном частном праве (стр. 76–82)

Грунтов Д. В.
О некоторых вопросах права собственности на земельные участки (стр. 83–89)

Гулова А. В.
К вопросу о правовом статусе самозанятого в Российской Федерации (стр. 90–94)

Дацко Р. А., Проданова А. А.
К вопросу о понятии и моделях правового регулирования транснационального банкротства (стр. 95–104)

Дацко Р. А.
Некоторые проблемы правового регулирования прав учредителей некоммерческих унитарных организаций (стр. 105–111)

Джалалов С. Д.
Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей (стр. 112–115)

Задорожная К. А.
Особенности банкротства физических лиц (стр. 116–122)

Исаева Д. Р.
Проблема действия принципа взаимности в международном частном праве (стр. 123–128)

Коваленко Е. А.
Проблема обхода закона в международном частном праве (стр. 129–133)

Ковальчук М. Д.
К вопросу об основных обязанностях изготовителя, исполнителя, продавца в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран (стр. 134–140)

Колесников К. В., Юрастов Ф. В.
Современные аспекты международно-правового регулирования иностранного усыновления (стр. 141–145)

Костенко О. С.
К вопросу об определении понятия исключительного права (стр. 146–151)

Кочян А. Е.
Правовое регулирование краудфандинга в некоторых государствах — членах Европейского союза (стр. 152–156)

Курочкина Е. В.
Проблемы определения правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в Российской Федерации (стр. 157–164)

Логутов А. Л.
Субъекты договора потребительского кредитования (займа) (стр. 165–170)

Лящук А. С., Облицов В. А.
Проблемы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций (стр. 171–175)

Матюха С. В.
Проблема непризнанных государств в современном международном праве (стр. 176–182)

Мельник А. В., Чернов Ю. И.
Развитие системы коррупционных административных правонарушений (стр. 183–189)

Нетишинская Л. Ф., Оганезов Э. М.
Значение государственной регистрации программы для ЭВМ (стр. 190–195)

Олейников А. А.
База данных как объект авторских прав (стр. 196–201)

Пенькова А. С.
Особенности предоставления земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности (стр. 202–206)

Плаксина В. С., Салтыков Н. А.
К вопросу о заключении брака с участием иностранного элемента (стр. 207–212)

Прокопенко А. В.
К вопросу о правовом положении организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими правами (стр. 213–217)

Самсонов С. А.
Сравнительный анализ условий действительности сделок в России, Франции и Германии (стр. 218–224)

Титова Д. А.
Изменения в порядке регистрации индивидуальных предпринимателей в 2018 году (стр. 225–230)

Филимонов О. А.
Некоторые вопросы о правах акционеров по законодательству Российской Федерации (стр. 231–237)

Хайлова М. И.
К вопросу о реализации права на информацию о товаре в сфере защиты прав потребителей (стр. 238–245)

Червоная Ю. А.
Обеспечительный платеж как способ обеспечения исполнения обязательств (стр. 246–250)

Шадрина Н. М.
К вопросу о правовом положении наследственного фонда (стр. 251–254)

Шартан А. Н.
Соотношение семейного и гражданского права (стр. 255–258)

Шартан А. Н.
Принципы семейного права и его источники (стр. 259–262)

Шипилова В. В.
Банкротство ТСЖ (стр. 263–268)

Янко С. В.
Очередность наследования по закону (стр. 269–272)

Янко С. В.
Право на обязательную долю в наследстве и наследование выморочного имущества (стр. 273–276)

Янко С. В.
Содержание института наследования по закону (стр. 277–280)

Забиранов В. А.
Правовое регулирование транснациональных корпораций в Российской Федерации (стр. 281–285)

Table of Contents

Avetisyan G. G.
Name of Place of Origin of Goods as an Object of Civil Rights (pp. 13–19)

Aliyev R. R.
On the Issue of the Legal Status of the Pledgee as the Subject of the Pledge Legal Relationship (pp. 20–25)

Ammalaieva G. A., Petrosyan A. G.
The Issues of Cross-Border Adoption (pp. 26–32)

Achmiz A. Yu., Nazarov A. A.
On the Issue of State Regulation of the Activities of Farms (pp. 33–41)

Bezruk V. S.
Civil Liability of the Freight Forwarder for Non-Fulfillment or Improper Fulfillment of Obligations from the Freight Forwarding Contract (pp. 42–46)

Belchik A. M., Pavlov N. V.
The Issues of Municipal Control Carried Out by the Local Governments (pp. 47–52)

Beskorovaynaya A. G.
On the Issue on the Concept of Public Order (pp. 53–56)

Bondarenko A. V., Khmelkov N. V.
Issues of Transboundary Insolvency (Bankruptcy) in the Russian Federation (pp. 57–62)

Bychek Ye. S.
On the Issue of Legal Regulation of Movable Property Pledge (pp. 63–67)

Vasilevskaya I. D.
The Current State and Problems of Land Legislation Development (pp. 68–70)

Gevorkyan M. R.
Some Theoretical Aspects of Petty Bribery in Criminal Law of the Russian Federation (pp. 71–75)

Gevorkyan D. A.
Problems of the Parties Will Autonomy Principle in International Private Law (pp. 76–82)

Gruntov D. V.
On Some Issues of Land Plots Property Right (pp. 83–89)

Gulova A. V.
On the Issue of the Legal Status of the Self-Employed in the Russian Federation (pp. 90–94)

Datsko R. A., Surname N. P.
On the Concept and Models of Legal Regulation of Transnational Bankruptcy (pp. 95–104)

Datsko R. A.
Some Problems of Legal Regulation of the Founder Rights in Non-Profit Unitary Organizations (pp. 105–111)

Jalalov S. J.
Responsibilities of Adult Children to Support Their Parents (pp. 112–115)

Zadorozhnaya K. A.
Features of Bankruptcy of Individuals (pp. 116–122)

Isayeva D. R.
The Problem of the Reciprocity Principle Action in International Private Law (pp. 123–128)

Kovalenko Ye. A.
The Issue of Circumvention of the Law in International Private Law (pp. 129–133)

Kovalchuk M. D.
On the Issue of Basic Responsibilities of Manufacturer, Executor and Seller in the Legislation of the Russian Federation and Foreign Countries (pp. 134–140)

Kolesnikov K. V., Yurastov F. V.
Modern Aspects of International Legal Regulation of Foreign Adoption (pp. 141–145)

Kostenko O. S.
On the Issue of Defining the Notion of Exclusive Right (pp. 146–151)

Kochyan A. Ye.
Legal Regulation of Crowdfunding in Some of the Member States of the European Union (pp. 152–156)

Kurochkina E. V.
On the Issue of the Legal Status of Farms in the Russian Federation (pp. 157–164)

Logutov A. L.
Subjects of the Consumer Loan Agreement (pp. 165–170)

Lyaschuk A. S., Oblicov C. A.
The Issues of Legal Regulation of Transnational Corporations Activities (pp. 171–175)

Matyukha S. V.
The Problem of Unrecognized States in Modern International Law (pp. 176–182)

Melnik A. V., Chernov Yu. I.
Development of the System of Corruption Administrative Offenses (pp. 183–189)

Netishinskaya L. F., Oganezov E. M.
Importance of State Registration of a Computer Program (pp. 190–195)

Oleynikov A. A.
Database as an Object of Copyright (pp. 196–201)

Penkova A. S.
Features of Granting of Agricultural Lands in State or Municipal Ownership (pp. 202–206)

Plaksina V. S., Saltykov N. A.
On the Marriage with a Foreign Element (pp. 207–212)

Prokopenko A. V.
On the Issue of Legal Regulation of the Status of the Organizations Exercising Collective Management of Copyright (pp. 213–217)

Samsonov S. A.
Comparative Analysis of Transactions Validity Conditions in Russia, France and Germany (pp. 218–224)

Titova D. A.
Changes in the Individual Entrepreneurs Registration Procedure in 2018 (pp. 225–230)

Filimonov O. A.
Some Issues of Shareholder Rights Under the Laws of the Russian Federation (pp. 231–237)

Khaylova M. I.
On the Issue of the Implementation of the Right to Information About the Product in the Field of Consumer Protection (pp. 238–245)

Chervonaya Yu. A.
Security Payment as a Way to Ensure Fulfillment of Obligations (pp. 246–250)

Shadrina N. M.
On the Issue of the Legal Status of the Hereditary Fund (pp. 251–254)

Shartan A. N.
Relation of family and civil law (pp. 255–258)

Shartan A. N.
Principles of Family Law and Its Sources (pp. 259–262)

Shipilova V. V.
Bankruptcy of Homeowners' Association (pp. 263–268)

Yanko S. V.
The Order of Succession by Law (pp. 269–272)

Yanko S. V.
Right to Obligatory Share in Heritage and Inheritance of Extreme Property (pp. 273–276)

Yanko S. V.
Content of the Institution of Inheritance by Law (pp. 277–280)

Zabiranov V. A.
Legal Regulation of Transnational Corporations in the Russian Federation (pp. 281–285)

УДК/UDC 347.19

Наименование места происхождения товара как объект гражданских прав

Аветисян Гуарик Гагиковна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: gooarik@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает правовое положение наименования места происхождения товара как объекта гражданских прав. Проводится анализ действующего гражданского законодательства. Делается вывод, что наименование места происхождения товара является средством индивидуализации, которое имеет определенные сходства с товарным знаком и коммерческим обозначением, но при этом обладает индивидуальными особенностями, которые позволяют ему иметь свои особый правовой режим и являться объектом гражданских прав. Регистрация места происхождения товара является возможной только в случае, если данный товар обладает особыми свойствами — исключительно характерными для данного географического объекта природными условиями или человеческими факторами. При этом автор формулирует вывод о необходимости дальнейшего теоретического осмысления, а также более четкого правового регулирования положений касательно места происхождения товара.

Ключевые слова: место происхождения товара, объекты гражданских прав, интеллектуальные права, гражданское законодательство.

Name of Place of Origin of Goods as an Object of Civil Rights

Avetisyan Guarik Gagikovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: gooarik@yandex.ru

Abstract

In the article, the author considers the legal status of the appellation of origin of goods as an object of civil rights. The analysis of the current civil legislation. It is concluded that the designation of the place of origin of the goods is a means of individualization, which has certain similarities with the trademark and commercial designation, but at the same time it has individual features that allow it to have its own special legal regime and be subject to civil rights. Registration of the place of origin of goods is possible only if the product has special properties, which are exclusively natural conditions or human factors characteristic of the geographical object. At the same time, the author formulates a conclusion on the need for further theoretical understanding, as well as a clearer legal regulation of the provisions regarding the place of origin of goods.

Key words: place of origin of goods, objects of civil rights, intellectual rights, civil law.

Вопрос об объекте гражданского правоотношения (объекте гражданских прав) является достаточно спорным, если учесть то обстоятельство, что его легальное определение отсутствует. В юридической литературе по этому поводу высказываются различные суждения [1]. Одним из объектов гражданских прав являются объекты интеллектуальных прав.

Действующее законодательство РФ разделяет объекты интеллектуальных прав, обозначенные в ст. 1225 ГК РФ [2], на две группы — результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Под результатами интеллектуальной деятельности следует понимать произведения литературы и искусства науки, изобретения, селекционные достижения и иные объекты, которые создаются в результа-

те творческого труда или же действий, связанных с таковым. В свою очередь, к объектам интеллектуальных прав второй группы, а именно средствам индивидуализации относятся средства, которые позволяют индивидуализировать то или иное юридическое лицо и его деятельность: фирменные наименования, коммерческие обозначения, товарные знаки, а также наименование мест происхождения товаров. При этом в настоящее время зарегистрировано порядка 150 наименований мест происхождения товара, что объясняется их уникальностью как объектов интеллектуальной деятельности.

В соответствии со ст. 1516 ГК РФ под местом происхождения товара следует понимать обозначение, которое представляет собой содержащее современное или же историческое официальное или неофициальное, полное или же сокращенное наименование страны, населенного пункта, местности или же иного географического объекта, а равно и обозначение, которое является производным от данного наименования и ставшее известным посредством его использования в отношении товара, особенности которого основным образом определяются географическими, природными условиями или же человеческим фактором.

Необходимо отметить, что происхождение того или иного товара представляет в настоящее время важное значение для потребителя, который желает иметь информацию о том где тот или иной продукт был добыт или изготовлен. Столь же важна данная информация и для производителя, который использует место происхождения товара в качестве конкурентной информации. Среди однотипных товаров более востребованными являются те, которые производятся в конкретном месте (например, индийский чай, бразильский кофе, французский парфюм). При этом еще в 1891 году было принято Мадридское соглашение [3], в соответствии с которым охране подлежат и обозначения того, где товар был добыт или произведен, то есть указание на страну, область или определенную местность. При этом предусмотрены санкции за неверные обозначения данного места.

Говоря о правовой охране места происхождения товара в соответ-

ствии с действующим гражданским законодательством, необходимо обозначить, что охрану получает и то обозначение, которое дает возможность провести идентификацию товара как произведенного на территории определенного географического объекта и при этом не содержащее наименование данного объекта. При этом наименование места происхождения товара в данном случае стало общеизвестным при использовании указанного обозначении в отношении товара с его особыми свойствами, которые являются характерными для данного географического объекта ввиду природных, климатических условий или человеческого фактора. Но правовая охрана не предоставляется тому наименованию, которое в РФ вошло во всеобщее употребление для той или иной группы товаров и фактически не связано с его местом производства.

Считаем возможным согласиться с Е. А. Кондратьевой, которая выделяет четыре специфические черты наименования места происхождения товара, а именно:

— обозначение;
— географический объект;
— выражение особого природного или человеческого факторов географического объекта производства, которые могут быть выражены в особом месте производства товара, его климатическим условиям или же трудолюбии населения;
— прямое или же косвенное указание на тот факт, данные товар произведен в той или иной конкретной стране или местности [4].

Исходя из изложенного, наименование места происхождения товара является обозначением, которое используется для целей индивидуализации товара. Однако с этой же целью используется и товарный знак. Наименование места происхождения товара сходно с товарным знаком как по форме выражения, так и по тем функциями, которые оно выполняет.

Несмотря на определенные сходства, между указанными объектами присутствуют и значительные отличия. Товарный знак обозначает

сходство товара с его производителем, а наименование товара служит для характеристики свойств товара, которые связаны с тем, что он произведен в той или иной местности. В соответствии с данным отличием в дальнейшем определяются и иные особенности, которые характеризуют правовой режим места происхождения товара. В частности, мы можем отметить, что круг субъектов права на наименование может быть неограниченным. Также отсутствуют требования новизны при его регистрации. При этом данные свойства неотчуждаемы и не могут быть переданы. В качестве обладателей права на наименование места происхождения товара законодатель отмечает, что указанные лица обязаны быть производителями данного товара.

Таким образом, наименование место происхождения товара как объекта гражданских прав является средством индивидуализации, на которое у производителей данного товара возникает исключительное право. Указанное право заключается в возможности использовать наименование места происхождение товара в его обозначении. При этом главным отличием от коммерческого обозначения является то, что использовать место происхождения товара является возможным без соблюдения специальных формальностей. Дело в том, что исключительное право на наименование места происхождение товара является возможным только при осуществлении процедуры государственной регистрации и выдаче свидетельства об исключительном праве на него.

Касаясь исключительных прав на объекты интеллектуальной деятельности, законодатель выделяет правомочие использования объектом и правомочие распоряжения исключительным правом на объект интеллектуальных прав. Ст. 1519 ГК РФ указываются способы использования наименования товара, но перечень данных способов является открытым. Так, правообладатель может использовать наименование места происхождения товара указывая его на упаковке, рекламе и всеми иными способами, которые не противоречат закону.

Говоря о сроке действия исключительного права на наименование места происхождения товара, необходимо отметить, что, в отличие от

объектов авторских прав, оно не ограничивается определенным временным промежутком, а охраняется до тех пор, пока соответствует требованиям ст. 1516 ГК РФ. Однако само свидетельство об исключительном праве на наименование места происхождения товара имеет ограниченный срок действия, который составляет десять лет и продлевается на такой же срок [5].

Таким образом, наименование места происхождения товара представляет собой средство индивидуализации, имеющее определенные сходства с товарным знаком и коммерческим обозначением, но при этом обладает индивидуальными особенностями, которые позволяют ему иметь свой особый правовой режим и являться объектом гражданских прав, но с определенными исключениями (например, отсутствует право распоряжения). При этом регистрация наименования места происхождения товара возможна только в случае, если данный товар обладает особыми свойствами — исключительно характерными для данного географического объекта природными условиями или человеческими факторами. В настоящее время правовой режим наименования места происхождения товара, а также порядках осуществления регистрации, в том числе и исключительного права на наименование места происхождения товара, по нашему мнению, не урегулировано должным образом и подлежит дальнейшему теоретическому осмыслению и законодательному закреплению.

Список литературы

1. Нетешинская Л. Ф. К вопросу об объекте гражданского правоотношения // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 2. С.281–291.

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ № 116-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496

3. Мадридское соглашение о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указателей источника на товарах. URL: http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/ (дата обращения: 15.10.2018).

4. Кондратьева Е. А. Особенности правового режима наименования места происхождения товара // Юрист. 2011. № 8. С. 15–18.

5. Гульбин Ю. Т. Исключительные права на средства индивидуализации товаров — товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров: гражданско-правовой аспект. М., 2015. 314 с.

УДК/UDC 347

К вопросу о правовом положении залогодержателя как субъекта залогового правоотношения

Алиев Руфат Рафаэлович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ronny6174@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена правовому положению залогодержателя как субъекта залогового правоотношения в Российской Федерации согласно положениям гражданского законодательства, представленного прежде всего ГК РФ и некоторыми Федеральными законами. Большое внимание уделяется рассмотрению законодательного закрепления в указанных нормативно-правовых актах предоставляемых законом прав, обязанностей как одной из сторон залогового правоотношения. Рассматриваются предоставленные правовыми актами гарантии зашиты прав залогодержателя и указываются основания применения этих гарантий, закрепленных гражданским законодательством, и отмечаются гарантии, имеющие особое важное значение в системе правовых гарантий. Рассматривается предоставление законом залогодержателю специфичного механизма регулирования залогового правоотношения и вместе с тем ограничение сферы его прав и их реализации на практике.

Ключевые слова: залог, залогодержатель, предмет залога, субъект залогового правоотношения, правовое положение.

On the Issue of the Legal Status of the Pledgee as the Subject of the Pledge Legal Relationship

Aliyev Rufat Rafaelovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ronny6174@gmail.com

Abstract

The article touches upon the legal status of the pledgee as a subject of the pledge legal relationship in the Russian Federation in accordance with the provisions of civil legislation, presented primarily by the Civil Code and some federal laws. Much attention is paid to the consideration of legislative consolidation in these normative legal acts of the rights granted by law, duties as one of the parties to the collateral legal relationship. The guarantees provided by legal acts of protection of the rights of the pledgee are considered and the bases of application of these guarantees fixed by the civil legislation are specified, and the guarantees having special importance in system of legal guarantees are noted. In addition, the article considers the provision by law to the pledgee of a specific mechanism for regulating the pledge legal relationship and, at the same time, limiting the scope of his rights and their implementation in practice.

Key words: the pledge, the pledgee, the collateral, the collateral subject of legal relations, legal status.

Одним из субъектов залогового правоотношения является залогодержатель — физическое или юридическое лицо, выступающее в качестве кредитора по основному обязательству, которое обеспечивается залогом имущества [1]. Право залога возникает у залогодержателя в силу заключения договора залога, а также проявления залогодержателем своей воли и действий в своем интересе: осуществление залогового права дает возможность залогодержателю получить удовлетворение своих требований к должнику из стоимости заложенного имущества залогодателя, причем преимущественно перед другими его кредиторами [2].

Залогодержатель как субъект правоотношения обладает определенными субъективными правами и юридическими обязанностями, предоставленными ему законом (прежде всего ГК РФ [3]), в частности:

— правом проверить наличие, количество, состояние и условия хранения заложенного имущества;
— требовать от залогодержателя принятия мер, необходимых для сохранения предмета залога;
— требовать прекращения посягательств на предмет залога со стороны любого лица;

— обязанностью по принятию мер, необходимых для обеспечения сохранности заложенного имущества и для защиты от посягательств со стороны третьих лиц;
— обязанностью представить в суд, в который предъявляется соответствующий иск, доказательства исполнения обязанности по уведомлению в письменной форме залогодержателя по другому договору об ипотеке того же имущества о намерении предъявить свои требования к взысканию, при обращении взыскания на имущество, заложенное по двум или более договорам об ипотеке.

Российским законодательством, в частности ГК РФ и Федеральным законом «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [4], данная сторона залогового правоотношения наделена несколькими правовыми гарантиями по защите своих прав при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного залогом обязательства.

Такое наделение правовыми гарантиями залогодержателя, по нашему мнению, обусловлено тем, что залогодержатель является кредитором по обеспеченному залогом обязательству, имеющим преимущественное перед другими кредиторами право на получение удовлетворения из стоимости заложенного имущества лица — должника по обеспеченному залогом обязательству.

Особое место в системе гарантий защиты прав залогодержателя занимают положения ст. 347 ГК РФ, которые предусматривают возможность истребования заложенного имущества из чужого незаконного владения, в том числе из владения залогодателя. Причем залогодержатель, обладая правом пользования данным имуществом, может требовать как от залогодателя, так и от других лиц устранения всех нарушений его прав, даже если они не связаны с лишением владения. Данные положения закреплены и в ст. 33 ФЗ «Об ипотеке». Интересно, на наш взгляд, содержание п. 4 ст. 346 ГК РФ, согласно которому все права, вытекающие из сделки по предоставлению имущества во владение и пользование и предоставленные залогодателем третьим лицам, прекращаются: с

момента вступления решения суда об обращении взыскания на заложенное имущество — в судебном порядке, с момента возникновения права собственности на заложенное имущество у приобретателя [5] — во внесудебном порядке разрешения спора. Данное положение предоставляет залогодержателю своеобразный механизм регулирования правоотношения. Однако тут же в качестве противовеса его правам гражданское законодательство ограничивает пределы пользования залогодержателем имуществом, обязывая его, если это предусмотрено в договоре, извлекать из предмета обязательственного правоотношения доход в счет погашения основного обязательства залогодателя или в его интересах. К тому же в договоре могут быть предусмотрены случаи, когда залогодержатель имеет право пользоваться заложенным имуществом, предоставляя на регулярной основе отчеты залогодателю. Залогодержатель также обладает, по нашему мнению, исключительным правом требования освобождения предмета залогового обязательства от ареста в порядке исполнительного производства, если на это имущество было обращено взыскание.

Кроме того, к гарантиям защиты прав залогодержателя законодатель относит: досрочное исполнение обязательства, обеспеченного залогом, регулируемое ст. 351 ГК РФ, и обращение взыскания на заложенное имущество, закрепленное в ст. 348 ГК РФ. Если проанализировать положения п. 1 ст. 351 ГК РФ, можно сделать вывод, что основаниями применения данной гарантии защиты будут являться случаи, когда заложенное имущество выбыло из фактического обладания залогодателем не в соответствии с условиями договора о залоге с оставлением имущества у залогодателя, если:

1) залогодатель нарушил правила о замене предмета залога;
2) произошла утрата имущества, являющегося предметом залогового правоотношения при обстоятельствах, за которые залогодатель не несет ответственности, если залогодатель не воспользовался правом;
3) залогодатель не выполнил возложенные на него обязанности по обеспечению сохранности и содержания оставленного у него

предмета залога.

Основания применения данных положений — неисполнение или ненадлежащее исполнение должником своего обязательства. Однако законодатель в п. 2 ст. 348 ГК РФ вводит понятия «незначительное нарушение» и «несоразмерность размера требований стоимости заложенного имущества». Причем из текста настоящей статьи становится ясно, что размер и нарушение будут считаться несоразмерными, пока стороной не будет доказано иное. Таким образом, законодатель возлагает на залогодержателя процессуальную обязанность — доказывание своей правоты в интересах благоприятного разрешения спора. Критерий соразмерности указан в п. 20 Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». Согласно данному положению размер требований залогодержателя предполагается несоразмерным стоимости заложенного имущества в случае, когда сумма неисполненного обязательства составляет менее 5% от доказанной залогодателем рыночной стоимости предмета залога [6].

Важно отметить, что законодатель закрепляет обращение взыскание как в судебном порядке, так и во внесудебном, предоставляя тем самым сторонам возможность самим урегулировать спор, пусть и путем проведения торгов, в которых стороны могут участвовать и выкупать имущество.

При установлении залога законодатель указывает на необходимость осуществления процедуры обращения взыскания предмета залога и его реализации, что само по себе приводит к невозможности завершения залоговых правоотношений автоматическим переходом права собственности на предмет залога к залогодержателю при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного залогом обязательства. Соглашения, предусматривающие такую возможность, являются недействительными в силу ст. 168 ГК РФ как несоответствующие требованиям закона. Однако в противоречие вышеуказанным положениям законодатель также в ст. 350.1 ГК РФ указывает, что в случае,

если залогодателем является лицо, которое осуществляет предпринимательскую деятельность, соглашением между субъектами залогового правоотношения может быть предусмотрено, что реализация заложенного имущества будет осуществляться путем оставления залогодержателем предмета залога за собой, в том числе посредством поступления этого имущества в собственность залогодержателя по цене не ниже рыночной.

Таким образом, гражданское законодательство достаточно детально закрепляет и регулирует правовой статус залогодержателя как одной из сторон залогового правоотношения, предоставляя в ряде случаев ему особый механизм регулирования отношения с залогодателем. Однако вместе с тем в законе есть противоречия, которые, как мы считаем, необходимо устранить в целях предотвращения дальнейших казусов, связанных с применением залогодержателем материальной нормы гражданского законодательства на практике.

Список литературы

1. Нетишинская Л. Ф. К вопросу о соотношении субъективного права и интереса // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 1. С. 332–339.

2. Нетишинская Л. Ф. Интерес как предпосылка возникновения договорных обязательств // Журнал российского права. 2006. № 6 (114). С. 108–112.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. С. 3301.

4. Об ипотеке (залоге недвижимости): федер. закон. Рос. Федерации от 16 июля 1998 № 102-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. С. 3400.

5. О некоторых вопросах применения законодательства о залоге: Постановление Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 № 10 // Сайт ВАС РФ. 2011.

6. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 23.2013. № 51. Ст. 6687.

УДК/UDC 341.9

Проблемы трансграничного усыновления

Аммалаимиева Галимат Абдулхаликовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ms.ammalaimieva@mail.ru

Петросян Арминэ Гарниковна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: arminka_petrosyan@mail.ru

Аннотация

Проблемы правового регулирования трансграничного усыновления и по сей день не теряют своей актуальности. В первую очередь это связано с тем, что в области усыновления (удочерения) невозможно обеспечить надлежащее унифицированное регулирование возникающих правоотношений, ввиду столкновения различных коллизионных норм государства происхождения ребенка и принимающего государства. Каждое государство по своему усмотрению устанавливает правовое регулирование процедуры усыновления, но в случае трансграничного усыновления эта процедура должна соответствовать не только праву государства происхождения ребенка, но и праву принимающего государства. В данной статье анализируются вопросы, касающиеся процедуры усыновления (удочерения), рассмотрены различные подходы, связанные с охраной тайны усыновления. Авторы обращаются к законодательству отдельных стран мира для сравнительного анализа возрастного ценза для усыновления (удочерения), а также для определения допустимой минимальной разницы в возрасте.

Ключевые слова: трансграничное усыновление, тайна усыновления, иностранные граждане.

The Issues of Cross-Border Adoption

Ammalaieva Galimat Abduhalikovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
email: ms.ammalaimieva@mail.ru

Petrosyan Armine Garnikovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: arminka_petrosyan@mail.ru

Abstract

Problems of legal regulation of cross-border adoption do not lose their relevance to this day, primarily due to the fact that in the field of adoption it is impossible to ensure proper unified regulation of emerging legal relations, due to the collision of different conflict-of-law rules of the state of the child's origin and the host state. Each state shall, at its discretion, establish the legal regulation of the adoption procedure, but in the case of cross-border adoption, this procedure must be consistent not only with the law of the state of the child's origin, but also with the law of the host state. In this article the issues related to the procedure of adoption are analyzed, various approaches related to the adoption secrecy protection are considered. The authors address the legislation of certain countries of the world for a comparative analysis of the age requirement for adoption, as well as to determine the permissible minimum age difference.

Key words: cross-border adoption, mystery of adoption, foreign citizens.

В настоящее время признание трансграничного усыновления является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в мире, поскольку коллизионные проблемы усыновления возникают даже тогда, когда усыновитель и усыновленный являются гражданами одной страны, а само усыновление происходит на территории другого государства. Процедура усыновления также может усложниться, если усыновитель и усыновляемый являются гражданами разных государств либо вообще не обладают

постоянным местом жительства.

Специализированные государственные органы, уполномоченные заниматься вопросами усыновления при принятии соответствующего решения, используют действующие законы государства, которые могут отличаться от законов иных стран [1]. При усыновлении детей-сирот иностранными гражданами предписывается учитывать законодательство не только страны усыновителя, усыновленного, но и законы того государства, в котором осуществляется усыновление (удочерение), если данная процедура осуществляется в третьем государстве.

В соответствии с нормой римского права «усыновление подражает природе» [2], усыновитель должен быть значительно старше усыновляемого. Так, по общему правилу в РФ усыновитель должен быть совершеннолетним, то есть достигшим 18 лет, а разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком должна составлять не менее 16 лет (ст. ст. 127, 128 СК РФ) [3], в Италии усыновителю — не менее 35 лет, а разница же в возрасте — не менее 18 лет (ст. 291 ГК Италии), в Бразилии усыновителем может быть только лицо, достигшее 30 лет (ст. 368 ГК Бразилии). В некоторых странах также установлен возрастной ценз для усыновления: в Великобритании — 25 лет, в Австрии, Франции. и Швейцарии — 40 лет, в Испании же — 45 лет. Следует отметить, что законодательством отдельных государств может быть предусмотрена возможность изменения возрастного критерия по решению суда.

В мировой практике выделяют государства, в которых:

1) допускается усыновление (удочерение) при разном гражданстве усыновителя и усыновляемого лица — например, во Франции разрешено усыновление гражданами своей страны иностранцев и наоборот;
2) усыновление (удочерение) иностранными гражданами допускается только в случае, если нет возможности пристроить ребенка внутри страны — так, например, в Армении, Китае, России.

В соответствии с нормами права РФ в случае усыновления ребенка-сироты иностранными гражданами на территории России применяется

законодательство страны усыновителя. Аналогичные нормы используются во многих зарубежных государствах. Это связано с тем, что, если усыновитель является гражданином иностранного государства и проживает на территории своей страны, то ребенок и его дальнейшая судьба переходят в юрисдикцию принимающего государства. Поэтому следует знать, какие требования выдвигаются к лицу, желающему усыновить ребенка, иностранным законодательством. К примеру, в Великобритании не состоящие между собой в браке лица имеют право совместно усыновить (удочерить) ребенка.

Если обратиться к ст. 165 СК РФ, мы видим, что наряду с применением законодательства страны усыновителя должны соблюдаться и требования российского законодательства, к примеру согласие такого ребенка и заинтересованных лиц на усыновление. По нашему мнению, данная мера является необходимой, так как только совместная (двойная) «защита» со стороны иностранного и внутригосударственного права может наиболее эффективно обеспечить права и интересы такого ребенка.

Если детей иностранного государства усыновляют на территории РФ, то также применяются нормы российского законодательства, а именно Семейный кодекс РФ. Но при этом необходимо получение согласия законного представителя ребенка, а также уполномоченного органа государства, гражданином которого тот является, и, если того требует законодательство данного государства, — согласие ребенка на усыновление.

Еще одной проблемой в сфере трансграничного усыновления является тайна усыновления. Согласно практике последних лет по принятию двусторонних договоров в сфере усыновления усыновляющее лицо обязано соответствовать праву двух договаривающихся стран, кроме того решение об усыновлении, как правило, принимается на территории страны происхождения ребенка. Если же лица, желающие усыновить ребенка, по тем или иным причинам не соответствуют выдвинутым требованиям, решение принимает суд РФ.

При этом когда ребенок уже усыновлен, он имеет право на получе-

ние гражданства страны усыновителя [4]. Исходя из этого, вопрос сохранения тайны усыновления переходит под юрисдикцию личного закона физического лица принимающего государства. Эта же норма касается и случаев, когда усыновленный ребенок получает статус бипатрида, потому что в соответствии с нормами российского права и при наличии двойного гражданства личным законом будет считаться место его постоянного проживания.

На сегодняшний день существует два базовых подхода применимо к тайне усыновлению:

1. Традиционный закрытый подход, согласно которому при усыновлении (удочерении) ребенок-сирота полностью лишается не только правовой связи, но и любой возможности сохранить какую-либо связь со своими кровными родителями, родственниками. Данные меры применяются для полной адаптации усыновленного ребенка к новоприобретенной семье. Процедура усыновления (удочерения) должна быть закрытой, тайной, а также охраняться от какого-либо вмешательства третьих лиц.
2. Открытый подход — в соответствии с данным подходом при усыновлении сохраняются все контакты усыновленного ребенка с кровными родителями, родственниками, т. е. новая семья такого ребенка поддерживает связь с его биологическими родителями и не препятствует общению. Данный подход нашел отражение в Конвенции ООН о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г., которая закрепляет право детей но то, чтобы знать своих родителей, а также на их заботу [5].

С целью недопущения правовых коллизий, которые зарождаются ввиду разного подхода стран к рациональности охраны тайны усыновления, Европейская конвенция об усыновлении детей (пересмотренная) от 27 ноября 2008 г. предлагает государствам-участникам принять норму о том, что процедура усыновления может быть окончена без объявления кровной семье усыновленного какой-либо информации о личности усыно-

вителя, а также предлагает разработать нормы, закрепляющие критерии проведения усыновления в закрытом заседании [6].

Считаем целесообразным на законодательном уровне государствам закрепить случаи, когда усыновление должно быть тайным. Если же усыновление не подпадает под такой критерий, то усыновители сами по своему усмотрению должны решать, хотят ли они, чтобы их ребенок знал своих кровных родителей или же считал усыновителей своими биологическими родителями.

Таким образом, система трансграничного усыновления все еще несовершенна и имеет множество неразрешенных проблем. Это обусловлено прежде всего различиями в правовой и культурной сфере, а также связано с противоречивыми подходами к процедуре усыновления, необходимости сохранения тайны усыновления. Так, в отдельных государствах необходимо заключение соглашения об усыновлении между усыновителем и ребенком (его законными представителями).

Еще одним сложным вопросом при трансграничном усыновлении является контроль за усыновленными детьми и их дальнейшем состоянием. Ведь это не всегда вполне осуществимо внутри даже государства. Эта обязанность лежит на принимающем государстве, однако мы считаем, что и национальные специализированные органы во всех странах мира должны обеспечивать защиту прав и интересов усыновленных детей.

Кроме того, не стоит забывать о трудностях, с которыми может столкнуться сам ребенок при переезде в принимающее государство. Если ребенок достиг осознанного возраста, то ему придется столкнуться с незнанием языка, адаптироваться под другую культуру, менталитет и, конечно, найти «общий язык» со своей новой семьей.

Список литературы

1. Kudryavtseva L., Kudyalova N. Conflict issues of family law in the modern international private law // Актуальные проблемы современности. 2017. № 4 (18). С. 48–53.

2. Ульянищев В. Г. Римское право: учебное пособие / В. Г. Ульянищев - М.: Российский университет дружбы народов, 2000. С. 135.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Kudryavtseva L., Kolesnikova V., Miroshnichenko O. Alimony obligations of parents and children in international private law // Актуальные проблемы современности. 2017. № 4 (18). С. 38–43.

5. Конвенция ООН о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года / Сборник международных договоров СССР, выпуск.

6. Европейская конвенция об усыновлении детей (пересмотренная) (CETS № 202) от 27.11.2008 // Справочно-правовая система «Гарант».

УДК/UDC 347.72

К вопросу о государственном регулировании деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств

Ачмиз Асиет Юсуфовна
преподаватель кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: achmiz2507@yandex.ru

Назаров Артём Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: reddead_2011@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы правового положения крестьянских (фермерских) хозяйств, разграничены понятия крестьянского (фермерского) хозяйства с образованием и без образования юридического лица, а также определены основные проблемы нормативного регулирования статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в качестве юридического лица. Авторы приходят к выводу, что особенности правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства, созданного в качестве юридического лица, на законодательном уровне не находят достаточного регулирования, несмотря на наличие соответствующего указания в п. 5 ст. 86.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, коммерческая организация, предпринимательская деятельность, государственное регулирование.

On the Issue of State Regulation of the Activities of Farms

Achmiz Asiyet Yusufovna
lecturer at the Department of International Private and Business law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: achmiz2507@yandex.ru

Nazarov Artem Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: reddead_2011@mail.ru

Abstract

This article discusses current issues of the legal status of farms, delimits the notions of a farm with and without a legal entity, and identifies the main problems of the regulatory regulation of the status of the farm as a legal entity. The authors come to the conclusion that the peculiarities of the legal status of a farm created as a legal entity at the legislative level do not find sufficient regulation, despite the presence of the relevant indication in Paragraph 5 of Article 86.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: farm, commercial organization, entrepreneurial activity, government regulation.

Одной из важнейших составляющих деятельности государства является реализация экономической функции. Ее содержание заключается в осуществлении государственного регулирования экономики внутри страны путем создания правовой базы, защиты конкуренции, перераспределения доходов и др.

Экономическая функция представляется одной из важнейших в связи с тем, что для удовлетворения потребностей государства необходимо определенное количество денежных средств, извлекаемых из эффективной работы экономики и налогово-бюджетных инструментов. Далее

эти денежные средства распределяются на:

1) развитие социального блока;
2) финансирование целевых программ;
3) развитие обороноспособности государства;
4) развитие легкой и средней промышленности;
5) оплату труда государственных служащих и т. д.

Важно отметить, что деятельность государства состоит не только из реализации экономической функции, т. е. ее нельзя выделять в отрыве от иных функций. Только в совокупности правильно работающие функции государства обеспечивают его эффективное функционирование в целом. Целенаправленное и динамичное регулирование экономики позволяет своевременно осуществлять распределение денежных средств на реализацию иных функций государства и улучшение благосостояния населения. В соответствии со ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Чем лучше, правильнее и детальнее на законодательном уровне получит правовое регулирование порядок функционирования экономической системы, тем больше в государственном бюджете будет средств для реализации социальной политики.

Одним из основных видов экономической деятельности является предпринимательская деятельность.

Предпринимательство (предпринимательская деятельность) — самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в качестве предпринимателей в установленном законом порядке [2, с. 17]. В основе предпринимательской деятельности лежат принципы рыночной экономики, следовательно, посредством осуществления государственного регулирования частного сектора отношений, осуществляется регулирование экономики по большей части. В связи с этим очень важно обращать внимание на динамичность государственного ре-

гулирования предпринимательской деятельности, а также на устранение несовершенств и пробелов в законодательстве.

В целом развитие и совершенствование современного российского законодательства о предпринимательской деятельности и основах рыночной экономики должно осуществляться по следующим основным направлениям:

1) правовое обеспечение — законотворческая деятельность органов государственной власти, призванная усовершенствовать регулирование предпринимательской деятельности, включая устранение пробелов в законодательстве в данной сфере;
2) совершенствование инвестиционного законодательства — создание для хозяйствующих субъектов благоприятных условий, способствующих инвестированию средств в приоритетные сферы экономики;
3) правовая поддержка институциональных преобразований — может осуществляться путем приватизации производственных фондов, развития и защиты различных форм собственности и хозяйственной деятельности, прежде всего малого и среднего бизнеса;
4) развитие законодательства о защите конкуренции и монополии — создание и поддержание здоровой конкурентной среды для хозяйствующих субъектов посредством нормотворческой и иной деятельности уполномоченных органов;
5) регулирование денежно-кредитных отношений, финансового и фондового рынков — осуществляется путем регулирования банковской системы и страховой деятельности, использования кредитных ресурсов на нужды функционирования и развития экономики;
6) регулирование тарифов и совершенствование правовых основ ценообразования — обеспечение стабильных оптовых и розничных цен, а также защита отдельных категорий потребителей.

Определение содержания понятия «предпринимательская деятель-

ность», а также основных направлений совершенствования современного российского законодательства о предпринимательской деятельности указывает на необходимость в сопоставлении с понятием «предпринимательское право».

Предпринимательская деятельность входит в предмет предпринимательского права. Это позволяет выделить круг субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность и являющихся субъектами предпринимательского права.

Субъект предпринимательства — это лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность на законном основании, обладающее соответствующим правовым статусом.

К субъектам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, относятся:

- индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, основная цель деятельности которых проявляется в извлечении прибыли;
- не являющиеся юридическими лицами предпринимательские объединения (холдинг, простое товарищество);
- некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую доход;
- обособленные подразделения коммерческих организаций, осуществляющие предпринимательскую деятельность от их имени.

В соответствии с п. 2 ст. 50 ГК РФ, юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий [3].

Подробнее остановимся на рассмотрении правового регулирования деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (далее также — К(Ф)Х, фермерское хозяйство), так как в ходе анализа их правового ста-

туса были обнаружены определенные проблемные вопросы.

Понятие К(Ф)Х без образования юридического лица закреплено в ст. 1 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [4]. Крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии.

Понятие К(Ф)Х в качестве юридического лица закреплено в статье 86.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Граждане, ведущие совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 23), вправе создать юридическое лицо — крестьянское (фермерское) хозяйство.

Анализируя эти два понятия, мы четко отграничиваем эти субъекты друг от друга. Во-первых, в К(Ф)Х в качестве юридического лица отсутствует обязательное требование ведения совместной деятельности лицами, связанными родством или свойством, в отличие от К(Ф)Х без образования юридического лица (несмотря на то что в К(Ф)Х без образования юридического лица могут быть граждане, не состоящие в родстве или свойстве с главой фермерского хозяйства, однако их количество не может превышать пяти человек). Во-вторых, анализируя понятие К(Ф)Х в соответствии со статьей 86.1, мы приходим к выводу, что граждане, ведущие совместную деятельность в области сельского хозяйства вправе создать юридическое лицо — К(Ф)Х. То есть для государственной регистрации такого К(Ф)Х граждане уже должны вести совместно хозяйственную деятельность.

Возникает несколько вопросов:

1. Существуют ли временные рамки по осуществлению совместной хозяйственной деятельности гражданами для создания К(Ф)Х в качестве юридического лица?

2. Необходимы ли дополнительно иные документы, подтверждающие факт ведения совместной хозяйственной деятельности, для государственной регистрации К(Ф)Х в качестве юридического лица?

В случае, если ответом на первый вопрос будет указание на следствие из нормы о том, что сначала необходимо зарегистрировать К(Ф)Х без образования юридического лица, а далее создать К(Ф)Х в качестве юридического лица, то вопрос о сроках деятельности К(Ф)Х без создания юридического лица по-прежнему остается открытым. Ответ на второй вопрос на законодательном уровне не закреплен. К тому же тогда вытекает вопрос о невозможности создания К(Ф)Х в качестве юридического лица без предварительной регистрации К(Ф)Х без образования юридического лица.

В соответствии с Федеральным законом «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Федеральный закон не предполагает создание К(Ф)Х в качестве юридического лица, несмотря на то что предметом регулирования данного закона является фермерское хозяйство. Можно предположить, что данная норма является императивной. Однако одновременно с этим, обращаясь к ст. 86.1 ГК РФ, мы делаем вывод о том, что К(Ф)Х может быть создано в качестве юридического лица при наличии соответствующего волеизъявления его участников.

В соответствии со ст. 3 ГК РФ, нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу Российской Федерации. Следовательно, данное, возможно, противоречие или упущение, предлагается устранить путем внесения изменения в текст Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», а именно в п. 3 ст. 1, указав, что фермерское хозяйство может осуществлять предпринимательскую деятельность как с образованием, так и без образования юридического лица, со ссылкой на нормы Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ст. 52 ГК РФ закрепляет положения об учредительных документах юридических лиц. В соответствии с данной статьей, юридические лица, за исключением хозяйственных товариществ и государственных корпораций, действуют на основании уставов, которые утверждаются их учредителями (участниками), за исключением случая, предусмотренного п. 2 указанной статьи. Следовательно, учредительным документом К(Ф)Х является устав. Типовой устав, применение которого в качестве учредительного документа закреплено в указанной статье, не может применяться к К(Ф)Х, так как на данный момент уполномоченными органами государственной власти типовой устав был разработан только для обществ с ограниченной ответственностью. Однако если сравнить специальные положения, регламентирующие положение иных юридических лиц, то для каждой организационно-правовой формы юридических лиц законодатель повторно обращает внимание на вид учредительного документа. В случае с К(Ф)Х необходимо обращаться к общим положениям о юридических лицах и определять применимый вид учредительного документа методом исключения. Представляется, что положение об учредительном документе требует дополнительного нормативного закрепления в специальных нормах о К(Ф)Х, образованном в качестве юридического лица.

Также не находит нормативного закрепления ответ на вопрос об органах и их структуре в К(Ф)Х, созданном в качестве юридического лица. В соответствии с п. 4 ст. 52 ГК РФ, устав юридического лица должен содержать сведения о порядке управления деятельности юридического лица. Положения об органах юридического лица также регламентирует и статья ГК РФ — юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы. Если мы рассмотрим такие организационно-правовые формы как хозяйственные товарищества и общества, то в ГК РФ или в соответствующем Федеральном законе мы найдем четкую регламентацию деятельности органов таких организаций и их структуры. В случае с К(Ф)Х подобные нормы отсутствуют.

Предположение, что вышеуказанные позиции регулируются по аналогии с К(Ф)Х без образования юридического лица либо по аналогии с иными видами юридических лиц, необходимо закрепить в законодательстве.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что особенности правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства, созданного в качестве юридического лица, на законодательном уровне не находят достаточного регулирования, несмотря на наличие соответствующего указания в п. 5 ст. 86.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г. (с изм. от 21 июля 2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 992 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. Ст. 3301.

4. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 24. Ст. 2249.

УДК/UDC 347

Гражданско-правовая ответственность экспедитора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств из договора транспортной экспедиции

Безрук Владислав Сергеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: bezryk-vladislav@mail.ru

Аннотация

На этапе развития отечественных экономических отношений проблематика правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности становится все актуальней ввиду перехода России к рыночной форме экономики и увеличения количества товарного оборота между субъектами предпринимательства как внутри территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Увеличение логистических цепочек доставки грузов требует специальных знаний от грузоотправителей. Данная статья освещает вопрос о гражданско-правовой ответственности экспедитора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств из договора транспортной экспедиции. В ней рассмотрено правовое закрепление ответственности экспедитора в законодательстве России, а также то, какие обязательства возникают у экспедитора в случае наступления такой ответственности.

Ключевые слова: договор транспортной экспедиции, гражданско-правовая ответственность экспедитора, экспедитор.

Civil Liability of the Freight Forwarder for Non-Fulfillment or Improper Fulfillment of Obligations from the Freight Forwarding Contract

Bezruk Vladislav Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bezryk-vladislav@mail.ru

Abstract

At the stage of development of domestic economic relations, the legal regulation of freight forwarding activities is becoming increasingly important from the point of view of transition to the form of the economy and an increase in the number of commodity ties between business entities both within the Russian Federation and abroad. Increasing the logistics of the delivery of goods requires special knowledge from shippers. This article covers the issue of civil liability for failure to fulfill or improper fulfillment of obligations under a freight forwarding contract. Obligatory responsibility for the expedition in the legislation of Russia is also mandatory.

Key words: freight forwarding contract, civil liability of the freight forwarder, freight forwarder.

Условия наступления ответственности у экспедитора ввиду своего сложного содержания в цивилистике вызывают плюрализм мнений. Для того чтобы решить вопрос о гражданско-правовой ответственности экспедитора, сначала необходимо изучить ее наступление по общим основаниям.

Так, в соответствии со ст. 803 ГК РФ если экспедитор не исполнит или ненадлежащим образом исполнит, вытекающие из договора транспортной экспедиции обязанности, то он будет нести ответственность согласно гл. 25 ГК РФ. Федеральные законы также содержат отсылки к данной главе [1]. Так, экспедитор как субъект ответственности отмечен в положениях ст. 6 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О

транспортно-экспедиционной деятельности» [2], которая также имеет отсылочную норму к гл. 25 ГК РФ.

Содержание гл. 25 ГК РФ состоит из общих норм, устанавливающих порядок наступления ответственности сторон при нарушении ими обязательств. Так, согласно ст. 393 ГК РФ у должника возникнет обязанность возместить кредитору убытки, которые возникли из-за того, что первым не было исполнено или исполнено, но ненадлежащим образом обязательство из заключенного договора. При этом согласно ст. 15 ГК РФ убытки будут состоять как из реального ущерба, так и из упущенной выгоды.

При этом претенденту на получение возмещения убытков необходимо представить доказательства того, что был факт причинения убытков и факт нарушения права должником, а также определить объем собственных убытков и установить причинно-следственную связь между действиями должника и убытками кредитора.

В отношении должника кредитором может быть также начислена неустойка. Неустойка может назначаться во многих случаях как разновидность гражданско-правовой ответственности экспедитора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору транспортной экспедиции.

В случае заявления экспедитором одностороннего отказа от исполнения обязательств из договора транспортной экспедиции у последнего возникнет обязанность уплаты штрафа и возмещение вызванных отказом от исполнения обязательств убытков другой стороне. При этом на контрагента экспедитора возлагается бремя доказывания размера убытков и суммы понесенных затрат.

Во многом определение гражданско-правовой ответственности экспедитора по договору зависит от надлежащего исполнения им своих обязанностей. Так, если произойдет невыполнение в срок обязательств, экспедитор будет нести ответственность. Избежать он ее может только, если иное будет предусмотрено в договоре или будут представлены доказательства, что обязательства были не выполнены ввиду непреодолимой

силы. При этом необходимо учитывать, что срок оказания услуг не всегда будет указан в договоре транспортной экспедиции, так как не является существенным условием. Поэтому, если стороны не оговорили иное, срок будет определяться по общему правилу согласно ст. 314 ГК РФ.

Размер ответственности экспедитора будет зависеть и от того, кто и для каких целей пользуется его услугами. Так, если вторая сторона сделки — физическое лицо, то экспедитор будет нести ответственность меньшую в размере, чем в случае, когда бы контрагентом выступало юридическое лицо.

От момента принятия груза до момента его выдачи грузополучателю экспедитор будет нести гражданско-правовую ответственность за утрату, порчу, повреждение, недостачу груза. Ответственность экспедитора будет заключаться в реальном возмещении ущерба, причиненного при оказании услуг. Если обстоятельства, ставшие причиной порчи, не зависели от экспедитора, то он освобождается от ответственности.

В случае утраты груза с объявленной ценностью, экспедитор отвечает перед контрагентом в размере объявленной ценности или ее части пропорционально утраченной части груза или суммы.

Цена, указанная в договоре купли-продажи, счете продавца или определенная согласно п. 3 ст. 424 ГК РФ, исходя из средней цены за аналогичный товар, называется действительной. Таким образом, за утрату груза действительной ценности, экспедитор несет ответственность в размере действительной стоимости либо ее части.

В случае, когда гражданско-правовая ответственность у экспедитора наступает ввиду ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательств из договора перевозки, то он отвечает перед контрагентом по аналогичным для перевозчика правилам. Так, ответственность в этом случае предусмотрена в форме возмещения прямого ущерба, причиненного грузу, или неустойки за просрочку доставки.

Из вышестоящего следует, что ответственность экспедитора возникает как из положений об ответственности, указанных в общей части ГК РФ, так и из специальных положений, предусмотренных ФЗ «О

транспортно-экспедиционной деятельности».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. с. 410.

2. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч.1). с. 2701.

УДК/UDC 347

Проблемы осуществления муниципального контроля органами местного самоуправления

Бельчик Анастасия Макисмовна
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Павлов Николай Владимирович (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nik281@mail.ru
SPIN-код: 9982-4865

Аннотация

В статье рассматриваются и предлагаются различные способы решения проблем, возникающих при осуществлении муниципального контроля органами местного самоуправления. Предметом ведения муниципального контроля является лесной, земельный, жилищный, финансовый контроль, контроль в сфере дорожной и торговой деятельности. На сегодняшний день проблеме, касающейся средств муниципального контроля, в юридической литературе придается достаточно много значения, однако вопросу юридического процесса осуществления муниципального контроля внимания уделено мало. Отмечается, что отличие государственного земельного контроля от муниципального земельного контроля состоит в том, государственный земельный контроль осуществляется специально уполномоченными государственными органами. Автор приходит к выводу о необходимости принятия отдельного нормативного акта, регулирующего институт муниципального контроля: разграничение полномочий, компетенцию, статус органов муниципального контроля.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, государственный контроль (надзор), муниципальный контроль (надзор), муниципальный правовой акт.

The Issues of Municipal Control Carried Out by the Local Governments

Belchik Anastasiya Maksimovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Pavlov Nikolay Vladimirovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nik281@mail.ru
SPIN Code: 9982-4865

Abstract

The article discusses and suggests various ways to solve problems arising in the implementation of municipal control by local governments. The subject of municipal control is forest, land, housing, financial control, control in the field of road and trading activities. To date, the problem of means of municipal control in the legal literature is given a lot of importance. However, little attention has been paid to the issue of the legal process of municipal control. It is noted that the difference between state land control and municipal land control is that state land control is carried out by specially authorized state bodies. The author comes to the conclusion that it is necessary to adopt a separate regulatory act regulating the institution of municipal control: the delimitation of powers, competence, and the status of municipal control bodies.

Key words: local governments, state control (supervision), municipal control (supervision), municipal legal act.

Одним из важнейших составляющих муниципального управления является контроль. Так как одним из главных принципов муниципального контроля является законность, то контроль на местном уровне — это гарантия соблюдения законности в деятельности органов МСУ [1].

До принятия Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-

ФЗ [2] контроль за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществлялся на территории муниципального образования в пределах полномочий, закрепленных за органами местного самоуправления Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ [3].

В принятом 26 декабря 2008 г. под муниципальным контролем понимается деятельность органов МСУ, уполномоченных на организацию и проведение на территории муниципального образования проверок соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями требований, установленных муниципальными правовыми актами, а также федеральным и региональным законодательством. Также в п. 4 ст. 2 вышеуказанного Закона закрепляется положение о том, что порядок организации и осуществления муниципального контроля устанавливается муниципальными нормативно правовыми актами или законом субъекта РФ.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что проблеме, касающейся средств муниципального контроля в юридической литературе, придается достаточно много значения, однако вопросу юридического процесса осуществления муниципального контроля уделено мало внимания.

На сегодняшний день предметом ведения муниципального контроля является лесной, земельный, жилищный, финансовый контроль, контроль в сфере дорожной и торговой деятельности. Единый, унифицированный перечень муниципального контроля, который был бы утвержден законодательно, на сегодняшней день отсутствует. В научной литературе приводятся различные мнения по поводу признаков классификации муниципального контроля. Наиболее полный анализ приведен в докладе Министерства экономического развития Российской Федерации за 2011 г. «Муниципальный контроль в Российской Федерации». В последующих докладах данного ведовства точка зрения, касающаяся структурирования видов муниципального контроля, осталась неизменной. В связи с данной ситуацией возникают проблемы в реализации контрольных функций органами местного самоуправления.

В пункте 4 ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ закреплено, что порядок организации и осуществления муниципального контроля регулируется специально принятыми муниципальными нормативными актами или содержащими нормы процессуального права законами субъектов РФ. Но на практике особенность регламентации данного вида производства не осуществляется. Такого рода базовые акты в субъектах РФ практически не приняты. Так, в Абинском муниципальном образование Краснодарского края отсутствуют данного вида муниципально-правовые акты. Разработка официальных документов, регламентирующих предоставление органами услуг гражданам и организациям, основывается на основании Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ [4].

Следует также сказать о существовании такой проблемы, как отсутствие различия в реализации функций муниципального контроля и функций государственного контроля (надзора) [5]. Трудно не согласиться с наличием данной проблемы, поскольку осуществление функций вышеперечисленных видов контроля производится различными субъектами на основе различных нормативно-правовых актов. Так, отличие государственного земельного контроля от муниципального земельного контроля состоит в том, что: согласно п. 1 ст. 71 ЗК РФ [6] государственный земельный контроль осуществляется специально уполномоченными государственными органами. Также государственный земельный контроль осуществляется в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном Положением о государственном земельном надзоре [7]. В соответствии с п. 1 данного Постановления государственный земельный контроль (надзор) осуществляют: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и их территориальные органы.

На основании п. 1 ст. 72 ЗК РФ муниципальный земельный контроль осуществляется органами местного самоуправления.

Из анализа вышеуказанных нормативно-правовых актов и обнару-

жения существенных проблем можно сделать несколько заключений:

1) минимальное затрагивание проблемы юридического процесса осуществления муниципального контроля;
2) отсутствие различия в реализации функций муниципального контроля и функций государственного контроля (надзора);
3) присутствуют неясности в контроле за соблюдением требований, установленных органами местного самоуправления и органами государственной власти (например, какими органами и над кем осуществляется контроль по вопросу создания условий для развития местного традиционного народного творчества);
4) отсутствие унифицированного перечня субъектов муниципального контроля;
5) нет ясности в наборе подконтрольных субъектов.

Все вышеуказанные проблемы предполагают внесение в нормативно-правовые источники изменений касающихся муниципального контроля. Также можно сказать о необходимости принятия отдельного нормативного акта, регулирующего институт муниципального контроля: разграничение полномочий, компетенцию, статус органов муниципального контроля и т. п.

Список литературы

1. Фомина М. Г. Особенность и специфика муниципального контроля. Государственная политика // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 35–38.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. № 33168. Октябрь 2003.

3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный Закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 2768. 11 августа 2001 г.

4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный Закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 5247. 30 июля 2010 г.

5. Павлов Н. В. К вопросу об административно-правовой природе производства по осуществлению муниципального контроля // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 59–63.

6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

7. О государственном земельном контроле: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 689 // Российская газета. Федеральный выпуск № 4229. 23 ноября. 2006 г.

УДК/UDC 347

К вопросу о понятии «публичный порядок»

Бескоровайная Анастасия Геннадиевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: bler.a98@mail.ru

Аннотация

В статье произведен анализ теоретических и практических проблем, связанных с отсутствием законодательно закрепленного определения «публичный порядок». Предложены пути решения, следующие из действующего законодательства и судебной практики, изучаются различные терминологические подходы к пониманию рассматриваемого правового явления. Также рассматриваются положения, которые касаются сущности публичного порядка в международном частном праве. Особое внимание обращается на правовую основу как национального, так и зарубежного законодательства. Помимо этого, в статье отражены точки зрения специалистов в области международного частного права относительно области понимания публичного порядка. Выносится предложение о законодательном регулировании данного института международного частного права.

Ключевые слова: международное частное право, публичный порядок, коллизия, основы правопорядка и нравственности, принцип коллизионного права.

On the Issue on the Concept of Public Order

Beskorovaynaya Anastasiya Gennadiyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bler.a98@mail.ru

Abstract

The article analyzes the theoretical and practical problems associated with the fact that there is no legally fixed definition of public order. The author suggests solutions that

are derived from the current legislation and judicial practice, studies various terminological approaches to the understanding of the legal phenomenon. The paper also examines the provisions related to the essence of public order in private international law. Special attention is paid to the legal basis of both national and foreign legislation. In addition, the article reflects the views of experts in the field of private international law on the field of understanding of public order. The author proposes to provide legislative regulation of this institution of private international law.

Key words: international private law, public order, conflict, bases of law and morality, the principle of conflict of laws.

Ст. 6 Французского гражданского кодекса 1804 г. закрепляет: «Нельзя нарушать частными соглашениями законов, затрагивающих общественный порядок и добрые нравы» [1]. То есть, говоря об исторической характеристике термина «публичный порядок», данное определение впервые было затронуто во времена Французской империи.

В дальнейшем это понятие стало применяться все чаще, и можно сказать о том, что на сегодняшний день оговорка «публичный порядок» применяется в законодательстве большинства стран, но без четких разъяснений. Законодатель описывает лишь самые общие, характерные черты в виде указаний на основы национального правопорядка или же основополагающие принципы права.

В своей работе, которая посвящена вопросу о публичном порядке, А. Шепард приводит Решение Палаты лордов в 1853 г., в котором говорится о том, что публичным порядок — это принцип, согласно которому никому не должно дозволяться делать то, что способно нанести вред основам любого общества [2].

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 02.06.1999 № 19пв-99пр устанавливает, что под публичным порядком понимаются основные принципы, закрепленные в Конституции и законах РФ [3].

Ч. 1 ст. 169 ГК РФ устанавливает, что «сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия» [4]. Анализируя данную статью, можно

согласиться с тем, что в законодательстве РФ наряду с термином «публичный порядок» применяется его синоним — «основы правопорядка и нравственности».

Суммируя существующие доктринальные суждения, можно прийти к следующим выводам:

1. Целью создания данного института является ограничение действия иностранного права на территории своего государства.
2. Существует законодательная неопределенность понятия «публичный порядок» из-за невозможности проследить и закрепить все варианты коллизий между отечественным и иностранным правом. Поэтому нередко обращаются к судебной практике.

Как институт российского МЧП оговорка о публичном порядке содержится в третьей части ГК РФ, а именно, в ст. 1193:

1) норма иностранного права не применяется, когда последствия ее применения явно противоречат основам правопорядка Российской Федерации;
2) отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической или экономической системы иностранного государства от системы Российской Федерации.

Но, данную формулировку нельзя считать удачной, так как, если данное правоотношение будет неизвестно российскому праву, то вопрос остается открытым. Это положение связано с признанием плюрализма в международных отношениях и предписаниями принципов международного публичного права — невмешательства во внутренние дела другого государства и суверенного равенства государств.

Таким образом, законодатель не определил сущность, элементы публичного права, и в доктрине международного частного права существуют различные определения. Но анализируя их, можно прийти к выводу: во-первых, правовая наука не дает универсального определения публичного порядка, поэтому постоянно подчеркивается его неопределенность; во-вторых, целью поддержания публичного порядка является

соблюдение государственных суверенных интересов; в-третьих, основу составляют основополагающие начала морали и справедливости, на которых опирается самосознание общества.

Проведя анализ дефиниции оговорки о публичном порядке, необходимо отметить, что целью создания данного института является ограничение применения норм иностранного права [5]. Таким образом, необходимо, во-первых, на уровне международных договоров закрепить понятие публичного порядка, где проще перейти от закрепления общих норм к решению каких-либо частных вопросов. Во-вторых, установить пределы применения ст. 1192 ГК РФ — какие конкретно императивные нормы имеет в виду российский законодатель. В-третьих, установить четкую систему критериев применения оговорки о публичном праве, так как судебная практика применения оговорки о публичном порядке находится лишь на стадии формирования.

Список литературы

1. Саитов А. Французский гражданский кодекс 1804 года: история и современность // Юрист. 2004. № 12. С. 12.

2. Sheppard A. Interim report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards. 87 p.

3. Определение Президиума Верховного Суда РФ от 2 июня 1999 г. № 19пв-99пр // Справочно-правовая система «Гарант».

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

5. Кудрявцева Л. В., Колесникова В. А., Базалей А. А. К вопросу о понятии трудовых отношений, осложненных иностранным элементом // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 151.

УДК/UDC 349.1

Проблемы трансграничной несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации

Бондаренко Анатолий Витальевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: xTresdinx@gmail.com

Хмельков Никита Владимирович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nik2557542@gmail.com

Аннотация

В работе авторы рассматривают вопросы, возникающие в сфере трансграничного банкротства, осложненного иностранным элементом. Практика признания иностранных банкротств в России начинает активно развиваться. В данной статье обсуждается одна из самых острых проблем трансграничного банкротства, связанная со взаимодействием разных юрисдикционных производств и обходом иностранного банкротства. Представлен из международной практики пример обхода закона посредством трансграниченого банкротства (несостоятельности) физического лица, рассмотрены методы его противодействия. Информация, представленная в статье, будет полезна широкому кругу читателей: практикующим юристам, сотрудникам правоохранительных органов, а также государственным служащим.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, принцип взаимности, публичный порядок.

Issues of Transboundary Insolvency (Bankruptcy) in the Russian Federation

Bondarenko Anatoliy Vitalyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: xTresdinx@gmail.com

Khmelkov Nikita Vladimirovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nik2557542@gmail.com

Abstract

The authors consider the issues arising in the sphere of across-the-border bankruptcy complicated by a foreign element. The practice of recognition of foreign bankruptcies in Russia is beginning to develop. The article discusses one of the most acute problems of cross-border bankruptcy related to the interaction of different jurisdictional proceedings and evasion of foreign bankruptcy. An example of evasion of the law by means of across-the-border bankruptcy (insolvency) of an individual is presented from international practice, there were considered the methods of its counteraction. The information presented in the article will be useful to a wide range of readers: practicing lawyers, law enforcement officers, as well as civil employees.

Key words: cross-border bankruptcy; principle of reciprocity; public policy.

Рост внешнеэкономических отношений российских юридических лиц с организациями иностранных государств приводит в последнее время к увеличению споров в сфере несостоятельности (банкротства). В Российской Федерации есть два режима признания иностранных банкротств: общий, урегулированный гл. 31 АПК РФ [1], он же общий режим признания решений иностранных судов, а также специальный режим, основы которого заложены в п. 6 ст. 1 Закона о несостоятельности. Специальный режим признания предусматривает два условия для его реали-

зации: наличие международного договора либо же принципа взаимности.

Международный договор как условие для признания иностранных судебных решений о банкротстве имеет ряд особенностей:

1. Несмотря на то что Российская Федерация стала активным и цивилизованным участником международного обмена, таких специальных международных договоров в РФ на сегодняшний день нет [2, с. 158].
2. Для этих целей допускается применение общих судебных международных соглашений, предусматривающих признание иностранных судебных решений.

В случае отсутствия международного договора специальный режим признания иностранных банкротств допускает применение принципа взаимности. Однако данный принцип при его применении на практике имеет немало сложностей. Встает ряд вопросов: как доказывать его наличие, кто из государств обязан доказывать это наличие и должна ли это быть общая взаимность по всем судебным решениям или нужна именно специальная (к примеру, взаимность при признании решений об иностранном банкротстве)?

Для того чтобы уточнить аспекты режима признания иностранных банкротств на территории РФ, необходимо обратиться к знаковому спору в данной сфере — делу господина Кехмана (А56-27115/2016) [3]. Фабула дела следующая: г-н Кехман контролировал ряд компаний, которые занимались поставкой фруктов в РФ. На определенном этапе компании стали испытывать финансовые сложности, и в отношении них было инициировано банкротство на территории России. При этом, как выяснилось, г-н Кехман был поручителем по крупным долговым обязательствам, подконтрольным его компании. В то же самое время, когда в России шло банкротство подконтрольных ему юридических лиц, г-н Кехман, не теряя времени, обратился в суд Великобритании с заявлением о своем персональном банкротстве. Он мотивировал юрисдикцию тем, что определенная часть его активов и деятельности связана с Великобританией и, кроме того, в России еще в то время не действовали нормы

о персональном банкротстве. Тем не менее дело было принято к производству, и через некоторое время г-н Кехман получил освобождение от своих обязательств.

Крупнейшие российские кредиторы боролись в английском суде, ссылаясь на то, что г-н Кехман — «банкротный турист», который недобросовестно использует юрисдикцию и пытается провести свое банкротство в максимально «продолжниковском» правопорядке. Английские судьи не согласились с такой позицией и выдали судебный приказ о том, что г-н Кехман банкрот.

В это же время в РФ вступают в силу нормы о персональном банкротстве физических лиц, и крупнейший кредитор Кехмана, ПАО «Сбербанк» подает в Арбитражный суд РФ заявление о персональном банкротстве г-на Кехмана. Тот, в свою очередь, ссылается на то, что он не должен проходить повторную процедуру банкротства. Однако российские суды всех инстанций отказали в признании решения английского суда. Ключевые аргументы были следующими:

1. Не было специального международного договора, который регулировал бы признание иностранных банкротств.
2. В данном случае заинтересованная сторона не доказала наличие взаимности между Россией и Великобританией по вопросам признания иностранных судебных решений по делам о несостоятельности. Важный момент заключался в том, что взаимность здесь понималась судами в особом, узком контексте. Суды указали, что нет доказательств того, что суды Великобритании признавали бы судебные решения РФ о признании британских подданных банкротами. Довод специфичный, ведь в то время с момента принятия норм о персональном банкротстве в РФ объективно не могла сложиться практика признания английских подданных несостоятельными.
3. Признание решения по делу г-на Кехмана противоречило бы публичному правопорядку РФ: решение английского суда носит конфискационный характер по отношению к российским

кредиторам. Поскольку речь шла об освобождении от обязательств, то российские кредиторы уже не вправе были бы претендовать при признании банкротства в Великобритании на что бы то ни было. Именно в связи с такой ситуацией банкротство г-на Кехмана за рубежом фундаментально нарушает основы правопорядка РФ.

Развитые иностранные правопорядки при регулировании трансграничной несостоятельности позволяют использовать не только оговорку о публичном порядке или принцип взаимности, но и специальные инструменты регулирования (к примеру, Gibbs Principle (принцип Гиббса) в английском праве). Важно, что в РФ этих специальных методов регулирования на данный момент не имеется, и российские суды вынуждены применять общие положения международного гражданского процесса и международного гражданского права, что вызывает критику, поскольку необоснованно расширяет оговорку о публичном порядке, либо, как в данном случае, особым образом интерпретирует взаимность [4, с. 151].

Таким образом, мы считаем, что в российском правопорядке требуется введение специальных правовых инструментов трансграничного банкротства, которые не зависят от толкований, в том числе расширительных, позволят пролонгировать иностранное дело о несостоятельности, а там, где этого делать не нужно — иметь специальные основания для отказа в признании иностранного банкротства.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант».

2. Кудрявцева Л. В. Правовые меры привлечения высококвалифицированной рабочей силы в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья // Бизнес в законе. № 2. 2011. С. 158.

3. Дело г-на Кехмана № А56-27115/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Кудрявцева Л. В., Колесникова В. А., Базалей А. А. К вопросу о понятии трудовых отношений, осложненных иностранным элементом // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 151.

УДК/UDC 347

К вопросу о правовом регулировании залога движимого имущества

Бычек Екатерина Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: katenka.bychek.97@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена институту залога движимого имущества в Российской Федерации. Рассматривается его правовое закрепление в российском законодательстве, тенденции развития залоговых правоотношений в отношении движимого имущества. Отмечается, что будущему залогодержателю перед заключением договора залога движимого имущества необходимо обратиться к нотариусу с заявление о выписке из реестра уведомлений о залоге и убедиться, что конкретное движимое имущество, в отношении которого должен быть заключен договор залога, не заложено. Автор отмечает, что введение института учета залога движимого имущества обеспечивает в большей степени, чем раньше, защиту прав залогодержателя, а также третьих лиц, с которыми залогодержатель вступает в какие-либо правоотношения.

Ключевые слова: залог, движимое имущество, правовое регулирование, залог движимого имущества.

On the Issue of Legal Regulation of Movable Property Pledge

Bychek Yekaterina Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
E-mail: katenka.bychek.97@mail.ru

Abstract

The article touches upon the pledge of movable property in the Russian Federation. The article considers its legal consolidation in the Russian legislation, the tendency for the development of pledged legal relations with respect to movable property. It is noted that the future pledgee before entering into a pledge of movable property should contact the notary with an application for an extract from the register of pledge notifications and make sure that the specific movable property in respect of which the pledge agreement is to be entered into is not mortgaged. The author notes that the introduction of the institution of accounting for the pledge of movable property provides, to a greater extent than before, the protection of the rights of the pledgee, as well as third parties with whom the pledgee enters into legal relations.

Key words: pledge, movable property, legal regulation, pledge of movable property.

В соответствии с ГК РФ [1] объектом залога может быть как недвижимое так и движимое имущество. Залог движимого имущества — это вид залога, в соответствии с которым, во временное владение залогодержателю передается движимое имущества, являющееся собственностью залогодателя. Договором о залоге движимого имущества может быть предусмотрено отсутствие правомочия пользования у залогодержателя либо наличие данного правомочия.

В 2013 году Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [2] изложил § 3 гл. 23 ГК РФ, то есть «залог» в новой редакции, поэтому изменились нормы, которые регулируют залог имущества. Что касается правового регулирования залога недвижимости, то некоторые положения об этом уже обсуждались в юридической литературе [3].

В настоящей статье речь пойдет о правовом регулировании залога движимого имущества и одним из важнейших изменений в правовом регулировании залога движимого имущества явилось содержание п. 4 ст. 339.1 ГК РФ, который ввел учет залога движимого имущества путем ре-

гистрации уведомлений о залоге в нотариальном реестре уведомлений о залоге движимого имущества, который ведется в порядке, установленном Основы законодательства РФ о нотариате [4].

Сторонами в залоговом правоотношении являются залогодатель (должник, который передает свое имущество в залог) и залогодержатель (кредитор, которому передается имущество в залог). После заключения договора залога движимого имущества любая из сторон может обратиться к нотариусу с уведомлением о заключении договора залога в отношении кого-либо движимого имущества, нотариус, в свою очередь, обязан зарегистрировать это уведомление в нотариальном реестре уведомлений о залоге движимого имущества. Этот реестр является единым и действует на территории всей страны. Такое уведомление не обязательно для сторон, но учитывая положение п. 4 ст. 339.1 ГК РФ о том, что ссылаться на принадлежащее ему право залога залогодержатель вправе в отношениях с третьими лицами только с момента совершения записи об учете залога, считаем, что вышеуказанное положение заставит залогодержателя совершить запись об учете залога.

Рассмотрим также пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, в котором говорится о том, что залог прекратится, если заложенное имущество будет продано лицу, которое не знало и не могло знать о том, что данное имущество находится в залоге, поскольку в реестре уведомлений о залоге нет записи о залоге данного имущества. В этом случае права добросовестного приобретателя защищаются законом, а вот законные права залогодержателя будут защищаться в случае регистрации уведомления о залоге в указанном выше реестре.

Об этом свидетельствует положение, что залог будет сохраняться, в случае возмездного или безвозмездного отчуждения заложенного имущества или в порядке универсального правопреемства, лицам, которые знали или должны были знать о наличии залога в отношении данного имущества (п. 1 ст. 353 ГК РФ).

Следовательно, будущему залогодержателю перед заключением договора залога движимого имущества необходимо обратиться к нота-

риусу с заявление о выписке из реестра уведомлений о залоге и убедиться, что конкретное движимое имущество, в отношении которого должен быть заключен договор залога, не заложено. Только при наличии такой выписки залогодержатель сможет отстоять свои залоговые права.

Что касается регистрации уведомления о залоге в нотариальном реестре уведомлений о залоге движимого имущества, то порядок такой регистрации детально регламентирован главой XX.1 Основ законодательства о нотариате. При регистрации уведомления о залоге заявителю выдается свидетельство, подтверждающее данную регистрацию. Нотариус должен зарегистрировать уведомление о залоге немедленно и присвоить уникальный регистрационный номер, который в последующем будет использоваться для внесения каких-либо изменений в залог данного имущества.

Право залога возникло у залогодержателя поскольку он, заключая договор о залоге движимого имущества, проявил свою волю и действовал в своем интересе. Осуществление залогового права приводит к удовлетворению интересов залогодержателя, выражающихся в возможности получения удовлетворения своих денежных требований к должнику из стоимости заложенного движимого имущества залогодателя преимущественно перед другими его кредиторами [5].

Исходя из вышеизложенного, введение института учета залога движимого имущества обеспечивает в большей степени, чем раньше, защиту прав залогодержателя, а также третьих лиц, с которыми залогодержатель вступает в какие-либо правоотношения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. С. 3301.

2. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ // Российская газета. 2013. № 6267 (291). С. 14.

3. Нетишинская Л. Ф., Малимонова А. С. К вопросу о соотношении норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимого имущества)» в правовом регулировании залога недвижимого имущества. // Успехи современной науки. 2016. Т.3. № 4. С. 92–94.

4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: Закон РФ от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 03.08.2018) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. С. 357.

5. Нетишинская Л. Ф. К вопросу о соотношении субъективного права и интереса // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 1. С. 332–339.

УДК/UDC 347

Современное состояние и проблемы развития земельного законодательства

Василевская Ирина Дмитриевна
студентка факультета управления
Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: iriska96@bk.ru

Аннотация

Земельные отношения всегда находились в центре внимания общественности. Они были и остаются актуальными для всех слоев населения — как обладающих, так и не обладающих земельными участками. Земельный вопрос, благодаря своей социальной остроте, является основой экономической политики государства. С принятием Конституции РФ были узаконены различные формы собственности, в том числе на землю. Это повлекло неизбежные изменения в земельном законодательстве, которые вместе с проведением реформ в стране предопределили появление новых земельных правоотношений. Данные правоотношения многообразны, в их рамках взаимодействуют различные землепользователи, которых не было в советское время. Это взаимодействие должно быть надлежащим образом урегулировано во избежание столкновений.

Ключевые слова: земельное законодательство, земельные отношения, развитие земельного законодательства.

The Current State and Problems of Land Legislation Development

Vasilevskaya Irina Dmitrievna
student of the Faculty of Management
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: iriska96@bk.ru

Abstract

Land relations have always been the focus of public attention. They were and remain relevant for all segments of the population—both with and without land plots. The land issue, due to its social acuteness, is the basis of the state economic policy. With the adoption of the Constitution of the Russian Federation legalized various forms of ownership, including land. This led to inevitable changes in land legislation, which, along with reforms in the country, predetermined the emergence of new land relations. These legal relationships are diverse, various land users interact in their framework, which was not so in Soviet times. This interaction must be properly resolved to avoid collisions.

Key words: land legislation, land relations, development of land legislation.

На сегодняшний день в земельном законодательстве существует ряд следующих проблем:

1. Нестабильность земельного законодательства. Преобразование земельного законодательства, обусловленное развитием земельных отношений и совершенствованием рынка недвижимости посредством внесения изменений в ЗК РФ [1] изложили многие земельные нормы в иной интерпретации. В результате изменений и дополнений в ЗК РФ были внесены 19 новелл. Их изучение позволил прийти к выводу, что закрепление новых положений в ЗК РФ было обусловлено развитием иных законодательных отраслей и направлено на обеспечение соответствия ЗК РФ нормативному законодательству.
2. Сложность и несистемность изложения. Новеллы ЗК РФ сложны в плане понимания обывателей, не владеющих специальными знаниями в области земельного законодательства и юридической терминологии. Кодифицированный акт подобного рода должен обладать доступностью, простотой восприятия для широкого круга лиц.
3. Противоречивость административной и судебной практики.
4. Законом № 171-ФЗ и последующими изменениями и дополнениями земельного законодательства [2].

На наш взгляд, решением проблем земельного законодательства может стать изучение, обобщение и анализ судебной практики, восполняющей коллизии и пробелы земельного регулирования и одновременно является показателем уровня развития земельных отношений.

Несмотря на наличие многочисленных пробелов и коллизий, земельное законодательство РФ находится в стадии прогрессивного развития.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001г. № 136 // Российская газета. 29 октября 2018 г.

2. Гагаринова Н. В. Управление земельными ресурсами: учеб. пособие / Н. В. Гагаринова, М. В. Сидоренко. 2-е изд. Краснодар: КубГАУ, 2017. 160 с.

УДК/UDC 343

О некоторых теоретических аспектах мелкого взяточничества в уголовном законодательстве Российской Федерации

Геворкян Марина Робертовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: sweet_cook00@mail.ru

Чернов Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

В данной работе проводится анализ различных теоретических проблем правовой регламентации такого нововведения в Уголовном кодексе Российской Федерации, как «мелкое взяточничество». В ходе исследования были проанализированы различные подходы к определению степени общественной опасности мелкого взяточничества. Предложены определенные меры по совершенствованию уголовно-правовой регламентации мелкого взяточничества. Был выявлен главный теоретический аспект, который заключается в том, что на сегодняшний день нет четких границ дифференциации ответственности за мелкую взятку. В ходе исследования данного вопроса была определена позиция относительно дифференциации мелкого взяточничества, которая заключается в том, что ключевым критерием разграничения является степень общественной опасности, заключающаяся именно в наличии определенных последствий.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, уголовное право, дифференциация уголовной ответственности, метод правового моделирования.

Some Theoretical Aspects of Petty Bribery in Criminal Law of the Russian Federation

Gevorkyan Marina Robertovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: sweet_cook00@mail.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

This article analyzes various theoretical problems of the legal regulation of such innovation in the Criminal Code of the Russian Federation as petty bribery. The authors analyze various approaches regarding the determination of the degree of public danger of petty bribery. The authors propose certain measures to improve the criminal and legal regulation of petty bribery. The main theoretical aspect was revealed, which lies in the fact that today there are no clear limits to the differentiation of responsibility for the petty bribe. The authors define the position regarding the differentiation of petty bribery, which is that the key criterion for differentiation is the degree of public danger, namely the presence of certain consequences.

Key words: petty bribery, criminal law, differentiation of criminal responsibility, method of legal modeling.

Федеральным законом от 03 июля 2016 года № 324-ФЗ в УК РФ были внесены изменения, следствием которых стало выделение в отдельный состав преступления мелкого взяточничества (ст. 291. 2 УК РФ) [1, 2]. В данной редакции состав мелкого взяточничества включает в себя различные деяния и может быть образован как получением взятки, так и дачей взятки [3].

Таким образом, законодатель добавил в уголовное законодательство новое понятие: мелкая взятка — взятка в размере до 10 тысяч рублей. Стоит сразу отметить тот факт, что оба состава преступления, которые предусмотрены ст. 291.2 УК РФ (ч. 1 регламентирует ответственность за получение или дачу мелкой взятки; ч. 2 определяет ответственность за аналогичные деяния, совершенные лицом, которое уже имеет судимость за коррупционные преступления), относятся к преступлениям небольшой тяжести, тогда как «общие» составы дачи и получения взятки, закрепленные в ст. 290 и 291 УК РФ, включают в себя тяжкие и особо тяжкие преступления.

В итоге законодатель пошел по пути дифференциации уголовной ответственности за коррупционные преступления по критерию размера денежных средств, имущества или имущественных услуг в денежном выражении, которое получило лицо.

Одной из главных теоретических проблем является отсутствие дифференциации ответственности за мелкую взятку. Относительно данного вопроса весьма актуальной является позиция В. Н. Кудрявцева, который пишет о том, что опасность действия может вызвать определенные последствия. Действия будут тем сравнительно опаснее, чем выше будет степень вероятности наступления различных «вредных» последствий [4].

Схожей позиции по данному вопросу придерживается и Т. А. Лесниевски-Костарева, которая определяет дифференциацию уголовной ответственности в форме градации, различного рода разделения и расслоения ответственности в уголовном законе [5]. Результатом этого является установление различных уголовно-правовых последствий в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления, а также личности самого виновного [6].

Таким образом, весьма существенным в данном контексте является не только сам размер взятки, но также и степень тяжести наступивших последствий [7].

На наш взгляд, это наиболее рациональный и справедливый подход, поскольку для дифференциации уголовной ответственности относи-

тельно мелкого взяточничества стоит использовать критерий общественной опасности, который вытекает из совершенного деяния.

Для подтверждения данного суждения смоделируем следующую ситуацию: взятка была передана одному из сотрудников МЧС за незаконное освобождение от административной отвесности юридического лица или индивидуального предпринимателя за нарушения требований пожарной безопасности в магазине или торговом центре. Последствием данного деяния может стать пожар с жертвами. В данной ситуации стоит отметить тот факт, что общественная опасность за получение взятки столь же высока, как и ее получение. Стоит учитывать, что общественная опасность взятки заключается не в том, какого размера выгоду приобрел сотрудник, а том, какие именно негативные последствия наступили для публичных интересов.

Проанализировав определенные доктринальные точки зрения на вопрос, связанный с правовой дефиницией мелкого взяточничества, можно предложить следующее решение по устранению теоретических и практических проблем. Необходимо внести изменения в диспозицию ст. 291.2 УК РФ и представить ее в следующей редакции: «Получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, если это не повлекло причинение существенного вреда государственной власти, интересам государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 N 324-ФЗ // Российская газета. № 149. 08.07.2016.

2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Курдюк П. М., Чернов Ю. И. Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности? // Вестник КРУ МВД России. 2018. №1 (39). С. 11-16.

4. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.

5. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 400.

6. Чернов Ю. И. Взаимосвязь принципов административно-деликтного и уголовного процессов // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 8 (20). С. 119–132.

7. Киршина Е. А. Мелкое взяточничество (ст. 291. 2 УК РФ): особенности квалификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).

УДК/UDC 341.96

Проблемы принципа автономии воли сторон в международном частном праве

Геворкян Давид Арсенович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: spcool3@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы реализации принципа автономии воли сторон в рамках международного частного права. Актуальность исследуемой темы связана с ростом деловой активности в рамках международных экономических отношений, где составляются коммерческие договоры о сотрудничестве хозяйствующих субъектов. В своей работе, автор выделяет актуальность и для российского рынка, предприятия которого заинтересованы во внешнеэкономической деятельности. Перечислены причины, по которым принцип автономии воли сторон не соответствует современным требованиям международного публичного права. Проанализированы ключевые проблемы реализации принципа автономии воли сторон в международном частном праве на основе анализа российского и зарубежного законодательства и правоприменительной практики. Предложен перечень действий, с помощью которых можно сформировать пути решения основных проблем реализации принципа автономии воли сторон.

Ключевые слова: международное частное право; автономия воли; международный коммерческий договор; международные отношения.

Problems of the Parties Will Autonomy Principle in International Private Law

Gevorkyan David Arsenovich
Student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: spcool3@ yandex.ru

Abstract

The article deals with the problems of implementation of the parties will autonomy principle in the private international law. The relevance of the problem is connected with the growth of business activity in the framework of international economic relations, where commercial agreements on cooperation of economic entities are drawn up. In his work, the author highlights the relevance of the problem for the Russian market, the enterprises of which are interested in foreign economic activity. There were shown the reasons by which the principle of autonomy of the parties does not meet the modern requirements of the public international law. The key problems of the implementation of the principle of autonomy of the parties will in international private law based on the analysis of Russian and foreign legislation and the law enforcement practice were analyzed. There was proposed the list of events which could form the ways of the solution of the main principle of the parties will autonomy.

Key words: international private law; autonomy of will; international commercial contract; international relationships.

Цель автономии воли, состоящая в разрешении коллизии, а также приоритет над коллизионными привязками позволяют говорить об автономии воли как об основополагающем начале, принципе, действующем в международном частном праве [1, с. 3].

Принцип автономии воли сторон является одним из широко признанных в международном частном праве и включает в себя следующие положения:

1) стороны могут избрать право, применимое к их правам и обязанностям;

2) выбор применимого права не ограничен «территориально», т. е. может быть выбрано и то право, которое не имеет связи с правоотношением;
3) стороны могут избрать применимое право как в момент заключения договора, так и в последующем (выбор должен быть явно выражен или вытекать из условий договора и обстоятельств дела);
4) стороны могут выбрать применимое право в отношении как договора в целом, так и отдельных его частей (кумулятивный выбор применимого права);
5) стороны не обязаны урегулировать все отношения в договоре, и при наличии неурегулированных отношений применению подлежат материальные нормы международных договоров, а также право, определяемое с помощью коллизионных норм.

Исходя из этого, можно заключить, что автономия воли представляет собой одну из формул прикрепления коллизионного принципа, занимающих ведущее место в международных договорах [2].

Как уже отмечалось, автономия воли является одним из принципов международного частного права. Данное положение означает возможность стороной (сторонами) выбирать правовую систему, нормы которой будут регулировать данные отношения.

Автономия воли как инструмент регулирования права сторон при составлении международного коммерческого договора имеет активное использование в международных отношениях, причиной чему — отсутствие возможности предугадать все возможные сценарии развития, возникающие в процессе исполнения договоров соответствующими сторонами.

При этом его использование может приводить к проблемам, регулирование которых соответствует задачам международного частного права. На сегодняшний день известны отдельные практические случаи, когда принцип автономии воли приводит к проблемам и недостаткам в рамках международных отношений.

Ключевой проблемой автономии воли сторон выступает влияние арбитражных судов, которые могут ликвидировать влияние права любого государства, даже если они были указаны при составлении договора. Возможные ограничения в судебной практике касаются, как правило, двух аспектов: допустимости применения иностранных публичноправовых норм и применения права третьего государства, не имеющего отношения к возникшим правоотношениям.

Выбор сторонами права, не связанного с правоотношением, чаще всего имеет место, когда стороны не смогли достичь компромисса по данному вопросу и обращаются к праву, которое является «нейтральным» для обеих сторон.

Проанализировав международную практику можно говорить о том, что данный аспект в процессе разрешения спора между сторонами не рассматривается как проблема. Международный коммерческий арбитраж признает принцип автономии воли непосредственно, без исследования проблемы разумной связи между сделанным выбором и правоотношением [3, с. 46].

Например, в Великобритании не были еще выработаны прецеденты, которые бы ограничивали принцип автономии воли сторон. Немецкая доктрина также поддерживает выбор в пользу «нейтрального» правопорядка. Суды Франции аналогично признают за сторонами возможность избрать право третьего государства, но вынуждают их обосновывать причины такого решения [4, с. 132].

По нашему мнению, такой непосредственный подход к реализации принципа автономии воли сторон является спорным.

Во-первых, в силу специфики определенных отношений представляется важным ограничение возможного выбора права. Предполагается, что для регулирования брачного договора и соглашения об уплате алиментов, учитывая специфику семейно-брачных отношений, выбор должен быть ограничен правовыми системами, с которыми договор имеет связь.

Во-вторых, нельзя забывать о ситуациях, когда стороны намеренно

избирают иностранный правопорядок с целью избежать применение императивных норм законодательства, которое имеет с правоотношением тесную связь («обход закона»).

В теории, для отказа в признании выбранного права суд должен установить, что стороны преднамеренно пытаются избежать каких-либо императивных норм. Если же говорить о практической реализации, при выяснении данных обстоятельств перед судом возникнут некоторые трудности. Например, во Франции, недостижение сторонами компромисса по поводу права, имеющего разумную связь с правоотношением, рассматривается как обоснованный довод в пользу признания применения права иного иностранного государства.

Таким образом, суду, рассматривающему спор, будет сложно установить, что на самом деле послужило целью использования сторонами оговорки о применении права третьего государства, недостижение компромисса или намерение обойти закон.

Эта теория легла в основу ч. 5 ст. 1210 ГК РФ, согласно которой автономия воли сторон международных коммерческих договоров подлежит существенному ограничению в тех случаях, когда в момент выбора сторонами права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной. В том случае, если в договор включены условия, противоречащие императивным нормам права страны, с которой договор реально связан, такие условия, не подлежат применению. В части диспозитивных норм приоритет будет иметь принцип автономии воли.

Еще одной проблемой в реализации принципа автономии воли сторон, по нашему мнению, является положение ч. 4 ст. 1210 ГК РФ, которое устанавливает, что стороны договора могут выбрать подлежащее применению право, как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

В данном случае, с одной стороны, закон обеспечивает более полное и свободное волеизъявление сторон, что должно привести к более взвешенному, адекватному и справедливому для обеих сторон регули-

рованию, но, с другой стороны, это усложняет правоприменительный процесс, так как при одновременном применении права разных государств возникает трудно решаемая проблема их сопоставимости, адаптации друг к другу.

Таким образом, юридическими институтами установлено, что данный принцип не соответствует современным требованиям международного права, а именно по следующим причинам:

— государства обязаны соответствовать требованиям международного публичного права и действовать в их рамках;
— неприменение этого принципа государством и отсутствие его во внутреннем праве не рассматривается в рамках международного публичного права нарушением;
— признание принципа автономии воли сторон в международном частном праве многими государствами не является причиной делать его обязательной международной нормой [5, с. 50].

В связи с этим актуальной выглядит разработка действий, с помощью которых возможно решение проблемы реализации автономии воли сторон в рамках международного частного права. В первую очередь необходимо решить проблему, связанную с международным частным правом, где несоблюдение рассматриваемого принципа отдельными странами и сторонами — ненаказуемое действие. Необходимо включение данного императива в рамки международного права, создание его обязательным требованием и ограничение дескриптивных решений арбитражных судов, которые могут действовать в интересах лишь отдельных сторон, при этом необязательно правых в возникшем юридическом конфликте.

В целом вопросы анализа проблем реализации принципа автономии воли сторон в международном частном праве слабо изучены. Актуальными остаются ключевые недостатки интеграции принципа автономии сторон и внутренних правовых норм отдельных государств, а значит, данный вопрос необходимо исследовать и дальше, используя международный опыт.

Список литературы

1. Тригубович Н. В. Автономия воли в международном частном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. В. Тригубович. Саратов, 1999. 27 с.

2. Дармокрик В. Ф. Пределы принципа автономии воли и право, применимое сторонами при выборе условий сделки в международных договорах // Вестник СГЮА. 2016. №1 (108).

3. Международное частное право. Курс лекций: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / К. К. Гасанов [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 359 с.

4. Кудрявцева Л. В. Значение норм международного частного права в регулировании трудовых отношений мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации. Краснодар: Парабеллум, 2011. С.132.

5. Третьяков, С. В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С. В. Третьяков; МГУ. М., 2003. 204 с.

УДК/UDC 347.19

О некоторых вопросах права собственности на земельные участки

Грунтов Денис Владимирович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dengruntov@gmail.com

Аннотация

В статье автор рассматривает существующие правовые коллизии в терминологии, используемой в правоотношениях, связанных, с земельными участками, что влечет за собой проблемы в применении данных норм. В частности, рассматривается несоответствие в терминологии в Конституции Российской Федерации, Земельном кодексе Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации. Также рассматриваются вопросы, связанные с правом собственности на земельные участки, такие как пределы осуществления права собственности на земельные участки, приобретение права собственности на земельные участки и соотношение понятий «приобретение» «передача» и «предоставление».

Ключевые слова: земельные участки, право собственности, правоотношение, коллизия, терминология, земли населенных пунктов.

On Some Issues of Land Plots Property Right

Gruntov Denis Vladimirovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: dengruntov@gmail.com

Abstract

In the article, the author examines the existing legal conflicts in the terminology used in legal relations regarding land plots, which entail problems in the application

of these norms. In particular, the discrepancy in terminology is considered in the Constitution of the Russian Federation, the Land Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation is analyzed. The article also addresses the issues related to ownership of land, such as the limits of the exercise of title to land, the issues of acquiring ownership of land and the relationship between the notions of acquiring, transfer and provision.

Key words: land plots, property rights, legal relationship, collision, terminology, land settlements.

Одним из объектов права частной собственности выступает земельный участок. Согласно ч. 1 ст. 36 Конституции РФ земля — объект права частной собственности [1]. Под понятием «земля» в Конституции РФ имеются в виду земная кора, которая располагается над недрами на глубину почвенного слоя и используется в качестве объекта природы, природного ресурса и недвижимости.

Однако употребление понятия «земля» в Конституции РФ не может согласовываться с требованием системности, т. к. в ч. 1 ст. 9 речь идет о земле как об основе жизнедеятельности народов, которые проживают на данной территории, а в ч. 2 она рассматривается ужев качестве объекта права частной собственности.

Конституционный суд РФ толкует понятие «земля» как своего рода товар, недвижимость [2], и одновременно как достояние всего населения РФ [3].

Тем не менее объем данных терминов не равнозначен, так как земля в смысле данного нами определения — публичное достояние народа РФ. Соответственно, нахождение всех земель РФ в частной собственности противоречит основным конституционным положениям.

Таким образом, в частной собственности может находиться только часть земель РФ, или, правильнее сказать, только некоторые земельные участки. Понятие «земля РФ» и «земельные участки, расположенные на территории РФ» соотносятся между собой как целое и часть целого. Хотя земельный участок лишь часть земли, он, тем не менее, наследует

основные свойства родового объекта, но не перестает оставаться природным ресурсом и объектом.

Основываясь на вышесказанном, не являются логичными наименования гл. 3 и 5 ЗК РФ [4], которые звучат как «Собственность на землю» и «Возникновение прав на землю», как и наименование входящих в состав этих глав статей, таких как «Основания возникновения прав на землю» и «Собственность на землю юридических лиц и граждан».

Также схожие определения глав и статей мы имеем в ГК РФ [5]. Например, гл. 17 носит название «Право собственности и другие вещные права на землю». Однако в самих статьях речь идет именно о земельных участках и правах на них, а никак не о правах на землю.

Таким образом, считаем вполне правильным и логичным привести такие наименования из Гражданского и Земельного кодексов РФ в соответствие с их содержанием, заменив понятие «земля» на понятие «земли». Необходимо отметить, что гл. 2 ЗК РФ «Охрана земель» отвечает содержанию, так как содержит нормы не по охране земли, а именно земель как природного ресурса и природного объекта.

Ст. 11.1 ЗК РФ определяет земельный участок как ограниченную федеральными законами часть земной поверхности. Такое определение соответствует ст. 261 ГК РФ, в которой говорится, что все почвенные слои и водные объекты, а также растения, находящиеся на территории участка, попадают в право собственности владельца земельного участка. Собственник может распоряжаться ими по своему усмотрению, если его действия не нарушают законы об использовании воздушного пространства, о недрах, а также не попирают права других лиц.

По мнению И. А. Покровского, право собственности на землю начинается глубоко из-под земли и проходит вверх над ней бесконечно. Исходя из этого, собственник вправе препятствовать проложению газовых труб, водопровода или тоннеля, в также проведению телефонных проводов на любой высоте. Подобное противостояние несовместимо с интересами благоустройства в современном мире [6].

На данный момент существуют пределы, в которых собственник

может осуществлять действия на своем земельном участке. Собственник может добывать полезные ископаемые, не относящиеся к достоянию государства, а также строить подземные сооружения на глубине не более пяти метров. Для жителей сельской местности особенно актуально строительство бытовых колодцев и скважин, не являющихся источником централизованного водоснабжения. Все эти права установлены в ст. 19 Закона РФ «О недрах» [7].

П. 1 ст. 6 ЗК РФ установлено, что части земельных участков также являются объектами земельных отношений. Так, например, К. Бадулин считает, что часть земельного участка является объектом земельных отношений, так как подобный объект существует и используется [8].

Но есть ряд возражений, поскольку в ст. 128 ГК РФ говорится о полноценных вещах, а не об их частях. Следовательно, если участок разделить на две части, каждой из них будет присвоен индивидуальный кадастровый номер. В таком случае мы получаем полноценный земельный участок, а не часть. Осуществить приватизацию части земельного участка не представляется возможным. Для начала нужно произвести процедуру межевания и постановки участка на кадастровый учет. В связи с этим логично предположить, что любой объект, который можно разделить, дает новый объект — такой же, только меньшего размера. Так и с землей: при делении мы получаем все те же участки меньших размеров.

Обособление земельного участка происходит путем межевания и постановки его на кадастровый учет. Это обязательная процедура для собственника перед заключением договора об аренде, купли-продажи и т. д. Исходя из этого, в содержании договора будет отражен земельный участок, а не «часть».

В соответствии со ст. 36 Конституции РФ земельный участок является объектом права частной собственности, расположенном на территории РФ, состоящем на кадастровом учете и не ограниченном в использовании. В связи с тем, что термин «земля» не относится к объектам права собственности, его заменили на термин «земельный участок».

В городских либо сельских населенных пунктах право частной собственности может приобретаться по разным правовым основаниям. Но необходимо различать понятия возникновения и приобретения прав на собственность. Например, если мы говорим о государстве, то право собственности «возникает». В ст. 17 ЗК РФ говорится, что у РФ возникло право собственности на земельные участки, находящиеся на территории государства. Приобретение участка — это появление права собственности у государства или других лиц на основании закона. Похожий термин фигурирует в иных статьях ЗК РФ, если речь идет о праве приобретения гражданами земельного участка в частную собственность.

Вместе с термином «приобретение» часто используют термины «передача» и «предоставление», говоря об участках земли. Как ранее говорилось, термин «приобретение» используют в отношении права собственности на земельный участок. Термин «предоставление» употребляют, когда говорят о передаче государственной (муниципальной) собственности частному лицу. «Передача» земельных участков означает разграничение государственной собственности на землю. Часто законодатели используют термины «переоформление» и «приватизация», что не совсем верно.

Подобные неурядицы оставили свой след и в научных исследованиях. Так, А. З. Зиннатуллин считает, что приобретение права частной собственности — это не что иное, как правомерные действия в отношении земельного участка как оборотоспособного недвижимого имущества. В результате данных действий возникает право собственности на земельный участок. Такой подход не совсем вписывается в действующее законодательство, поскольку органы власти являются в том числе и субъектами гражданских правоотношений [9].

На сегодняшний день самыми частыми основаниями для приобретения в частную собственность земельных участков являются договор и другие сделки, акты государственных органов и органов МСУ, служащие основанием возникновения гражданских прав и обязательств.

Иногда последнюю группу оснований называют административно-

правовым порядком приобретения права собственности на земельные участки. При таком способе одним из участников правоотношений является государственный орган либо орган местного самоуправления. Административный порядок заключается в том, что земельный участок передается посредством первичного предоставления или переоформления прав на землю [10]. Эти действия осуществляет компетентный по данному вопросу орган. Если речь идет о предоставлении муниципальных или государственных участков, то таким органом выступает орган МСУ. Если участок находится в собственности субъекта РФ, компетентным по данному вопросу органом будет являться орган государственной власти субъекта РФ, а в случае если предложенный земельный участок находится в федеральной собственности, то им распоряжаться будет орган государственной власти РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. по запросу Волгоградской областной Думы о проверке конституционности пункта 1 и абзаца второго пункта 3 Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». Версия от 03.02.2007 г.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1833.

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136 // Российская газета. 29 октября 2018 г.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 198.

6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 203.

7. О недрах: закон Российской Федерации № 2395-1 от 21 февраля 1992 г. //

Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

8. Бадулин К. Часть земельного участка как объект земельных отношений // Хозяйство и право. 2006. № 1. С. 86–93.

9. Зиннатуллин А. З. Приобретение права частной собственности на земельные участки: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 5.

10. Анисимов А. П. Актуальные проблемы правового режима земель населенных пунктов в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 454 с.

УДК/UDC 347.1

К вопросу о правовом статусе самозанятого в Российской Федерации

Гулова Алина Владимировна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: gulova.al@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются особенности правового регулирования самозанятых граждан в современной России в рамках очередной налоговой реформы. Анализируется Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“ в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)», который вступает в силу с 1 января 2019 года. Рассматриваются правовые позиции ученых о правовом статусе самозанятых граждан. Приводятся примеры зарубежного законодательства по данной теме исследования и опыт налогообложения самозанятого населения. Рассматривается судебная практика по данной теме исследования, в том числе Краснодарского края. Предлагаются пути решения по совершенствованию российского законодательства, регулирующего правовой статус самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятые, физические лица, индивидуальный предприниматель, правовой статус.

On the Issue of the Legal Status of the Self-Employed in the Russian Federation

Gulova Alina Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: gulova.al@mail.ru

Abstract

The article reveals the features of legal regulation of self-employed citizens in modern Russia in the framework of the next tax reform. The article analyzes the Federal law On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime Named "Tax on Professional Income in the city of Federal Importance of Moscow, in Moscow and Kaluga Oblasts and in the Republic of Tatarstan (Tatarstan), which comes into force on January 1, 2019. The author discusses the legal position of the scholars on the right of CMV status the self-employed and gives the examples of foreign legislation on the subject of research and experience of taxation of the self-employed. Judicial practice on this research topic, including Krasnodar Krai, is considered. The author proposes the ways of improvement of the Russian legislation regulating the legal status of self-employed citizens.

Key words: self-employed, individuals, individual entrepreneur, legal status.

В настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания РФ активно обсуждался Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“ в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (вступит в силу с 1 января 2019 года) [1], в котором говорится о введении налога для самозанятых граждан и индивидуальных предпринимателей, которые не нанимают работников по трудовым договорам. Предложено установить ставку в размере 4% при оказании услуг физическим лицам и применять такую систему для тех, чей доход не превышает 10 млн рублей в год.

На фоне вышеуказанных событий актуальной темой в предпринимательском праве РФ является правовой статус самозанятых граждан. Необходимо отметить, что наблюдается рост регистрации самозанятых граждан за последние два года. Согласно отчету ФНС РФ, в 2017 г. всего было зарегистрировано 939 человек в указанном статусе, по состоянию на 1 октября 2018 г. — 2427 человек. В определении масштабов армии самозанятых мнения расходятся — разные источники называют 16 млн человек (Минтруд), 25 млн (Росстат) и до 40 млн (эксперты). Специа-

листы объясняют одну из причин отсутствия роста уровня официальной безработицы переходом населения на «архаичные формы занятости» [2, 3].

В странах Западной Европы и США были предприняты успешные шаги по регламентации государственных взаимоотношений с самозанятым населением, и сейчас подобная проблема на Западе считается уже относительно решенной и не стоящей столь остро.

В Республике Беларусь данный вопрос также является на сегодняшний день дискуссионным. Так, парламентом выработана инициатива по выделению самозанятых граждан в отдельную категорию, под которую будут подпадать ремесленники, владельцы подсобных хозяйств, получающие доход от продажи сельхозпродукции. Эти граждане должны приобретать патент на ведение своего бизнеса и могут не регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. Однако предполагается, что «фискальный эффект будет невысоким, но он перекрывается по значимости социальным эффектом. Самозанятый не будет получать социальное пособие, но он не деградирует, он обеспечивает себя работой, кормит семью, оказывает значимые услуги или производит востребованные товары. В социальном плане он не безработный, что также важно для человека» [4].

Таким образом, можно констатировать крайне низкую эффективность налоговой политики Правительства РФ. На протяжении всего времени в РФ ведутся дискуссии среди ученых о правовом статусе «самозанятых граждан» и их правовые позиции неоднозначны. Например, А. В. Бурлак утверждает, что самозанятые граждане — лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой, наравне с работающими по трудовому договору выделены в качестве основной категории граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию. [5, с. 173].

Е. Г. Крылова считает самозанятых граждан предпринимателями, но с особым статусом, так как они сами занимаются своей деятельностью, но в целом их деятельность напрямую связана с экономическими рисками и направлена на систематическое получение прибыли от произ-

водства товаров, оказания услуг, выполнения работ [6, с. 11].

По мнению Е. А. Абрамовой, под самозанятыми в основной своей массе понимает владельцев малых и микропредприятий, предпринимателей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица [7, с. 6].

По нашему мнению, правовой статус самозанятых в настоящее время не определен. При этом с правовых позиций это явление именуется незаконным предпринимательством, за что предусмотрено наступление административной либо уголовной ответственности — в зависимости от размера полученного в результате такой деятельности дохода. Например, в Тимашевском районном суде Краснодарского края к административной ответственности уже привлечено несколько водителей, предлагавших свои услуги на сервисе BlaBlaCar, хотя по закону последние относились к категории самозанятых граждан [8]. Согласно гражданскому делу, Э. Ю. Курякин осуществлял деятельность по перевозке пассажиров на транспортном средстве за денежное вознаграждение в размере 50 рублей за одну поездку при отсутствии регистрации в качестве юридического лица либо индивидуального предпринимателя, без специального разрешения на данный вид деятельности. Кроме того, Э. Ю. Курякин осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность по перевозке пассажиров и багажа легковым такси на территории Краснодарского края, что создало возможность возникновения угрозы жизни и здоровья неопределенного круга лиц, так как перевозка осуществляется без прохождения обязательных предрейсовых и послерейсовых медицинских осмотров и технического контроля состояния транспортных средств. С учетом вышеизложенного, суд запретил Э. Ю. Курякину осуществлять предпринимательскую деятельность по перевозке пассажиров и багажа легковым такси на территории Краснодарского края до получения разрешения Министерства транспорта и дорожного хозяйства Краснодарского края [9].

Мы считаем, что распространение правового режима деятельности индивидуальных предпринимателей на самозанятых граждан в принци-

пе противоречит идее их легализации, поскольку накладывает на последних такие дополнительные обременения, которые делают для них легализацию невыгодной.

Рассмотрев отдельные вопросы о правовом статусе самозанятых граждан, мы приходим к выводу, что тема требует дальнейшего изучения со стороны исследователей.

Список литературы

1. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федеральный закон от 27.11.2018 года № 422-ФЗ (не вступил в силу) // Российская газета. 2018. № 270.

2. В Совете Федерации предлагают новый способ легализации самозанятых россиян // Российская газета. URL: https://rg.ru/2017/05/15/samozaniatym-rossiianam-dlia-legalizacii-predlozhili-brat-patenty.html.

3. Ежемесячная статистическая информация о представленных физическими лицами в налоговые органы уведомлениях об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд по состоянию на 01.10.2018 / Статистика по самозанятым гражданам // Сайт ФНС РФ. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed.

4. Всякий тунеядец станет самозанятым. 31 августа 2016 // UDF.BY. URL: http://udf.by/news/main_news/144717-vsyakiy-tuneyadec-stanet-samozanyatym.html.

5. Бурлак А. В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4.

6. Крылова Е. Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6.

7. Абрамова Е. А. Кризисная самозанятость в России: квалификация, структура и уровни развития // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. Иваново: Изд-во Ивановского государственного химико-технологического университета, 2012. № 4.

8. Суд на Кубани запретил публикации о совместных поездках с помощью сервиса BlaBlaCar // Югополис. URL:http://www.yugopolis.ru/news/timashevskij-sud-zapretil-publikacii-o-sovmestnyh-poezdkah-v-servise-blablacar-107971.

9. Решение Тихорецкого городского суда от 09.10.2017 г. № 2-1349/2017 2-1349/2017 М-1421/2017 М-1421/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/w32jdW7m44VX/.

УДК/UDC 347.736

К вопросу о понятии и моделях правового регулирования транснационального банкротства

Дацко Роман Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: datsko_roman@mail.ru
SPIN-код: 4388-7033

Проданова Анастасия Алексеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nastyacooper18@gmail.com

Аннотация

Авторами на основе анализа сложившихся в научной литературе правовых взглядов определены специфические признаки банкротства трансграничных организаций. В статье показаны основные общепризнанные модели правового регулирования отношений, связанных с трансграничной несостоятельностью, раскрыты принципы их применения в различных правопорядках, а также обозначены проблемы, возникающие при их применении, которые приводят к фактическому неравенству статуса кредиторов, делают практически недостижимыми как финансовое оздоровление, так и продажу трансграничной корпорации как единого имущественного комплекса. Раскрыт вопрос выбора применимого к отношениям трансграничного банкротства материального и процессуального права. Делается вывод о необходимости активизации работы законодателя и представителей научного сообщества по предмету исследования ввиду отсутствия к настоящему моменту необходимого законодательного регулирования и однозначных правовых позиций в исследуемой области.

Ключевые слова: несостоятельность, трансграничное банкротство, универсализм, территориальность.

On the Concept and Models of Legal Regulation of Transnational Bankruptcy

Datsko Roman Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: datsko_roman@mail.ru
SPIN Code: 4388-7033

Prodanova Anastasiya Alekseyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nastyacooper18@gmail.com

Abstract

On the basis of the analysis of the views observed in the legal literature, the authors developed in the scientific literature identify specific signs of bankruptcy of cross-border organizations. The article shows the main generally recognized models of legal regulation of relations related to cross-border insolvency, the principles of their application in various legal orders, as well as the problems arising from their application, which lead to the actual inequality of the status of creditors, make it practically unattainable as financial recovery and sale of cross-border corporations as a single property complex. The question of choice of material and procedural law applicable to the relations of cross-border bankruptcy is disclosed. It is concluded that it is necessary to activate the work of the legislator and representatives of the scientific community on the subject of study due to the lack of the necessary legislative regulation and unambiguous legal positions in the study area.

Key words: insolvency, transnational bankruptcy, cross-border bankruptcy, principle of reciprocity universality, territoriality.

В настоящее время обусловленная глобализацией динамика развития экономических отношений предъявляет к множеству коммерческих организаций новые требования, заставляющие их выходить за пределы одного государства, активно проявлять себя на мировом рынке, стано-

вясь при этом полноценными участниками процесса интернационализации предпринимательской деятельности.

С развитием внешнеэкономических связей такие организации вступают в правоотношения с контрагентами со всего мира, приобретают за рубежом имущество, изменяют собственную структуру владения, открывают представительства на территории различных государств — тем самым подчиняют себя действию различных правопорядков.

Однако нельзя забывать о том, что основополагающей характеристикой предпринимательской деятельности является ее рисковый характер. А потому, как показывает практика, даже самые крупные корпорации не могут быть застрахованы от банкротства.

Ключевая проблема несостоятельности (банкротства) таких организаций обусловлена тем, что банкротство трансграничных компаний зачастую связано с правопорядками сразу нескольких стран, имеющих существенные отличия в законодательном регулировании данной процедуры. Более того, в отношении одного и того же лица параллельно в разных государствах может возбуждаться несколько производств по делу о несостоятельности.

Все это требует разрешения многочисленных вопросов, связанных с определением правопорядка, компетентного регулировать данные правоотношения, с координацией производств, возбужденных в различных юрисдикциях, с признанием подсудности дела о несостоятельности компетентному органу другого государства и с исполнением судебных решений и иных актов, вынесенных в таком порядке.

К настоящему моменту проблема неурегулированности трансграничной несостоятельности приобрела особую актуальность для российских организаций. Многие крупные российские корпорации сложно структурированы, имеют подразделения за пределами Российской Федерации. Актуальное российское законодательство фактически не содержит какого-либо правового регулирования трансграничной несостоятельности, к тому же эта проблематика не имеет достаточной научной проработки. В то же время США, Англия, Франция, Германия имеют

достаточно успешный опыт многолетнего исследования указанных правовых проблем.

В отечественной доктрине представлены различные взгляды на правовую природу несостоятельности, связанной с иностранным правопорядком. Так, Е. А. Файншмидт и Т. В. Юрьева полагают необходимым выделить так называемый содержательный подход, при этом исследователи отмечают узкую и широкую его трактовки. Согласно узкой несостоятельность приобретает международный характер в случае нахождения активов несостоятельного должника в пределах нескольких национальных юрисдикций. И, напротив, широкая трактовка требует с необходимостью для признания отношений по банкротству осложненными иностранным элементом наличия хотя бы одного из следующих критериев:

— нахождения активов несостоятельного должника в пределах нескольких национальных юрисдикций;
— принадлежности кредиторов несостоятельного должника к нескольким национальным юрисдикциям;
— принадлежности участников (членов) должника к нескольким национальным юрисдикциям;
— нахождения хотя бы двух из трех ключевых элементов дела о несостоятельности — либо активов должника, либо его кредиторов, либо должника — в пределах различных национальных юрисдикций [1].

Е. В. Мохова под трансграничной несостоятельностью понимает совокупность правоотношений, возникающих по поводу несостоятельности лица, при этом осложненную иностранным элементом, проявляющимся, но не исчерпывающимся в участии в правоотношении иностранных по отношению друг к другу кредиторов и должника, участников (учредителей) должника — юридического лица и самого должника, в наличии имущества должника за рубежом, а также в возбуждении в отношении одного и того же должника производств по делу о несостоятельности в двух и более государствах [2].

На основе анализа сложившихся в научной литературе правовых взглядов, полагаем возможным определить специфику банкротства трансграничных организаций. Следует признавать банкротство осложненным иностранным элементом, если существует возможность выделения хотя бы одного из следующих критериев:

— наличие иностранных по отношению друг к другу кредитора (кредиторов) и должника;
— наличие иностранных по отношению друг к другу участников (учредителей) должника — юридического лица и самого должника;
— нахождение активов должника за рубежом по отношению к государству, на территории которого возбуждено производство по делу о банкротстве.

Обозначенные критерии обретают форму процессуальных моделей правового регулирования трансграничного банкротства, две из которых — «универсализм» и «территориализм» — получили общее признание и являются основными. Каждая такая модель регулирования отношений, связанных с трансграничной несостоятельностью, основывается на различных подходах к вопросам определения компетентного суда, применимого права, экстерриториальности судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности (банкротстве) [3].

«Территориализм» предполагает параллельное ведение в нескольких государствах независимых производств по делу о банкротстве с открытием в отношении одного лица этими государствами параллельных процедур банкротства, которые регулируются внутренним правом. При этом координация иностранных производств отсутствует, а в конкурсную массу включается лишь имущество должника, находящееся на территории каждого конкретного государства.

Данная модель приводит к фактическому неравенству статуса кредиторов, что оборачивается их «гонкой» — ситуацией, когда в условиях нахождения активов должника в юрисдикции различных государств кредитор стремится удовлетворить свои требования в полном объеме пу-

тем возбуждения производств в государствах с наибольшим количеством имущества должника. Это делает практически недостижимыми как финансовое оздоровление, так и продажу трансграничной корпорации как единого имущественного комплекса. Таким образом, проведение процедуры банкротства противоречит самой ее цели, которая, как справедливо замечают Л. В. Масленникова и Д. С. Залесная, «является важной структурной характеристикой института банкротства, так как именно она определяет все другие его категории и прежде всего систему применяемых к должнику правовых средств» [4].

К существенным недостаткам исследуемой модели исследователи также относят отсутствие координации действий арбитражных управляющих и ликвидаторов в проводимых параллельно процедурах, излишнее расходование средств кредиторов и должника на судебные расходы, а также затрудненный доступ к ним.

Несмотря на данную выше характеристику, каждое государство в отдельности желает установить именно режим территориальности [5]. Однако наличие большого числа проблем при отсутствии эффективных механизмов защиты участников процесса обусловили необходимость разработки новой модели. Именно такой альтернативой и стала модель универсализма.

К основным принципам модели «универсализма» относятся [6]:

1. Универсальность процедур — все имущество должника, находящееся на территории государства, в котором была возбуждена процедура, а также находящееся за его пределами, включается в процедуру банкротства. Для судебных актов характерен экстерриториальный характер.
2. Единство производства по делу о банкротстве — только один суд рассматривает дело о банкротстве касаемо всего имущества и всех кредиторов.

Обеспечение применения универсальных правил производства, соблюдение важнейших принципов банкротства гарантирует модель «универсализма». Однако стоит сказать, что в нынешнее время достаточно

сложно реализовать данную модель, так как в первую очередь необходимо унифицировать законодательство о трансграничной несостоятельности, что представляется практически невозможным. В итоге и идеальная модель универсализма, и идеальная модель территориализма оказались неприменимы. Ученые начали разработку модифицированных моделей правового регулирования трансграничной несостоятельности.

В настоящее время исследователи выделили две основные модифицированные модели: «территориализм, основанный на сотрудничестве» и «модифицированный универсализм» [7].

Согласно первому подходу, государство применяет свое право в отношении активов должника, которые находятся на территории этого государства. В месте нахождения активов должника, то есть в любом государстве, может осуществляться производство. Но при этой модели необходимо сотрудничество. С помощью контактирования агентов, назначаемых судом каждого такого государства, достигается сотрудничество. Агенты взаимодействуют благодаря оформлению ad hoc protocols, или «мини-договоров». Такие договоры, как правило, регулируют сам процесс распределения активов должника.

При трансграничном банкротстве канадских или американских компаний зачастую применяется практика оформления протоколов. Так, в одном из дел о банкротстве производство было открыто и в Великобритании, и в США. И на основе протокола, который был подготовлен арбитражными управляющими, происходило взаимодействие производств.

В связи с этим остро встает вопрос о соблюдении принципа добросовестности арбитражными управляющими. По мнению Л. В. Масленниковой и А. К. Инжеватова, сложность исследования этого принципа «заключалась и заключается в отсутствии универсальности при его применении и соблюдении, невозможности его единообразного применения во всех сферах гражданских правоотношений» [8].

Стоит сказать и о другом подходе, а именно о модели «модифицированного универсализма». Именно благодаря ей возможно отрыть территориальные (дополнительные) производства по делу в различных

государствах. Данную модель возможно использовать только благодаря международным правовым документам. Ее на практике создать намного проще, чем использовать модель чистого «универсализма». Именно в ЕС такая модель действует на практике.

Стоит сказать об основной проблеме трансграничной несостоятельности, а именно о проблеме применимого права. В данную проблему входят два ключевых вопроса — о применении материального права и о применении процессуального права.

В настоящее время нет единого подхода к определению материального права. Однако если говорить о процессуальном праве и его применении, то на этот вопрос ответить проще. Как правило, применяется право именно того государства, на территории которого находится суд и рассматривается дело (lex fori).

Поскольку сам процесс рассмотрения дела в суде регулируется правом суда, это является отсылкой к модели «территориализма». Этот подход является ключевым для тех государств, которые не имеют международных договоров.

Если говорить о модели «универсализма», то именно благодаря концепциям«места ведения основной деятельности» и «центра основных интересов» должника определяется применимое право. И согласно внутреннему законодательству государства, где ведется производство, происходит само производство процедур трансграничной несостоятельности.

Одной из причин нарушения прав лиц, участвующих в деле о несостоятельности, может стать выбор такими лицами наиболее для них удобной формы проведения процедур банкротства. От принципа, являющегося основой регулирования в той или иной стране, зависит понимание lex fori. Если принцип «универсальности» является основным для государства, то имеет место один закон суда. Противоположностью этому являются страны, для которых ключевым является принцип «территориальности». К сожалению, именно отсутствие единоличного применения того или иного принципа приводит к таким обстоятельствам, которые делают производство по делу о банкротстве еще более долгим. Это

может явиться одной из причин неэффективности процедур.

Ключевым подходом к коллизионной привязке является следующий подход, выработанный в мировой практике: применимое право следует праву государства места возбуждения производства (lex fori concursus).

Благодаря этому обеспечивается единообразие материального и процессуального права при регулировании трансграничного банкротства.

В деле о несостоятельности невозможно применение материального права одной страны, а процессуального — другой. Такие положения включают в себя ссылку на lex fori concursus с регулированием пределов действия статута несостоятельности. Договорный статут и статут несостоятельности имеют разграничение действия благодаря международному опыту регулирования трансграничного банкротства. Так, например, согласно Регламенту ЕС не предусматривается переключение права, которое применяется к договору, на то, которое применяется в отношении несостоятельности должника.

Согласно коллизионной норме lex fori concursus применимое право следует суду, а следовательно, главным вопросом является международная подсудность, которая определяет по сути все производство по делу. Следовательно, вопрос о международной подсудности является ключевым касаемо унификации и развития международных норм.

Приходим к выводу, что отношениям, возникающим в сфере трансграничного банкротства, характерна крайне сложная правовая природа. В рамках данных отношений возникает множество спорных вопросов, ввиду отсутствия единых норм и унификации. Данные вопросы следует разрешать с помощью взаимодействия. Именно это может способствовать обеспечению соблюдения прав и законных интересов кредиторов и должника.

Список литературы

1. Файншмидт Е. А., Юрьева Т. В. Зарубежная практика антикризисного управления: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. С. 137–138.

2. Мохова Е. В. Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

3. Мохова Е. В. Обеспечение «изначальной предсказуемости» при определении «базовой страны должника» в случаях трансграничной несостоятельности юридических лиц // Северокавказский юридический вестник. 2007. № 2. С. 33; Рягузов А. А. Методы регулирования трансграничной несостоятельности // Международное публичное и частное право. 2007. № 3 (36). С. 2.

4. Масленникова Л. В., Залесная Д. С. Цели и задачи института несостоятельности (банкротства): сравнительная характеристика российского и зарубежного законодательства // Молодой ученый. 2016. № 29. С. 453–455.

5. Bebchuk L. A., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // NBER Working Paper 6521. April 1998. P. 4.

6. Verougstraete I. Manuel de la Faillite et du Concordat // Kluwer Editions Juridiques Belgiques. 1998. P. 617; Toremans P. Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law // Kluwer Law International. 2001. P. 3.

7. Мохова Е. В. Обеспечение «изначальной предсказуемости» при определении «базовой страны должника» в случаях трансграничной несостоятельности юридических лиц // Северокавказский юридический вестник. 2007. № 2. С. 33.

8. Масленникова Л. В., Инжеватов А. К. О некоторых вопросах применения принципа добросовестности в деятельности арбитражных управляющих в процедуре несостоятельности (банкротства) // Успехи современной науки. 2016. Т. 7. № 12. С. 77–79.

УДК/UDC 347

Некоторые проблемы правового регулирования прав учредителей некоммерческих унитарных организаций

Дацко Роман Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: datsko_roman@mail.ru
SPIN-код: 4388-7033

Аннотация

Автор статьи, рассматривая действующие положения нормативных правовых актов о правах учредителей некоммерческих унитарных организаций, обращает внимание на наличие большого числа актуальных проблем, связанных с пробелами в правовом регулировании. В статье показаны существующие модели организации управления, а также обозначены проблемы, возникающие при раскрытии сущности некоммерческих унитарных организаций, которые приводят к неопределенности правового статуса их учредителей. Предпринята попытка сравнения исследуемых организаций с некоммерческими корпоративными организациями для выявления как их возможного сходства, так и принципиальных различий между ними. Делается вывод о необходимости продолжения работы законодателя и представителей научного сообщества по предмету исследования ввиду отсутствия к настоящему моменту существенных отличий в установленных законом правах учредителей корпоративных и унитарных организаций.

Ключевые слова: юридические лица, унитарные организации, некоммерческие организации, права учредителей.

Some Problems of Legal Regulation of the Founder Rights in Non-Profit Unitary Organizations

Datsko Roman Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: datsko_roman@mail.ru
SPIN Code: 4388-7033

Abstract

The author of the article refers to the current regulations on the founder rights of non-profit unitary organizations, and pays attention to the existence of a large number of actual problems related to gaps in legal regulation. The article shows the existing management organization models, outlines the problems arising from the disclosure of the essence of non-profit unitary organizations, that lead to the uncertainty of the legal status of their founders. An attempt was made to compare the organizations under study with non-profit corporate organizations to identify both their possible similarities, and the fundamental differences between them. The author comes to the conclusion that the legislator and representatives of the scientific community should continue the work on the subject of the study due to the lack of significant differences to date in established by law rights of founders of corporate and unitary organizations.

Key words: legal entities, unitary organizations, non-profit organizations, founder rights.

Учредителями некоммерческих унитарных организаций согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [1] (далее — Закон о НКО) в зависимости от ее организационно-правовых форм могут выступать полностью дееспособные граждане и (или) юридические лица. Термин «граждане» включает и иностранных граждан, однако существуют определенные ограничения. Публично-правовые образования также обладают правом учреждать некоммерческие унитарные организации. Кроме того, в п. 1.2 ст. 15 Закона о НКО содержится ряд ограничений, которые касаются как граждан, так и юридических лиц.

В отношении некоммерческих унитарных организаций возможны различные модели соотношения прав учредителей и самого юридического лица. Согласно одной учредитель после передачи создаваемому юридическому лицу имущества, сохраняет на него право собственности, при этом признаваясь собственником всего, что приобретается таким юридическим лицом в дальнейшем (в качестве примера приведем учреждения). При другой модели учредитель, передавая юридическому лицу имущество, теряет вещные права на имущество, не приобретая обязательственных. Однако в некоторых случаях он сохраняет право контроля за этим имуществом (например, в фондах).

Как нами было указано в предыдущих исследованиях, в отличие от некоммерческих корпоративных организаций, определение некоммерческих унитарных в посвященном их статусу разделе законодателем не дано, гражданское законодательство содержит лишь определение унитарных юридических лиц в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ [2]: «юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами». К таковым отнесены государственные и муниципальные унитарные предприятия, фонды, учреждения, религиозные и автономные некоммерческие организации, государственные корпорации и публично-правовые компании.

Таким образом, учредители некоммерческой унитарной организации, как следует из действующей редакции ГК РФ, не становятся ее участниками и не приобретают прав членства. О каких правах идет речь в этом случае и какими правами учредители могут обладать, из содержания статьи не усматривается.

В отношении религиозных организаций, отнесенных действующей редакцией ст. 50 ГК РФ к некоммерческим унитарным организациям, в п. 3 ст. 123.27 определено, что учредитель (учредители) религиозной организации могут выполнять функции как органа управления, так и членов коллегиального органа управления религиозной организации. При этом обязательным является соблюдение порядка, который установлен в со-

ответствии с Законом о свободе совести и о религиозных объединениях, а также уставом религиозной организации и внутренними установлениями.

Для рассмотрения прав, отсутствующих у них по причине недопустимости членства, следует обратиться к ст. 65.2, содержащей перечень прав и обязанностей участников корпоративной организации, среди которых значатся участие в управлении делами корпорации, получение информации о деятельности корпорации и ознакомление с ее бухгалтерской и иной документацией, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительным документом корпорации, обжалование влекущих гражданско-правовые последствия решений органов корпорации, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, право требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков (ст. 53.1) и др. [3].

Однако из приведенных положений ст. 123.27 ГК РФ видно, что учредитель (учредители) религиозной организации все же вправе выполнять функции органа управления или членов коллегиального органа управления данной организации. Можно констатировать неопределенность статуса учредителей некоммерческих унитарных организаций, и, соответственно, их прав и обязанностей.

По мнению А. Б. Золотаревой и А. В. Киреевой, деление организаций на корпоративные и унитарные лишено не только практического смысла, но и логических оснований [4]. П. 1 ст. 65.1 новой редакции ГК РФ определяет корпорации как «юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 настоящего Кодекса».

Это определение в сравнении с текстом законопроекта претерпело некоторые изменения [5]. В редакции проекта отсутствовала отсылка к п. 1 ст. 65.3 ГК РФ, позволяющая определить в качестве высшего органа корпорации общее собрание ее участников, а в некоммерческих корпорациях и производственных кооперативах с числом участников более ста —

съезд, конференцию или иной представительный (коллегиальный) орган, предусмотренный их уставами в соответствии с законом.

По мнению указанных исследователей, норма п. 1 ст. 65.3 ГК РФ не может использоваться для разграничения организаций на корпоративные и унитарные, в том числе потому, что указанное в ней правило может соблюдаться и в отношении унитарных организаций более чем с одним учредителем.

Поэтому необходимо признать для учредителей таких некоммерческих унитарных организаций, как фонды, автономные некоммерческие организации и религиозные организации, возможность реализовывать свои права на участие в управлении лишь посредством общего собрания или иного предусмотренного их уставами представительного (коллегиального) органа.

Кроме того, в действующей редакции п. 1 ст. 65.3 ГК РФ основное для разграничения организаций на корпоративные и унитарные понятие «право участия (членства)» определено еще менее конкретно, чем в законопроекте. Рассматриваемый законопроект определял корпоративные организации как «юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом на участие в управлении их деятельностью (право членства). Используемые в данной формулировке скобки можно было рассматривать в качестве указания на синонимичность понятий «право на участие в управлении» и «право членства». Однако в этом случае возникает проблема в определении фактических различий между корпоративными и унитарными организациями, учредителям которых равным образом принадлежит право участия в управлении деятельностью ими созданных организаций.

Так, согласно п. 4 ст. 123.21 ГК РФ руководитель учреждения назначается или утверждается учредителем. Статья 123.25 ГК РФ также прямо устанавливает, что «управление деятельностью автономной некоммерческой организации осуществляют ее учредители». Ранее нами рассмотрены и схожие положения, установленные относительно религиозной организации. Положений об управлении в государственных корпо-

рациях и публично-правовых компаниях, двух других видах некоммерческих унитарных организаций, ГК РФ не содержит.

Приходим к выводу, что в некоммерческих унитарных организациях, в которых соучредительство не допускается (учреждения), полномочия высшего органа управления осуществляются единственным учредителем, а в тех, в которых соучредительство возможно (автономные некоммерческие организации, религиозные организации), — учредителями совместно.

А значит, полномочия учредителей некоммерческих унитарных организаций по управлению ими не имеют существенных отличий от установленных п. 2 ст. 65.3 ГК РФ для членов корпораций и реализуемых их общим собранием. Но некоторые отличия, которые все же позволяет обнаружить сравнительный анализ полномочий учредителей отдельных видов некоммерческих унитарных организаций с перечнем вопросов, отнесенных п. 2 ст. 65.3 ГК РФ к исключительной компетенции высшего органа корпорации, не имеют решающего значения, поскольку ГК РФ предусматривает возможность иного регулирования как в самом Кодексе, так и в иных федеральных законах.

Некоторой спецификой отличается способ управления только в такой некоммерческой унитарной организации, как фонд, в отношении которого предусмотрено формирование высшего коллегиального органа, имеющего компетенцию, схожую с таковой для аналогичного органа некоммерческой корпоративной организации (п. 1 ст. 123.19 ГК РФ). При том, что порядок формирования высшего коллегиального органа фонда ГК РФ не раскрывает, очевидно, что эти полномочия могут быть предоставлены лишь учредителям. Однако в фондах, равно как и в других некоммерческих организациях, учредители которых лишены права на участие в распределении прибыли, а значит, не имеют личной заинтересованности в их деятельности, членами высшего коллегиального органа также могут быть избраны лица не из числа учредителей. Однако право избирать членов такого органа все же принадлежит именно учредителям, а потому они вольны формировать высший коллегиальный орган

исключительно из своего состава. Это, по мнению Т. В. Сойфер, позволяет учредителям фонда создавать условия для передачи им полученных организацией доходов, в том числе в завуалированном виде [6].

Очевиден вывод, что право учредителей участвовать в управлении не может служить объективным критерием разграничения некоммерческих организаций на корпоративные и унитарные. По всей видимости, к этому пришел и законодатель, исключив право учредителей участвовать в управлении организацией из определяющих признаков корпорации. Однако другого ответа на вопрос о сущности членства как особой правовой связи учредителя именно с корпоративными организациями к настоящему моменту не последовало.

Список литературы

1. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Воробьева Ю. Ю. Религиозные организации как институт гражданского общества: особенности правового статуса // Административное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 865–871.

4. Золотарева А. Б., Киреева А. В. К вопросу о целесообразности деления организаций на корпоративные и унитарные // Юрист. 2015. № 15. С. 29–34.

5. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6/2 в ред. ко второму чтению // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Сойфер Т. В. Некоммерческие организации: проблемы гражданской правосубъектности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 30–39.

УДК/UDC 347.6

Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей

Джалалов Сеидали Джаваншир-оглы
магистрант юридического факультета
Южный институт менеджмента
г. Краснодар, Россия

Аннотация

Автором статьи рассматриваются обязанности совершеннолетних детей по содержанию нетрудоспособных родителей. Анализируются условия, когда родители имеют право на материальное содержание, а также случаи, при которых законодатель освобождает совершеннолетних детей от содержания нетрудоспособных родителей.

Ключевые слова: нетрудоспособные родители, совершеннолетние дети, алиментные обязательства, защита прав .

Responsibilities of Adult Children to Support Their Parents

Jalalov Seyidali Javanshiroglu
Master of Law
Southern Institute of Management
Krasnodar, Russia

Abstract

The author of the article considers the responsibilities of adult children for the maintenance of disabled parents. The conditions are analyzed when parents have the right to material maintenance, as well as cases in which the legislator exempts adult children from keeping incapable parents.

Key words: disabled parents, adult children, maintenance obligations, protection of rights.

Современное семейное законодательство РФ накладывает на родителей обязанности по содержанию своих несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних детей. Однако не освобождает совершеннолетних детей от обязанностей по содержанию нетрудоспособных родителей (лица пенсионного возраста и лица с инвалидностью групп I или II, в некоторых случаях родители-инвалиды III группы). Эти положения отчетливо сформулированы и отражены в 87 статье СК РФ [1].

СК РФ, определяя обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей, прежде всего, ориентируется на защиту прав нетрудоспособных престарелых родителей.

Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей следуют из противоположной обязанности родителей по содержанию и обеспечению своих детей до совершеннолетия. По сути, эти взаимные обязанности должны осуществляться на добровольных началах, так как принцип добровольности относится в основным принципам создания и существования семьи. Однако на практике семейные отношения не всегда безоблачны.

Сознательный отказ детей в помощи престарелым родителям включает правовой механизм защиты прав родителей. Законом и СК РФ установлено не просто проявление заботы, но и материальная поддержка нетрудоспособных родителей. Следует учитывать, что финансовое трудоспособного ребенка во внимание не принимается.

Стоит заметить, что не всегда нетрудоспособные родители имеют право притязать на материальную помощь от своих детей. Для определения алиментного содержания со стороны детей следует установить, что родители действительно нуждаются в материальной помощи. Например, родители не получают пенсии или размер пенсии ниже установленного государством прожиточного минимума.

Решить вопрос о содержании родителей детьми можно в добровольном (внесудебном) и судебном порядке.

При решении вопроса в досудебном порядке заключается соглашение в произвольной форме, в котором прописывается порядок оказания

помощи и подписывается двумя сторонами: дети — с одной, родители — с другой. Соглашение удостоверяется нотариусом, после чего оно имеет силу исполнительного листа.

Судебный порядок прописан в законе в силу того, что оказание помощи родителям со стороны детей не всегда является добровольным. Тогда родитель (оба родителя) имеют право обратиться в суд. По решению суда назначается ежемесячная сумма, которую дети обязаны будут выплачивать родителям.

Сумма ежемесячных выплат на содержание родителей не закреплена законодательно, а напрямую зависит как от финансовой обеспеченности родителей, так и от финансового и семейного состояния детей, а также наличия у них своих детей на иждивении и их количество.

Дети несут обязанности по содержанию своих родителей в солидарном порядке. Т. е. обязанность содержать родителей возлагается законом на всех имеющихся детей в равной мере. Однако закон исключает вероятность привлечения к участию в деле всех совершеннолетних детей, если этого не потребует истец.

Суд может освободить детей от обязанности по содержанию родителей в случаях, когда родители были лишены родительских прав, когда родитель уклонялся от алиментных обязательств по содержанию своих детей или иных обязательств, установленных СК РФ. Однако восстановившийся в своих правах родитель имеет право на содержание со стороны ребенка на общих основаниях.

За уклонение от обязанностей по содержанию нетрудоспособных родителей (неисполнение условий соглашения или судебного решения) дети могут привлекаться к гражданской, административной или уголовной ответственности.

Таким образом, СК РФ гарантирует престарелым и нетрудоспособным родителям материальное обеспечение. Исключение составляют обстоятельства, при которых дети по закону или решению суда освобождаются от этих обязательств.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223- ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

УДК/UDC 347.15

Особенности банкротства физических лиц

Задорожная Кристина Андреевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: zadoroshnayakristina@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей банкротства физических лиц. При написании данной работы автор руководствовался непосредственно такими нормативно-правовыми актами, как Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, Гражданский Кодекс Российской Федерации, а также иными отраслевыми нормативно-правовыми актами Российской Федерации. В данной статье рассмотрены основные вопросы и проблемы, касающиеся процедуры признания гражданина несостоятельным (банкротом), а также предложены некоторые пути их решения, выявленные путем проведения анализа основных сложностей рассматриваемой процедуры. Также приводятся примеры различного рода препятствий и рисков, с которыми при проведении процедуры признания гражданина несостоятельным (банкротом) могут столкнуться как сами физические лица, так и банки и кредитные организации.

Ключевые слова: гражданское право, предпринимательское право, несостоятельность, банкротство, физические лица, кредитор, должник.

Features of Bankruptcy of Individuals

Zadorozhnaya Kristina Andreyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: zadoroshnayakristina@mail.ru

Abstract

This article considers some features of bankruptcy of individuals. The author bases this paper on such legal acts as the Federal Law On Insolvency (Bankruptcy) of 26.10.2002 No. 127-FZ, the Civil Code of the Russian Federation and other industry regulatory and legal acts of the Russian Federation. In this article, the author reviews the main issues and problems related to the procedure for declaring a citizen insolvent (bankrupt) and suggests the ways to solve them, which are found by analyzing the main difficulties of the procedure. The article also provides examples of various kinds of obstacles and risks that both individuals and banks and credit organizations may face during the procedure of declaring a citizen insolvent (bankrupt).

Key words: civil law, business law, insolvency, bankruptcy, individuals, creditor, debtor.

В РФ на протяжении длительного периода времени процедура банкротства была урегулирована законодательством только в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Однако после финансового кризиса 2008 года возникла потребность в адаптации данной процедуры еще и для обычных граждан. Причиной этому стали многочисленные долговые обязательства граждан по кредитам, которые они не могли погасить вследствие тяжелой финансовой обстановки в стране. Плюсом такого нововведения в процедуре банкротства являлось то, что граждане могли теперь преодолеть финансовые трудности и справиться со своими долгами, к минусам же можно отнести неудовлетворение требований кредиторов, то есть большие убытки.

Процедура банкротства физических лиц была официально закреплена в российском законодательстве в 2015 году. Ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ закрепила понятие несостоятельности (банкротства) — это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

Банкротство гражданина имеет ряд особенностей и проблем, которые значительно осложняют исполнение данной процедуры. К таким проблемам можно отнести то, что, как правило, физические лица являются юридически неграмотными и в большинстве случаев даже полностью не понимают правовой сути данной процедуры и вытекающих из нее правовых последствий. Также сложностью является то, что в соответствие с Федеральным Законом РФ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2] гражданин не является субъектом предпринимательской деятельности, следовательно, некоторые процедуры на практике не дадут предполагаемого результата.

Сама процедура банкротства физического лица является относительно новой и недостаточно проработанной. Законодатель упустил некоторые важные моменты, которые нуждаются в правовом регулировании. Так, например, неразрешенным остался вопрос о том, может ли гражданин проходить процедуру банкротства как физическое лицо, если он в данный момент банкротится как индивидуальный предприниматель. Самым оптимальным решением данной проблемы является издание разъяснительного постановления пленума Верховного Суда РФ.

В статье 213.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закреплен закрытый перечень лиц, имеющих право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом гражданина. К таким лицам относятся сами граждане, конкурсные кредиторы и уполномоченные органы. Также данная статья предусматривает условие, при котором арбитражный суд может принять такое заявление. Требования кредиторов к гражданину должны составлять не менее 500 тыс. рублей в случае, если они не могут быть удовлетворены в течение трех месяцев и более с того момента, когда они должны были быть исполнены. Также в п. 2 данной статьи содержится такое условие, как неплатежеспособность.

Однако физическое лицо не может быть признано неплатежеспособным в случае, если при учете всех будущих планируемых денежных поступлений есть вероятность, что в течение непродолжительного срока

у этого лица появится возможность исполнить все денежные обязательства, срок исполнения по которым уже наступил.

Для подробного рассмотрения процесса признания несостоятельным (банкротом) физического лица предлагается разделить данную процедуру на три части:

1) составление и подача заявления о признании несостоятельным (банкротом) в арбитражный суд;
2) признание заявления обоснованным и начало процедуры банкротства;
3) судебная процедура признания несостоятельным (банкротом).

В рамках первого этапа осуществляется непосредственно составление и подача заявления о признании несостоятельным гражданина в арбитражный суд. Это действие может совершить как сам должник, так и кредитор, а также уполномоченный орган. Федеральный закон закрепил за гражданином обязанность обращаться в арбитражный суд для признания его банкротом в течение 30 дней после того момента, когда он обнаружил, что не в состоянии платить по обязательствам. В п. 3 ст. 213.4 закреплен значительный перечень документов, которые должник обязан предоставить к своему заявлению, помимо документов, которые предусмотрены гражданско-процессуальным законодательством. Заявление подается гражданином в арбитражный суд по месту жительства [3].

На втором этапе осуществляется признание заявления гражданина обоснованным и открытие процедуры банкротства. Для того чтобы суд признал заявление обоснованным, гражданину необходимо доказать свою неплатежеспособность.

К признакам неплатежеспособности физического лица относятся случаи, когда:

— физическое лицо прекратило отвечать по денежным обязательствам, срок по которым уже наступил;
— 10% от всех денежных обязательств не исполнялись гражданином в течение 30 дней момента наступления срока их исполне-

ния;

— стоимость всего имущества гражданина меньше, чем размер его задолженности;
— издано постановление о прекращении исполнительного производства в связи с тем, что у гражданина отсутствует имущество, на которое можно обратить взыскание.

На третьем этапе проводятся судебные процедуры банкротства. В соответствие с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в рамках рассмотрения заявления о признании несостоятельным (банкротом) физического лица применяются следующие процедуры: реструктуризация долгов, реализация имущества и мировое соглашение [4].

Реструктуризация долгов предполагает введение моратория на удовлетворение каких-либо требований кредиторов с момента вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления гражданина, о признании несостоятельным (банкротом). Процедура реструктуризации долгов направлена на максимальное удовлетворение всех требований кредиторов при соблюдении баланса интересов сторон с обязательным доказыванием фактов злоупотребления правом.

Реструктуризация долгов влечет для должника определенные правовые последствия. К ним относятся:

— наступление срока исполнения всех денежных обязательств и обязанности по уплате обязательных платежей, которые возникли до принятия арбитражным судом заявления;
— требования кредиторов, связанные с исполнением гражданином своих денежных обязательств и обязанности по уплате обязательных платежей, могут предъявляться только в порядке, предусмотренном ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»;
— прекращение начисления неустоек, процентов и иных финансовых санкций по всем денежным обязательствам гражданина;
— снятие арестов на имущество гражданина, которые были наложены ранее, а также иные ограничения распоряжения имуществом.

В предусмотренных в п. 1 ст. 213. 24 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» случаях арбитражный суд выносит решение о признании гражданина несостоятельным (банкротом). Далее все имущество физического лица подлежит реализации и составляет конкурсную массу.

После того как расчеты со всеми кредиторами будет завершены, финансовый управляющий предоставляет в арбитражный суд отчет о результатах проведения реализации имущества гражданина, а также реестр требований кредиторов к должнику с указанием размера погашенных требований кредиторов. По окончании данной процедуры суд выносит определение о завершении реализации имущества гражданина. Таким образом, гражданин освобождается от денежных обязательств.

Ученые считают, что тот факт, что процедура банкротства для граждан является очень длительной и дорогой, будет подталкивать физических лиц и их кредиторов к заключению досудебных мировых соглашений по реструктуризации долгов [5].

Исходя из результатов проведенного исследования и правоприменительной, судебной практики, можно сделать вывод о наличии в правовом регулировании процедуры признания несостоятельным (банкротом) физического лица следующие проблемы:

— Перечень документов, прилагаемых к заявлению о признании несостоятельным (банкротом), закрепленный в ч. 3 ст. 213. 4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», является избыточным. На практике одновременное получение всех указанных документов крайне сложно, что значительно затягивает процедуру банкротства.

— Доказательств наличия у должника имущества достаточно для погашения расходов по делу о признании несостоятельным. Парадокс признания несостоятельным (банкротом) гражданина заключается в том, что физическое лицо по факту может не иметь денежных средств даже на пропитание, но при этом имеет огромные задолженности. Следовательно, ст. 213. 4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» значительно затормаживает

действия арбитражного суда по рассмотрению заявления гражданина о признании банкротом на предмет обоснованности.

Таким образом, наличие проблем в правовом регулировании процедуры признания несостоятельным (банкротом) гражданина является неоспоримым фактом. В основе решения данных правовых проблем лежит время, развитие правоприменительной практики и внесение соответствующих изменений в Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ // Российская газета. № 209-210. 02.11.2002.

2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 г. N 129-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3431.

3. Селютин А. В. Банкротство гражданина (физического лица) по законодательству о банкротстве 2015 года // Территория науки. 2015. № 6. С. 168-172.

4. Жога Е. Ю., Васенин А. Ю., Тхаровская О. Ю. Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 89–92.

5. Зинковский М. А. Проблемы банкротства физического лица // Вестник БелЮИ МВД России. 2016. № 2. С. 48–50.

6. Богданов О. В. Банкротство физических лиц — новое законодательство // Вестник СГЮА. 2015. № 3 (104). С. 32–36.

УДК/UDC 341.95

Проблема действия принципа взаимности в международном частном праве

Исаева Диана Романовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: diis_02@mail.ru

Аннотация

Одной из актуальных проблем современности является применение принципа взаимности. Автор отмечает, что данная проблема заслуживает отдельного внимания. Принцип взаимности рассматривается в качестве фундаментального в международном частном праве. На сегодняшний день в Российской Федерации нет законодательного акта, детально регулирующего рассматриваемый принцип. Статья посвящена проблеме применения взаимности при разрешении коллизий, связанных с использованием и признанием права иностранного государства. В области частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, взаимности придается значение специального правового института, различающего «материальную» и «формальную» взаимность. Автор акцентирует внимание на том, что принцип взаимности применяется не во всех сферах правового регулирования отношений, возникающих между иностранным государством и Российской Федерацией. Помимо основных положений, указываются гарантии иностранным гражданам, закрепленные в законодательстве РФ. В области частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, взаимности придается значение специального правового института, различающего «материальную» и «формальную» взаимность. Автор рассматривает принцип взаимности как обязательное условие во взаимоотношениях между государствами.

Ключевые слова: взаимность, иностранное право, коллизия права, принцип права, иностранное государство, международное частное право.

The Problem of the Reciprocity Principle Action in International Private Law

Isayeva Diana Romanovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: diis_02@mail.ru

Abstract

One of the pressing problems of our time is the application of the principle of reciprocity. The author notes that this problem deserves special attention. The principle of reciprocity is considered as a fundamental one in international private law. Today, there is no legislative act in the Russian Federation regulating the principle in detail. The article is devoted to the application of reciprocity in resolving conflicts related to the use and recognition of a foreign state law. In the field of private law relations, complicated by a foreign element, reciprocity is attached the importance of a special legal institution that distinguishes between material and formal reciprocity. The author focuses on the fact that the principle of reciprocity does not apply in all areas of legal regulation of relations arising between a foreign state and the Russian Federation. In addition to the basic provisions, guarantees to foreign citizens enshrined in the legislation of the Russian Federation are specified. In the field of private law relations, complicated by a foreign element, reciprocity is attached the importance of a special legal institution that distinguishes between material and formal reciprocity. The author considers the principle of reciprocity as a prerequisite in relations between States.

Key words: reciprocity, foreign law, conflict of law, principle of law, foreign state, international private law.

Принцип взаимности играет одну из наиболее важных и значимых ролей при разрешении коллизий, связанных с применением и признанием иностранного права государства [1]. В науке МЧП под принципом взаимности понимают принцип, в соответствии с которым государства на своей территории должны предоставлять друг другу аналогичные права и принимать обязательства. Главной целью введения оговорки о взаим-

ности при заключении международного договора является обеспечение определенных прав гражданам и организациям заинтересованных в этом государств.

В связи с различиями в законодательствах разных стран при применении принципа взаимности возникают сложности. В наши дни актуальным остается вопрос: будет ли являться принцип взаимности обязательным и необходимым условием для применения иностранного права или иностранное право применяется в силу обязательности коллизионного предписания, заключенного в норме отечественного права?

В цивилистике сложилась устойчивая позиция, что юридически закрепленная обязательность применения норм иностранного права не должна прямо зависеть от принципа взаимности.

Ст. 1189 ГК закрепляет норму, согласно которой российский суд или иной орган должен применять иностранное право вне зависимости от применения в иностранном государстве российских правовых норм [2].

Согласно приведенной норме, применение положений иностранного законодательства носит абсолютный характер. Практическое значение этого правила раскрывается не только по отношению к судам или любому иному органу, применяющему нормы прав иностранного права, но и для той спорящей стороны, которая стремится добиться в судебном порядке отказа от применения иностранного законодательства, делая ссылку на отсутствие взаимности [3].

В науке МЧП выделяют два взаимосвязанных вида взаимности:

1. Материальный. Иностранным юридическим и физическим лицам предоставляется определенный круг прав, которым наделены отечественные граждане [4, с. 57].
2. Формальный. Иностранным юридическим и физическим лицам могут быть предоставлены права, которыми пользуются российские граждане, но которыми не пользуются иностранные граждане в своей стране [5, с. 149].

Существенную роль принципа взаимности можно сформулировать

в трех взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга правилах:

1. Соблюдения презумпции взаимности — т. е., если применение положений иностранного законодательства обуславливается зависимостью от принципа взаимности, то считается, что взаимность существует до тех пор, пока иное не будет доказано в установленном законом порядке.
2. Применение положений иностранного права не должно зависеть от установления между странами взаимности. Предписание отечественной коллизионной нормы — главенствующее условие применения положений иностранного законодательства.
3. Если соблюдение взаимности устанавливается отдельными законами, то применение норм иностранного права должно осуществляться при реальном существовании и соблюдении этой взаимности.

Ряд законодательных актов РФ указывает на потребность в применении принципа взаимности в отдельных сферах.

Стоит отметить, что согласно Федеральному закону «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [6], правом на получение выплат и иных компенсаций обладают иностранные граждане и лица без гражданства, которые постоянно находятся на территории РФ. Однако на граждан, временно пребывающих в РФ, это право не распространяется. Единственное условие, при наличии которого такие граждане смогут обладать указанным правом, если между Российской Федерацией и иностранным государством действует принцип взаимности.

Принцип взаимности юридически закреплен и в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [8], согласно которому решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности признаются на территории РФ в соответствии с международными договорами РФ, а при отсутствии международных договоров РФ — на началах взаимности, если иное не предусмотрено законодательством.

Наряду с национальным правом, принцип взаимности находит свое отражение в различных двусторонних международных договорах, заключенных между Россией и другими иностранными государствами. Примером может служить Соглашение о торговых и коммерческих отношениях между РФ и Канадой [7].

Таким образом, отвечая на вопрос «является ли обязательным принцип взаимности при применении норм иностранного права в РФ?», можно прийти к выводу, что в силу целого ряда коллизионных норм, закрепленных в международных договорах России и нормах национального законодательства, иностранное право должно применяться вне зависимости от наличия взаимности между странами.

На наш взгляд, эта позиция является достаточно спорной, так как исключения из данного правила все же существуют, что, в свою очередь, вызывает правовые ошибки в судебной практике. На сегодняшний день в Российской Федерации нет ни одного законодательного акта, посвященного рассматриваемой проблеме, в связи с чем прослеживается необходимость более детальной регламентации указанного принципа.

Список литературы

1. Лебедев С. Н. О природе международного частного права // Сов. ежегодник международного права. 1999. М., 2004. С. 61–80.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018)) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. Дмитриева Г. К., Ануфрева Л. П. Международное частное право. 3-е изд., перераб. и доп. 2008. С. 656.

4. Карасева Л. В. Значение норм международного частного права в регулировании трудовых отношений мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 32.

5. Кудрявцева Л. В., Колесникова В. А., Базалей А. А. К вопросу о понятии трудовых отношений, осложненных иностранным элементом // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 149.

6. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (с изм. и доп.

от 29.12.2017) // Справочно-правовая система «Гарант».

7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2 ноября 2002. № 209–210.

8. Соглашение о торговых и коммерческих отношениях между Российской Федерацией и Канадой от 29 декабря 1992 года. // Перечень международных договоров российской федерации по вопросам правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам Минюст РФ.

УДК/UDC 347

Проблема обхода закона в международном частном праве

Коваленко Екатерина Анатольевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: katya.kate.kovalenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются общественные вопросы, а также вопросы практики, сложившейся после введения в Гражданский кодекс РФ нормы о запрете действий в обход закона с противоправной целью. В работе приведен анализ применения нововведенной нормы судами. Также проведено исследование понятий и значений обхода закона для регулирования иностранными элементами, а также для развития правового регулирования гражданских правоотношений в целом. Автор приходит к выводу, что перенос правовой нормы из иностранного права за пределы культурного контекста ее развития и практики применения может не дать желаемых результатов. На основании того, что отсутствует телеологическое толкование права судами РФ, наличие запрета на обход закона является неэффективным.

Ключевые слова: обход закона, право, санкция, нововведение, регулирование, судебная практика.

The Issue of Circumvention of the Law in International Private Law

Kovalenko Yekaterina Anatolyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: katya.kate.kovalenko@mail.ru

Abstract

The article discusses social issues and issues of practice that have emerged after the introduction in the Civil Code of Russia the norm on the prohibition of actions to bypass the law with an unlawful purpose. The paper presents an analysis of the application of the new rule by the courts. The author studies the concepts and meanings of circumvention of the law for the regulation of foreign elements, as well as for the development of legal regulation of civil law relations in general. The author concludes that the transfer of a legal norm from a foreign law outside the cultural context of its development and application practice may not give the desired results. Based on the fact that there is no teleological interpretation of the law by the courts of the Russian Federation, a ban on circumventing the law is ineffective.

Key words: circumvention of the law, law, sanction, innovation, regulation, judicial practice.

Актуальным на сегодняшний день является вопрос обхода закона. Данная тема вызывает споры у ученых с момента первого о ней упоминания. Так, А. И. Муранов в своей работе критикует ст. 1231 проекта части третьей ГК РФ, в которой было предложено объявлять недействительными сделки, заключенные в обход национального коллизионного регулирования [1]. Также данный ученый подверг критике предложение о введении в указанную статью термина «обход закона» [2]. Данное нововведение также было раскритиковано и Ю. Базедовым, который объясняет свою позицию тем, что заимствование правового института из права зарубежных стран не дает гарантии, что в отечественном праве данная норма будет также положительно принята и сможет функционировать на практике [3].

Важно отметить, что германское право, в свою очередь, не закрепляет общий запрет на обход закона. Нельзя забывать, что в европейских странах, законодательство которых содержит указанный запрет, обход закона не относят к самостоятельному правовому институту, а считают его исключительно телеологической нормой, нацеленной на достижение смысла закона. В отечественном праве текст нормы толкуется исключи-

тельно в буквальном смысле, а отнесение нормы в разряд телеологической является недопустимым [4].

Несмотря на высказанную критику рядом ученных, законодателем в 2013 году были внесены дополнения в ст. 10 ГК РФ, в которой была закреплена недопустимость действий в обход закона с целью совершения противоправных действий. На сегодняшний день, по прошествии времени и после применения нормы на практике, а также при наличии судебной практики относительно данного вопроса, можно сделать ряд выводов относительно указанных дополнений.

Обходом закона в международном частном праве является искусственное создание участниками правоотношения коллизионно-правового состава и подчинения, основанных на автономии воли или коллизионной норме, которые могут привести к необходимому исходу, который выгоден для сторон.

Непосредственно попытки лиц обхода закона вытекают из существования самих нормативных актов и из того, что их положения нередко не совпадают с интересами субъектов права, вследствие чего указанное лицо пытается предотвратить распространение на себя нежелательной нормы, но идет не по пути грубого нарушения законодательного акта, а путем фиктивного приведения правоотношения в соответствии с нормами нормативного акта, которые будут ему выгодны [5].

Самым распространенным на сегодняшний день способом обхода закона является указание не фактического места заключения договора, а того, на территории которого распространено действие закона, правопорядок которого желаем для субъекта. Однако данный способ обхода закона становится все менее эффективным в силу того, что правоотношения вся больше связывают с соответствующим правопорядком (например, п. 5 ст. 1210 ГК РФ). Безусловно, при попытке обойти закон стороны хотят избежать применения именно императивных норм, однако не учитывают, что данная возможность блокируется правовыми инструментами, такими как наличие в праве сверхимперативных норм и императивных норм страны, с которой тесно связаны отношения субъ-

ектов.

Санкцией за попытку обхода закона, согласно, п. 3 ст. 10 ГК РФ является отказ в судебной защите и иные законодательно закрепленные меры [6]. Теория международного частного права закрепляет следующие правовые последствия, к которым приводит обход закона:

1) признание сделки, которая была заключена в обход закона, недействительной;
2) возращение в состояние, которое предшествовало заключению указанной сделки;
3) применение закона, под который отвели свои отношения субъекты, при условии, что это не нарушает права третьих лиц [3].

Согласно судебной практике, в указанных случаях наиболее часто применяется сверхимперативная норма, которая может привести к признанию сделки недействительной.

Л. А. Лунц, в свою очередь, считал, что обход закона не требует для своего регулирования отдельного механизма, для урегулирования данных вопросов необходимо применять оговорку о публичном порядке [7]. Действия, направленные на обход закона, считались злоупотреблением права и до внесения изменений в ст. 10 ГК РФ, и его нарушение приводило к правовым санкциям [8].

Анализируя судебную практику судов в России, которая ограничена рамками предмета международного частного права, по делам, имеющим действия, можно сделать вывод, что в случае наличия небольшого количества актов об обходе закона они разрешаются нормами ст. 1192, 1193 ГК РФ.

В данных решениях суда обход закона выступает в качестве квалифицирующего признака действий субъектов правоотношений. В случае, когда был установлен обход закона, суды применяют сверхимперативную норму. Сложившуюся судебную практику объясняет Т. Подшивалов, который считает, что данная ситуация складывается из-за отсутствия прямого запрета обхода закона в ГК РФ. Мы считаем, что наличие запрета на обход закона в общей части ГК РФ не является обязательным, т. к.

предыдущая редакция ст. 10 ГК РФ содержала в себе запрет на злоупотребление правом, и суды имеют возможность опираться на нее [9].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что норма, запрещающая обход закона, которая была закреплена в 2013 году в ГК РФ, не прижилась в российском праве и не повлияла на сложенную судебную практику. Даже в решениях, где имеется ссылка на ст. 10 ГК РФ, акцент делается на недопустимость злоупотребления правом. В свете чего нам видится актуальным предостережение Ю. Базедова о том, что перенос правовой нормы из иностранного права за пределы культурного контекста ее развития и практики применения может не дать желаемых результатов. Исходя из того, что отсутствует телеологическое толкование права судами РФ, наличие запрета на обход закона является неэффективным.

Список литературы

1. Муранов А. И. Проблема обхода закона в материальном и коллизионном праве: дисс. ... канд. юрид. наук / А. И. Муранов. М., 1999. 210 с.

2. Муранов А. И. Попытка внедрения в Гражданский кодекс РФ понятия «обход закона» и российская адвокатура // Адвокат. 2011. № 4. С. 5–9.

3. Базедов Ю. Особенности применения в немецком гражданском праве понятия «обход закона. Комментарии по поводу предложения ввести данные понятия в ст. 10 ГК РФ. // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 272.

4. Кудрявцева Л. В., Колесникова В. А., Базалей А. А. К вопросу о понятии трудовых отношений, осложненных иностранным элементом // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 148–151.

5. Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 157–160.

6. Карасёва Л. В. Значение норм международного частного права в регулировании трудовых отношений мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук / Москва, 2007. 220 С.

7. Кудашкин В. В Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 258.

8. Шидловская А. Л., Волкова М. А. Претензионно-исковой порядок защиты прав потребителя туристических услуг // Семейное право. 2017. № 2. С. 65–69.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. С. 3301.

УДК/UDC 347.451.031

К вопросу об основных обязанностях изготовителя, исполнителя, продавца в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран

Ковальчук Максим Дмитриевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
E-mail: maksim.kowal4uk@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы правового регулирования основных обязанностей изготовителя, исполнителя, продавца в Российской Федерации и зарубежных странах. Проведен сравнительно-правовой анализ исследуемого вопроса в контексте отечественного законодательства и правопорядка Германии, Франции, Бразилии, США, Великобритании. Выявлены недостатки в российском законодательстве в вопросе недобросовестных видов распространения информации и предпринимательской деятельности, незаконных условий контракта с потребителем, непонимания потребителем положений договора в силу правовой некомпетентности. Определены меры по устранению установленных проблем, а именно закрепление перечня отношений, на которые распространяется закон «О защите прав потребителей», закрепление открытого списка несправедливых условий договоров, установление в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» требований о минимальном шрифте в информации, доводимой до потребителя.

Ключевые слова: потребитель, изготовитель, договор, условия договора, достоверная информация, защита прав потребителей, законодательство.

On the Issue of Basic Responsibilities of Manufacturer, Executor and Seller in the Legislation of the Russian Federation and Foreign Countries

Kovalchuk Maksim Dmitriyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: maksim.kowal4uk@yandex.ru

Abstract

The issues of legal regulation of basic responsibilities of manufacturer, executor, seller in the Russian Federation and foreign countries are discussed in the article. There was conducted the comparative legal analysis of the investigated problem relatively to domestic legislation and the rule of law in Germany, France, Brazil, the United States and the United Kingdom. There were revealed the shortages in the Russian legislation in the matter of abusive types of information spreading and illegal business activities, illegal terms of the contract with a consumer, consumer misunderstanding of the provisions of the Treaty because of legal incompetence. As a result, there were settled the measures to eliminate the established problems, namely the consolidating of the list of relations that are subject to the law On Protection of Consumers' Rights, consolidation of an open list of unfair contract terms; establishment of requirements concerning the minimum font size in information brought to the consumer in the law of the Russian Federation On Protection of Consumers' Rights.

Key words: consumer, manufacturer, contract, terms of contract, reliable information, consumer rights protection, legislation.

В Преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей» прописана трактовка понятий «изготовитель», «исполнитель» и «продавец», определяя лиц, которые производят и продают товары, выполняют работы или оказывают услуги. Согласно п. 1 ст. 2 Закона определяют изготовителя, поставщика, продавца, импортера [1]. В законодательстве Германии и Великобритании определяется изготовитель, продавец и поставщик услуг, однако, в законодательстве Германии, в соответствии с

положением ст. 14 Германского гражданского уложения [2], существует термин «предприниматель» как собирательное понятие. В определенных странах делается исключение. Так, в Бразилии, в соответствии с положениями статьи 3 Кодекса о защите потребителей, под общим термином «поставщик» объединены понятия «продавец», «исполнитель» и «изготовитель». Под ним определяется юридическое или физическое лицо, частное или государственное, иностранное или бразильское, производящее, собирающее, создающее, строящее, преобразующие, экспортирующее, импортирующее, распределяющее или продающее товары или оказывающее услуги.

Исследуя спектр обязанностей потребителя, следует отметить, что отношения, которые складываются между продавцом (изготовителем, исполнителем) и потребителем носят специфический характер. Отсутствие равенства сторон между предпринимателем и потребителем объясняется разницей экономических ситуаций, в которых они находятся. Разделим мнение К. П. Бурлакова о том, что законодатель, принимая во внимание ограниченный характер принципа свободы договора, определяет для потребителя дополнительные обязанности [3].

В отечественном законодательстве к таким обязанностям, согласно нормам ст. 9, 10, 14 Закона РФ «О защите прав потребителей», относят:

— предоставление информации об изготовителе;
— предоставление потребителю информации, которая дает возможность выбора потребителем наилучшего товара (работы, услуги);
— обязанность по обеспечению в соответствии с контрактом о качестве оказанной услуги, выполненной работы, переданного товара.

Законодательство иностранных государств схожим образом обременяет продавца (производителя, исполнителя) широким спектром обязанностей. В частности, в Соединенных Штатах Америки среди обязанностей продавца подчеркивают необходимость предоставления продавцом (исполнителем, изготовителем) достоверной информации по произ-

водству и продаже качественного и безопасного товара или услуги; по необходимой маркировке и оформлению товаров, установлению справедливой стоимости [4].

Мировой опыт говорит нам о том, что обязанности предпринимателя всегда отвечают соответствующим правам потребителя. В частности, праву потребителя на достоверную информацию о товаре, продавце и изготовителе корреспондирует обязанность продавца обеспечить наличие данной информации. Н. В. Гаранская обращает внимание на то, что ключевым моментом в отечественном законе служит запрет изготовителю (исполнителю, продавцу) оправдываться информированностью потребителя о характеристиках и свойствах товара (работы, услуги) [5]. Многие авторы данное правовое предположение именуют презумпцией непрофессионализма. В Соединенных Штатах Америки существует аналогичный подход. В некоторых источниках литературы говорится, что потребитель вправе подать иск непосредственно производителю товара при подаче недостоверной информации или недобросовестной рекламы. Тем не менее в некоторых случаях суды принимают сторону предпринимателей. Например, в одном из дел факт распространения недостоверной информации был признан Верховным судом Соединенных Штатов Америки всего лишь реализацией права на свободу слова [6].

Существуют и минусы. В частности, в Австралии продавец должен осведомить потребителя о его правах более точно, так как многие предприниматели обходятся лишь ссылкой на «иные права, предусмотренные законами», что ограничивает потребителя в возможности дать точную оценку товару, работе или услуге [7].

Все больше продавец обременяется новыми требованиям в связи с динамичным развитием инновационных технологий. Например, наличие на компакт-диске защитной программы, которая не позволяет использовать его на иных компьютерах, не оговоренное продавцом (изготовителем), судами Франции [8] и Бельгии [9] признается нарушением прав потребителя и предполагает несение ответственности контрагентом.

Большое число положений Закона РФ «О защите прав потребите-

лей» об обязанностях потребителя имеют аналоги в праве зарубежных стран. К примеру, в соответствии со ст. 6 Закона РФ «О защите прав потребителей», в обязанности изготовителя входит обеспечение возможность технического обслуживания и ремонта товара в период его службы. В Бразилии Кодекс о защите потребителей в соответствии с положением ст. 32 на изготовителя товара или импортера накладывает обязанность гарантировать поставку запасных частей или компонентов в период разумного срока от даты окончания производства или импорта товара. Аналогичные действия практикуются по отношению к изготовителям в Соединенных Штатах Америки.

Ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» гласит, что условия договора, которые ущемляют права потребителей, недействительны. В научных источниках подчеркивается, что недействительными условиями договора признаются:

1) ограничение содержания прав потребителя, что минимизирует объем его возможностей;
2) сокращение их в сравнении с законами или иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации по вопросам потребительского права.

В то же время закон гласит о недействительности в целом не контракта, а отдельно взятых условий. Так, К. Р. Рудинский отмечает, что первоочередно данная норма нацелена на охрану потребителя от монопольных организаций, которые занимают главенствующую нишу на рынке и диктуют невыгодные условия потребителям [10]. Схожее требование существует во многих государствах, но лишь в некоторых из них заключается точный перечень незаконных условий контракта с потребителем. К примеру, в Великобритании существует законы о несправедливых условиях договора 1977 года и 1999 года. В них обозначаются следующие несправедливые условия сделки:

— положения контракта, которые потребители не понимают или не замечают;
— положения, которые включены в качестве части контракта;

— положения, которые исключают или ограничивают ответственность предпринимателя;
— положения, которые противоречат требованиям о добросовестности и ведут к причинению потребителю вреда.

Таким образом, мы полагаем целесообразным внесение в Закон РФ «О защите прав потребителей», по аналогии с законами Великобритании, открытого списка видов распространения недобросовестной информации и ведения предпринимательской деятельности. В такого рода список следует внести табу на дополнительные услуги (в виде платы за предоставление кредита, за открытие, ведение ссудного счета и др.), в связи с тем, что несмотря на нелегальность такого рода услуг и положительную судебную практику, такие услуги отечественными кредиторами навязываются до сих пор.

Заметим, что в вопросе установления контрагента потребителя многие государства сходятся на определении таковым продавца, изготовителя, исполнителя. Во всех странах правам потребителя отвечают соответствующие обязательства контрагента.

Несмотря на то что отечественное законодательство о защите прав потребителей не уступает законодательствам иностранных государств, в российское право необходимо внести следующие изменения: закрепить открытый список несправедливых условий договоров, а также включить требование о минимальном размере букв в информации, которая предназначена для потребителя.

Список литературы

1. О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

2. Германское гражданское уложение от 1.01.1900 г. / URL: http://constitutions.ru.

3. Бурлакова К. П. Договорное право зарубежных стран: Учебно-методический комплекс. М.: МГУПиН, 2013. С. 127.

4. United State Code. 1988 Edition. Title 15. Chapter 47 / URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-47.

5. Гаранская Н. В. Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие. М.: Евразийский открытый институт, 2017. С. 194.

6. Herbert N. Foerstel. Banned in the U.S.A: A Reference Guide to Book Censorship in Schools and Public Libraries. 2002.

7. О конкуренции и защите прав потребителей: Закон Австралийского союза от 24.08. 1974 // URL: https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/8187.

8. О защите прав потребителей: Закон Республики Франция № 2014-344 от 17.03.2014 г. // URL: https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/14490.

9. О торговом обслуживании и защите прав потребителя: Закон Королевства Бельгия от 12.05.2010 // URL: https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/7033

10. Рудинский К. Р. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей». М.: Кросна-Лекс, 2017. С. 220.

УДК/UDC 347.6

Современные аспекты международно-правового регулирования иностранного усыновления

Колесников Кирилл Вячеславович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kirill-f1997@mail.ru

Юрастов Федор Викторович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: fedor.yurastov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правовые проблемы в международной правоприменительной практике в области иностранного усыновления. Исследование данной проблемы проводится через анализ и сравнение отечественного и международного законодательства. Актуальность исследуемой темы обусловлена задачами по реформированию семейного законодательства и повышению авторитета усыновления (удочерения) российских детей, оставшихся без попечения родителей, российскими семьями. Анализируются различные мнения ученых в сфере международного усыновления и в дальнейшем формируются общие выводы относительно данной проблемы. Проводится исторический и правовой анализ международных договоров в сфере регулирования иностранного усыновления. Анализируется применение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в борьбе с незаконным усыновлением на международном и национальном уровнях. Приводятся примеры некоторой судебной практики за последние пять лет по данной теме. Выдвигаются предложения по совершенствованию международно-правового регулирования иностранного усыновления.

Ключевые слова: иностранное усыновление, международные правоотношения, Семейный кодекс РФ, международные договоры.

Modern Aspects of International Legal Regulation of Foreign Adoption

Kolesnikov Kirill Vyacheslavovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kirill-f1997@mail.ru

Yurastov Fedor Viktorovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: fedor.yurastov@mail.ru

Abstract

The article deals with legal problems in international law enforcement practice in the field of foreign adoption. The study of this problem is carried out through the analysis and comparison of domestic and international legislation. The relevance of the problem is due to the tasks of reforming the Family law and increasing the authority of adoption of Russian children left without parental care by Russian families. Various opinions of scientists in the field of international adoption are analyzed and general conclusions concerning this problem are formed in the future. A historical and legal analysis of international treaties in the field of foreign adoption regulation is carried out. The application of the principle of the best interests of the child in the struggle against illegal adoption at the international and national levels is analyzed. Examples of some judicial practice for the last five years on this topic are given. Proposals are put forward to improve the international legal regulation of foreign adoption.

Key words: foreign adoption, international legal relations, Family Code of the Russian Federation, international treaties.

На современном этапе взаимоотношений государств в условиях введенных ЕС и США санкций против России и торговой войны между США и Китаем важным институтом в международном праве является иностранное усыновление. В настоящее время в международном праве

дискуссионным вопросом является разработка оптимальной и современной системы международного усыновления в условиях развития института международного усыновления в других зарубежных государствах.

Так, Л. В. Кудрявцева считает, что «в современный период развития Российского государства происходит процесс переосмысления различных сторон исторического опыта нашей страны, включая и вопросы становления и развития государственно-правовых институтов» [1, с. 109].

Становление и развитие современного института иностранного усыновления происходит после Второй мировой войны. Первая попытка заключения международных соглашений, устраняющих противоречия во внутреннем законодательстве иностранных государств в сфере международного усыновления, была предпринята в 1965 году на Гаагской конференции, на которой была подписана Конвенция «О юрисдикции, применимом праве и признании решений в отношении усыновления». На конференции «Охрана детства» 1974 года была разработана концепция международного усыновления, согласно которой к последнему стоит прибегать при абсолютной невозможности осуществления национального усыновления. Данная концепция отражена в Конвенции «О правах ребенка» 1989 года и в Гаагской Конвенции «О защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления» 1993 года [2].

В 2000-х годах на фоне политических процессов произошли правовые изменения в статусе института иностранного усыновления. В течение последних двадцати лет РФ заключила ряд важных двухсторонних договоров со многими государствами СНГ, Прибалтики, ЕС, Ближнего Востока и т. д.

Согласно статистике, в 2014 году российские органы опеки передали в иностранные семьи 1038 детей; в 2017 году — 486 детей. Больше всего в настоящее время усыновляют итальянцы и испанцы, до 2012 года включительно лидирующее место занимали американцы [3]. Исходя из вышеуказанных данных, в РФ происходит снижение числа усыновленных детей иностранцами вследствие следующих событий.

Правовая позиция среди авторов по совершенствованию института

иностранного усыновления в международном праве неоднозначна. Так, по мнению Е. С. Якушовой, «самым оптимальным способом защиты прав усыновленных детей является унификация коллизионных норм по вопросам международного усыновления посредством заключения многосторонних и двусторонних договоров в данной области» [4, с. 68]. А. Б. Никишов и Л. В. Цитович предлагают выработать единое международное соглашение об усыновлении, нормы которого содержали жесткий механизм привлечения усыновителей, намеренные или случайные действия которых создают или могут создать угрозу нравственному, физическом и психическому здоровью детей, а также их здоровью [5, с. 7]. И. Н. Минеева, М. А. Панфилов высказывают мнение о том, что «необходимо на уровне международных соглашений ввести дополнительные гарантии» [6, с. 274].

По нашему мнению, приоритетным вопросом, от которого зависит формирование правового регулирования международного усыновления, является вопрос о целесообразности подчинения иностранному праву усыновления, осуществляемого на территории РФ. Правовая позиция РФ формируется из базовых принципов семейного права, которые определяют собственную политику государства в области развития семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что за последние десять лет в мире происходит кризис международно-правовых отношений между государствами в целом и конкретно института иностранного усыновления.

Список литературы

1. Л. В. Кудрявцева. Проблемы реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Ученые записи российского государственного социального университета. 2010. С. 109–114.

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

3. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного

усыновления (Гаага, 29 мая 1993 года) // Сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: http://www.hcch.net.

4. Минеева И. Н., Панфилов М. А. Проблемы усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 271–274.

5. Статистика по усыновлению и опеке в 2017 году // URL: https://ru-adopt.livejournal.com/484972.html.

6. Якушова Е. С. Унификация коллизионных норм в области усыновления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 62–70.

7. Никишов А. Б., Цитович Л. В. Особенности порядка международного усыновления (удочерения) и его правовые последствия // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 1–8.

УДК/UDC 347.78

К вопросу об определении понятия исключительного права

Костенко Ольга Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kostalya@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается эволюция применения исключительного права как правовой категории и как термина в российском праве. Определяется сущность такого права, правомочия субъектов, соотношение права собственности и исключительного права, соотношение исключительного и интеллектуального права. Исключительное право по своему характеру является имущественным, абсолютным, в соответствии с гражданским законодательством может использоваться автором по своему усмотрению. Рассматривается противоречие способов, указанных в законе по отношению к некоторым видам результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации и формулировка статьи Гражданского кодекса Российской Федерации. Исключительное право по своей природе является негативным, как считают многие авторы, в силу своей возможности запрещать использовать объекты третьим лицам, но если рассматривать данный вопрос со стороны законодательства, исключительное право носит положительный характер.

Ключевые слова: исключительное право, интеллектуальные права, право собственности, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, абсолютное право.

On the Issue of Defining the Notion of Exclusive Right

Kostenko Olga Sergeyevna
student of the faculty of law
Kuban state agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kostalya@yandex.ru

Abstract

This article discusses the evolution of the application of exclusive law as a legal category and as a term in the Russian law. The essence of this right, the powers of subjects, the relation of ownership and exclusive right, the relation of exclusive and intellectual property rights are defined. The exclusive right is a property right by its nature, absolute one and can be used by the author at his discretion in accordance with civil law. The article considers the contradiction between the methods specified in the law in relation to some types of intellectual activity results and means of individualization and the formulation of the article of the Civil Code of the Russian Federation. The exclusive right by its nature is a negative one, as many authors believe, due to its ability to prohibit the use of objects to third parties, but considering this issue the exclusive right is of a positive character according to the meaning of the law.

Key words: exclusive right, intellectual rights, property right, results of intellectual activity, means of individualization, absolute right.

Исключительное право, согласно части четвертой ГК РФ, является имущественным правом (ст. ст. 1226, 128 ГК) [1], позволяющим его обладателю использовать результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации по своему усмотрению в любой форме и любым способом, не противоречащим закону (ст. 1229 ГК РФ).

По мнению некоторых авторов, понятие «исключительное право» берет свое начало из теории частноправовой монополии, разработанной в конце XIX века А. Ренуара [2]. Исходя из данной теории, сущность авторского права определяется в способности воспрепятствовать иным лицам использовать такой объект. При этом монополия на использование

произведения понималась как свойство всех абсолютных прав.

Г. Ф. Шершеневич, рассматривая общее понятие исключительного права, утверждал, что оно предоставляет юридическую возможность совершения определенных действий. Каждый гражданин будет являться пассивным субъектом исключительного права [3].

Дальнейшее развитие теория исключительного права получила в современной науке гражданского права. В настоящее время понимание исключительного права состоит в том, что оно обеспечивает правомочие использования правообладателем и одновременно запрещает всем другим лицам совершать указанные действия [4].

Исключительный характер подразумевает правомочие только правообладателя, его преемника разрешать вопрос об осуществлении своих правомочий [5]. Исключительность прав часто характеризуется как один из видов легальной монополии. Некоторые относят исключительное право к категории абсолютных прав, которые включают в себя право собственности и другие вещные права.

Сторонники теории исключительного права предлагают рассматривать его как особый вид прав. Например, В. А. Дозорцев считает, что исключительное право выполняет в отношении нематериальных объектов ту же функцию, что и право собственности в отношении материальных. Исключительное право и есть абсолютное право на нематериальные объекты, только использующие в соответствии с натуральными свойствами объекта другие правовые средства, чем право собственности [6].

Вопрос о соотношении исключительного права и права собственности часто рассматривается в теории. Данные понятия имеют совершенно разную направленность. В основе права собственности заключено право господства над имуществом и совершения допустимых законом действий по отношению к нему. В сущности исключительного права лежит запрет на использование объектов права третьим лицам.

В середине XIX века разгорались теоретические споры об экономической и юридической природе интеллектуальных прав. Так, одни авто-

ры представляли право автора как право личности из имущественных и личных прав. По мнению других авторов, авторское и патентное право — частноправовая монополия.

В России таких взглядов придерживался Г. В. Шершеневич, который считал авторское право исключительным имущественным правом. Большое внимание он уделял вопросу о соотношении авторского права и права собственности. Исключительное право сходно с вещным абсолютным характером их силы, но так как объектом являются действия это сближает их с обязательственным правом, поэтому следует отвести ему место между вещным и обязательственным правом. Позднее он определил место исключительных прав среди абсолютных, рядом с вещными правами. [3]

В различных международных договорах, российском и зарубежном законодательстве имущественные права на объекты интеллектуальной собственности раскрываются посредством различных формулировок, например, «право разрешать» определенные действия, «право запрещать» определенные прямо перечисленные действия, возможность не допускать определенных действий и др. Возможно, исключительное право с точки зрения удобства применения на международном и национальном уровне стоит толковать как возможности правообладателя по его усмотрению осуществлять, разрешать или запрещать использование объекта интеллектуальной собственности в установленных законодательством пределах.

В соответствии со ст. 1229 ГК РФ [7], исключительное право представляется в позитивном подходе, т. е. разрешение на определенные действия, а не запрет. Несмотря на то что некоторые ученые считают, что исключительное право носит негативный (запретительный) характер. законодательство все же предоставляет правообладателю возможность наиболее выгодно использовать свое произведение и получать доход от такого использования.

В то же время нельзя не учитывать, что понятие исключительного права недостаточно разработано. В российском законодательстве дан-

ный термин появился с Законом 1911 г., в дальнейшем не было единства его толкования, и в связи с неясностью он был изъят из законодательства в начале 60-х гг. XX века. Данное понятие вернулось в российское законодательство только в первой половине 1990- х годов.

Исключительное право является абсолютным правом, так как возникает у правообладателя независимо от воли третьих лиц. Но в силу некоторых особенностей данная связь может быть не так очевидна. К таким особенностям относится то, что у исключительного права ограниченный срок действия, территориальный характер данного права (объекты не привязаны к месту нахождения, в том числе их к месту нахождения их материальных носителей). В каждой стране их охрана носит самостоятельный характер. Есть случаи ограничения, при которых объекты могут свободно использоваться в определенных интересах.

В состав исключительного права входит право использования и право распоряжения по общему правилу [8]. Исходя из норм гражданского законодательства, нельзя сказать, что правообладатель может свободно использовать результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации любым способом, например, в соответствии с п. 3 ст. 1421 ГК РФ правообладатель может использовать объект селекционных достижений одним из способов, указанных в перечне. Имущественное право на объекты интеллектуальной собственности содержат ряд различных правомочий. Например, исключительное право на объекты авторского права включает такие правомочия как воспроизведение, распространение, импорт, перевод, переработку, прокат и др.

Правомочие «пользования», применяемое в вещном праве неприменимо к интеллектуальному праву. «Использование» как термин предполагает иной порядок осуществления права. Именно «использование» результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации составляет содержание исключительного права как имущественного.

В итоге можно сказать, что исключительное право — это абсолютное, имущественное право, содержащее правомочие правообладателя по

его усмотрению осуществлять, разрешать или запрещать использование объекта интеллектуальной собственности в установленных законодательством пределах.

Список литературы

1. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие ч.4 ГК РФ: Постановление Правительства ВС РФ №5 // ВАС РФ. № 29. 26.03.2009.

2. Степанова О. А. Передача исключительных прав по авторскому договору // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 6. С. 103.

3. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 321 с.

4. Гражданское право: в 2 т. / Под ред. Е. А. Суханова. М., 2011. Т. 1. С. 314.

5. Сергеев А. П. Авторское право России. СПб., 1994. С. 123.

6. Дозорцев В. А. Комментарий к схеме «Система исключительных прав» // Дело и право. 1996. № 4. С. 39–43; № 5. С. 23–28.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

8. Постатейный комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации. Ч. 4 / Ред. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2003. С .23.

УДК/UDC 347.73

Правовое регулирование краудфандинга в некоторых государствах — членах Европейского союза

Кочян Александр Ервандович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: alex23arm@mail.ru

Аннотация

Одним из новых способов привлечения средств в инвестиционные проекты является краудфандинг, который с каждым годом набирает популярность не только в Российской Федерации, но и во многих зарубежных странах. В России краудфандинг появился сравнительно недавно, но уже успел завоевать популярность среди субъектов рынка. Он позволяет аккумулировать необходимые финансовые ресурсы при минимальных вложениях участников. Поскольку в России еще отсутствует нормативно-правовая база, регулирующая правоотношения в сфере краудфандинга, а в некоторых зарубежных странах уже дан толчок законодательному регулированию краудфандинга, автор провел сравнительный анализ правового регулирования краудфандинговых площадок. Проанализировав нормативно-правовые акты различных государств, автор приходит к выводу о совершенно разных способах правового регулирования краудфандинга в целом. В рамках законодательства Европейского союза представляется возможным унифицировать общие положения о таком набирающем популярность способе инвестирования. В свою очередь, Российской Федерации необходимо ориентироваться на положительный опыт правового регулирования в зарубежных странах такого вида инвестирования, как краудфандинг. В рамках настоящего исследования анализу были подвергнуты отдельные законодательные акты таких зарубежных стран, как Бельгия, Эстония, Италия, Франция.

Ключевые слова: инвестиции, финансирование, привлечение средств, инновации, краудфандинг, информационные технологии.

Legal Regulation of Crowdfunding in Some of the Member States of the European Union

Kochyan Aleksandr Yervandovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alex23arm@mail.ru

Abstract

One of the new ways to attract funds into investment projects is crowdfunding, which is gaining popularity not only in the Russian Federation but also in many foreign countries every year. In Russia, crowdfunding has appeared relatively recently, but has already gained popularity among market participants. It allows accumulating the necessary financial resources with minimal investment of participants. Since there is still no legal and regulatory framework in Russia regulating legal relations in the field of crowdfunding, and in some foreign countries the legislative regulation of crowdfunding has already been given an impetus, the author conducted a comparative analysis of the legal regulation of crowdfunding sites. After analyzing the legal acts of different states, the author came to the conclusion about completely different ways of legal regulation of crowdfunding in general. Within the legal framework of European Union legislation, it is possible to harmonize the general provisions on such increasingly popular mode of investment. In turn, the Russian Federation should be guided by the positive experience of legal regulation in foreign countries of such type of investment as crowdfunding. In the framework of this study analysis of certain legislative acts of foreign countries such as Belgium, Estonia, Italy, France has been undertaken.

Key words: investments, financing, attraction of financial resources, innovations, crowdfunding, information technology.

Краудфандинг представляет собой коллективное сотрудничество людей (доноров), на добровольной основе объединяющих свои денежные средства с целью поддержки предпринимательской инициативы других физических лиц или организаций (реципиентов) [1].

Необходимо отметить, что в России отсутствует нормативно-правовая база, регулирующая правоотношения в сфере краудфандинга,

однако данная область с каждым годом получает все большее развитие. В некоторых зарубежных странах уже дан толчок законодательному регулированию краудфандинга. В рамках сравнительного анализа считаем необходимым рассмотреть вопрос о правовом регулировании краудфандинга в государствах — членах Европейского союза.

В настоящее время на территории Европейского союза действует ряд многочисленных директив, которые прямо или косвенно регулируют правоотношения в сфере краудфандинга [2].

Наиболее разнообразно национальное регулирование правоотношений в сфере краудфандинга. В частности, в Бельгии краудфандинговые площадки и их регулирование подпадает под Закон об электронной коммерции [3], а доноры и реципиенты должны придерживаться правил, установленных для заключения дистанционного договора, электронной подписи и хранения персональных данных. Указанный закон регулирует только общие положения заключения договора, обязательное предоставление исчерпывающей информации о размерах комиссии, согласие на обработку персональных данных.

Стоить отметить, что Закон об электронной коммерции никак не регулирует условно-возвратную и благотворительную модель краудфандинга, что является существенным пробелом бельгийского законодательства. Кроме этого, в случаях, когда донором выступает потребитель, то обязательны к применению нормы книги VI бельгийского Кодекса хозяйственного права (Economic Law Code) [4].

Деятельность реципиента, планирующего привлечь денежные средства путем продажи ценных бумаг через краудфандинговую площадку, регулируется бельгийским законодательством о ценных бумагах. В 2015 году в Бельгии был подготовлен законопроект об обязательном лицензировании краудинвестинговой и краудлендинговой деятельности, что является новеллой европейского законодательства.

Что касается Эстонии, то специального законодательства о краудфандинге в данной стране нет. Законодатель продемонстрировал полную апатию в отношении возможности принятия отдельного закона, не про-

водились ни обсуждения, ни разработки проекта. В Эстонском праве основой краудфандинга является дистанционный договор, который заключается между продавцом (реципиент) и покупателем (донором). Продавец и покупатель одновременно не присутствуют в момент заключения договора, а все заявления о намерениях сторон должны быть отправлены исключительно дистанционно, с использованием различных средств связи.

На сегодняшний день в Эстонии существует лишь одна площадка для краудинвестинга, однако ее применение также вызывает правовую неопределенность. В частности, отсутствует понимание того, каким законом необходимо руководствоваться и подпадает ли краудфандинговая деятельность под действие Директивы Европейского парламента и Совета от 21.04.2004 № 2004/39/ЕС «О рынках финансовых инструментов» (MiFiD) [5]. По нашему мнению, решением указанной проблемы может стать модернизация национального Закона о рынке ценных бумаг Эстонии.

Во Франции 1 октября 2014 г. вступили в силу нормы законодательства, регулирующие сферу краудфандинга [6]. Краудинвестинговые платформы (возмездный вид краудфандинга) получили статус инвестиционного консультанта, а краудлендинговые — финансового посредника (вид микрокредитования, путем которого кредиты предоставляются заемщикам через специализированные интернет-сервисы). Требования, предъявляемые к ним, существенно мягче, чем уже существующие в отношении кредитных организаций, однако они должны быть зарегистрированы в государственном регистре страховых брокеров.

Таким образом, анализ ряда нормативно-правовых актов различных государств позволяет сделать вывод о совершенно разных способах правового регулирования краудфандинга в целом. В рамках законодательства Европейского союза представляется возможным унифицировать общие положения о таком набирающем популярность способе инвестирования.

В свою очередь, имеется объективная необходимость и в форми-

ровании нормативно-правовой базы в Российской Федерации, поскольку в сложившейся ситуации, когда правоотношения имеют место и активно развиваются, а законодательство не может оперативно отреагировать на них, могут появиться серьезные последствия как для субъектов краудфандинга, так и для государства. Национальному праву необходимо ориентироваться на положительный опыт правового регулирования в зарубежных странах такого вида инвестирования, как краудфандинг.

Список литературы

1. Чугреев В. Л. Краудфандинг — социальная технология коллективного финансирования: зарубежный опыт использования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4 (28). С. 190–196.

2. Directives № 2007/64/EC; № 2003/71/EC; № 2013/36/EU; № 2008/48/EC; № 2004/39/EC (MiFID); № 2001/107/EC; № 2001/108/EC; № 2011/61/EU; № 2011/83/EC; № 2002/65/EC; № 2005/60/EC; № 2000/31/EC (Directive of electronic commerce).

3. Economic Law Code. Book XII. Articles XII.1–23.

4. Economic Law Code. Articles VI.1–128.

5. Bradford C. S. Crowdfunding and the Federal Securities Law // Columbia Business Law Review. 2012. № 1. P. 14–27.

6. Санин М. К. История развития краудфандинга. Классификация видов. Анализ перспектив развития и преимуществ // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 4. С. 57–63.

7. Кузнецов В. А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 65–73.

УДК/UDC 338.4

Проблемы определения правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в Российской Федерации

Курочкина Елизавета Васильевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: elizavetka.kurochkina@mail.ru

Аннотация

В статье подробно рассматриваются признаки крестьянского (фермерского) хозяйства в Российской Федерации. Раскрывается сущность и особенности крестьянского (фермерского) хозяйства как в качестве юридического лица, так и как неюридического лица. Проводится исторический и правовой анализ правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства. Анализируются различные мнения ученых по данному вопросу. Формулируются новые предложения по совершенствованию института крестьянского (фермерского) хозяйства, предлагаются пути решения некоторых проблем. Автор отмечает, что законодательная деятельность крестьянского (фермерского) хозяйства юридического лица пока еще не урегулирована, при этом представляется правильным установить особенности правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в качестве юридического лица уже в действующем законе, посвященном договорному режиму крестьянского (фермерского) хозяйства.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, признаки, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо.

On the Issue of the Legal Status of Farms in the Russian Federation

Kurochkina Elizaveta Vasilyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: elizavetka.kurochkina@mail.ru

Abstract

The article discusses in detail the signs of a farm economy in the Russian Federation. The essence and peculiarities of a farm are revealed both as a legal entity and as a non-legal person. A historical and legal analysis of the legal status of the farm is carried out. Analyzed the various opinions of scientists on this issue. New proposals are being formulated for improving the institution of a farm, and ways of solving some problems are proposed. The author notes that the legislative activity of a farm of a legal entity has not yet been settled, while it seems correct to establish the peculiarities of the legal status of a farm as a legal entity already in the current law on the contractual regime of a farm.

Key words: farm, signs, individual entrepreneur, legal entity.

Крестьянское (фермерское) хозяйство (К(Ф)Х) представляет собой особую организационно-правовую форму, которая не имеет аналогов. В соответствии с изменениями в ГК РФ параграф 2 гл. 4 был дополнен подпараграфом 3.1 «Крестьянское (фермерское) хозяйство», в соответствии с которым юридическое лицо может быть создано со дня официального опубликования этих изменений [1].

Следует отметить, что в составе крестьянского (фермерского) хозяйства в форме юридического лица могут быть выделены: крестьянское (фермерское) хозяйство, созданные в соответствии с Законом РСФСР от 22.11.1990 года № 348-1 [2], и крестьянское (фермерское) хозяйство, созданные в соответствии с ГК РФ. При этом правовой статус крестьянских (фермерских) хозяйств — юридических лиц, созданных как по нор-

мам Закона РСФСР от 22.11.1990 года № 348-1, так и по нормам ГК РФ — должен быть одинаков.

Следует отметить, что статистические данные о количестве зарегистрированных по первому Закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в качестве юридического лица не составлялись. ЕГРЮЛ не дает возможности без дополнительных действий сформировать реестр крестьянских (фермерских) хозяйств, созданных в соответствии с Законом РСФСР, реестр крестьянских (фермерских) хозяйств, созданных в соответствии с ГК РФ, выделить юридических лиц, созданных в других организационно-правовых формах, но являющихся сельскохозяйственными товаропроизводителями. То же самое можно сказать и о возможностях ЕГРИП, который не дает возможности сформировать перечень индивидуальных предпринимателей, являющихся главами крестьянского (фермерского) хозяйства или занимающихся сельским хозяйством. Такой перечень вручную ведется сотрудниками министерств сельского хозяйства субъектов РФ. На наш взгляд, с учетом уровня развития автоматизированных информационных систем и доступности такой информации логично было бы доработать ЕГРЮЛ и ЕГРИП с учетом такой функции.

Как правило, признаки юридического лица рассматриваются с позиций, установленных в ст. 48 ГК РФ. Еще в 70-х годах О. А. Красавчиков представил универсальную классификацию материальных и правовых признаков юридического лица [3]. Но если анализировать самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица, то уместно выбрать те признаки, которые отличают данный субъект от иных организационно-правовых форм юридических лиц и от иных субъектов хозяйствования. Подойти к пониманию правового статуса хозяйствующего субъекта можно через определение порядка его создания, раскрытие его отличительных признаков, прав учредителей, правового режима имущества, характеристики управления, особенностей реорганизации и прекращения деятельности, если таковые имеются.

В связи с тем, что существует К(Ф)Х и как юридическое лицо

(К(Ф)Х-ЮЛ), и как не юридическое лицо (К(Ф)Х — не ЮЛ), указанные характеристики у двух данных субъектов права будут разными.

К(Ф)Х-ЮЛ являются коммерческими и корпоративными организациями (п. 2 ст. 50, п. 1 ст. 65.1 ГК РФ).

То, что К(Ф)Х — коммерческое юридическое лицо, означает, что основной целью создания К(Ф)Х является предпринимательская деятельность, в отличие от некоммерческих организаций, для которых получение прибыли не является основной целью и которые не распределяют прибыль между участниками. О том, что крестьянское хозяйство представляет форму свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды, заявлялось законодателем еще в первом Законе о К(Ф)Х. К(Ф)Х — не юридическое лицо фактически также создается ради получения прибыли, хотя не всегда можно назвать это основной целью создания К(Ф)Х — не ЮЛ, тем более не всегда можно увидеть, что прибыль делится между его членами.

Так как в К(Ф)Х — юридическом лице предусмотрено членство и сами члены К(Ф)Х формируют орган управления, указанный субъект предпринимательских отношений нужно отнести к корпоративным юридическим лицам (корпорациям). Ученые обосновывают различие между корпоративным и коллективным началом, так, под корпоративностью нужно понимать «возможность удовлетворения как частного интереса участника корпорации, так и общего интереса организации». В корпоративном юридическом лице приоритет остается за самой корпорацией, интересы которой выражаются через ее органы управления. Ранее, исходя из анализа норм Закона о К(Ф)Х, специалисты делали вывод о коллективной природе К(Ф)Х, в настоящее время к К(Ф)Х как к юридическому лицу легально относится признак корпоративности, а К(Ф)Х как договорное сообщество в большей степени может быть охарактеризовано признаком коллективности.

Некоторые ученые высказывают сомнение в специфике такой корпорации, так, Е. А. Суханов обращает внимание на то, что законодатель рассматривает К(Ф)Х в качестве «одной из разновидностей това-

риществ», «К(Ф)Х по-прежнему может функционировать как в качестве юридического лица, так и в качестве неправосубъектного объединения граждан (разновидности простого товарищества)» [4]. Другие ученые предполагают, что «из законодательного определения К(Ф)Х-ЮЛ видно, что перед нами новая организационно-правовая форма юридического лица, по многим признакам напоминающая сельскохозяйственный кооператив» [1]. На наш взгляд, совершенно ясно, что нельзя подходить с сугубо нормативистскими мерками к определению правового статуса К(Ф)Х и его месту в экономике. В этом вопросе может спасти только комплексный междисциплинарный подход, только аграрное право, только гармонизация правовых, социальных, философских вопросов к регулированию общественных отношений. В противном случае, исследуя только нормы ГК РФ, мы упускаем из виду и продовольственную безопасность государства, и социальную значимость крестьянства со своим особым укладом и спецификой деятельности. Выделение К(Ф)Х в качестве самостоятельной организационно-правовой формы может быть оправдано наличием признаков, отличающих его от других субъектов, и эти признаки должны быть ясно сформулированы законодателем.

Еще одной характеристикой К(Ф)Х как юридического лица, так и основанного на договоре специалисты часто называют специальную правоспособность, обосновывая это тем, что к основным видам деятельности хозяйства относятся производство, переработка, транспортировка, хранение и реализация сельскохозяйственной продукции собственного производства либо в формулировке ГК РФ «производственная или иная хозяйственная деятельность в области сельского хозяйства». Однако специальная правоспособность возникает у юридического лица на основании лицензии, либо аккредитации саморегулируемой организации, либо иного разрешительного порядка, связанного с особыми требованиями к деятельности. Специальная правоспособность дает возможность осуществлять только те виды деятельности, которые разрешены; этому, как правило, сопутствует запрет одновременного осуществления других видов деятельности.

Что касается договорного порядка создания К(Ф)Х, то основной состав такого хозяйства составляют лица, связанные родством или свойством. Вызывает определенные вопросы факт ограничения в Законе установлено количества семей для одного К(Ф)Х, и чем вызвано данное ограничение. По мнению М. Ю. Тихомирова, «включая неправовое понятие „семья“ в текст Закона, законодателю следовало дать его определение, поскольку с этим понятием связано ограничение круга лиц, имеющих право на создание фермерского хозяйства» [5]. Однако исходя из действующего законодательства в случае, когда К(Ф)Х регистрируется в качестве юридического лица, для К(Ф)Х-ЮЛ такое требование законодатель не устанавливает. При этом гражданин может быть членом только одного К(Ф)Х, созданного в качестве юридического лица (п. 3 ст. 86.1 ГК РФ).

Родство является признаком К(Ф)Х для договорной организационно-правовой формы хозяйства. Исключение признака родства из особенностей К(Ф)Х, на наш взгляд, было бы ошибкой. К(Ф)Х именно тем и отличается от других форм хозяйствования, что содержит в себе большой потенциал семейных и социальных ценностей, что должно быть поддержано государством и обществом. Само по себе влияние родственных связей на осуществление предпринимательской деятельности не отрицается государством и рассматривается в большей степени как отрицательное явление, так, в налоговом законодательстве ведется борьба или, по крайней мере, осуществляется контроль за сделками между аффилированными и взаимозависимыми лицами. Но главное, на что надо обратить внимание: несмотря на отсутствие необходимости всех членов становиться индивидуальными предпринимателями для создания юридического лица — К(Ф)Х, в отличие от полных товарищей в случае создания хозяйственных товариществ (см. п. 5 ст. 66 ГК РФ), предусматривается субсидиарная ответственность членов К(Ф)Х — юридического лица. При всех дополнительно установленных сложностях создания К(Ф)Х и при отсутствии однозначной поддержки государством данной формы хозяйствования, понимая значимость сельского хозяйства и крестьянства для

страны, устанавливать дополнительную ответственность для субъекта малого предпринимательства, по меньшей мере нелогично.

В К(Ф)Х — юридическом лице имущество принадлежит ему на праве собственности, то есть это частная собственность юридического лица, которое, как известно, рассматривается как самостоятельный субъект права. Важен вопрос и распоряжения имуществом К(Ф)Х в случае банкротства. Особенностей банкротства К(Ф)Х — юридических лиц в действующем законодательстве не предусмотрено, однако есть особенности банкротства любой сельскохозяйственной организации, которые аналогичны особенностям продажи имущества К(Ф)Х как физического лица.

А земельный участок продается с публичных торгов тому лицу, которое будет использовать его по целевому назначению (абз. 1 п. 4 ст. 86.1 ГК РФ), и в любом случае обращения взыскания кредиторов К(Ф)Х на земельный участок, находящийся в собственности хозяйства, должен быть учтен принцип целевого использования (ст. 78 ЗК РФ).

Таким образом, можно говорить о специфическом имуществе, которое необходимо для реализации сельскохозяйственной деятельности: сельскохозяйственной технике, которая нигде, кроме как в сельском хозяйстве, применена быть не может, сельскохозяйственных животных, земельных участках сельскохозяйственного назначения, и особом режиме этого имущества, обеспечивающем сохранение назначения указанного имущества и недопустимость разукомплектации хозяйства, ведущей к тому, что использование оставшегося имущества станет бессмысленно.

Законом деятельность К(Ф)Х-ЮЛ пока еще не урегулирована, при этом, представляется правильным установить особенности правового статуса К(Ф)Х в качестве юридического лица уже в действующем Законе, посвященном договорному режиму К(Ф)Х, однако можно предположить, что законодатель еще будет возвращаться к уточнению правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства как с точки зрения определения организационно-правовой формы хозяйствования, так и с точки зрения прав, обязанностей, ответственности его членов и в К(Ф)Х

— юридического лица, и в К(Ф)Х, основанном на договоре.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. С. 3301.

2. О крестьянском (фермерском) хозяйстве от 22.11.1990 № 348-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР.1990. № 26. Ст. 324.

3. Красавчиков О. А. Сущность юридического лица / О. А. Красавчиков // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 47–52.

4. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. М.: Статут, 2014. 456 с.

5. Тихомиров М. Ю. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (постатейный) / М. Ю. Тихомиров. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2015. 126 с.

УДК/UDC 347

Субъекты договора потребительского кредитования (займа)

Логутов Александр Леонидович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: logutov.alexs@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются субъекты потребительского кредита (займа), анализируется правовое положение данных субъектов в Российской Федерации, раскрываются некоторые проблемы в содержании определений данных законов, которые закреплены в законе. Цель данной статьи заключается в исследовании всех субъектов потребительского кредитования, определении их правового статуса и анализе правового регулирования. Автор приходит к выводу, что лицом, получившим право требования к заемщику по договору потребительского кредита (займа) в порядке уступки, является юридическое лицо в форме хозяйственного общества, основной деятельностью которого является деятельность по взиманию просроченной задолженности с должника.

Ключевые слова: договор потребительского кредита (займа), физические лица, граждане, коммерческие организации, небанковские коммерческиие организации, некоммерческие организации.

Subjects of the Consumer Loan Agreement

Logutov Aleksandr Leonidovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: logutov.alexs@mail.ru

Abstract

This article discusses the subjects of consumer credit (loan), analyzes the legal status of these subjects in the Russian Federation, reveals some problems in the content of the definitions of these laws, which are enshrined in the law. The purpose of this article is to study all subjects of consumer lending, determine their legal status and analyze legal regulation. The author comes to the conclusion that the person who received the right to claim a borrower under a consumer credit (loan) agreement by way of assignment is a legal entity in the form of a business entity whose main activity is the collection of arrears from the debtor.

Key words: consumer credit (loan) agreement, individuals, citizens, commercial organizations, non-bank commercial organizations, non-profit organizations.

Для правильного определения субъектного состава потребительского кредита необходимо детальное изучение дефиниции потребительский кредит.

Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ потребительский кредит (заем) представляет собой денежные средства, предоставляемые кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе с лимитом кредитования. Из положений данной видно, что в кредитных отношениях участвует две стороны кредитор и заемщик [1].

В положениях данной статьи даны определения понятий кредитор и заемщик. Согласно ч. 2 п. 1 ст. 3 закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ заемщиком является физическое лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее потребительский кредит. Следует отметить, что однородного определения термина «физическое лицо» в российском законодательстве нет. Так, в п. 2 ст. 1 ГК РФ [2] термин «гражданин» и «физическое лицо» употребляется как синонимы: «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе».

В дальнейшем законодатель употребляет данные термины идентично, например в гл. 3 ГК РФ.

Такое употребление данных терминов нельзя считать верным, так как под гражданином понимается принадлежность лица к определенному государству, а под физическим лицом мы понимаем граждан, лиц без гражданства, иностранных граждан. Следует обратить внимание, что термин «физическое лицо» идентично понятию «человек», которое закреплено в Конституции РФ. Также Конституция РФ не использует понятие «физическое лицо», а использует термины «человек» и «гражданин».

Следует отметить, что в теории государства и права физическое лицо следует определять как гражданина РФ, иностранного гражданина и апатрида [3]. В п. 1 ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» дано определение гражданства, под которым понимается устойчивая правовая связь лица с РФ, которая выражается в их взаимных правах и обязанностях [4].

Таким образом, заемщиком может являться не только гражданин РФ, но и апатрид, а также иностранные граждане.

Кредитор. В соответствии с ч. 3 п. 1 ст. 3 ФЗ закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ кредитором является предоставляющая или предоставившая потребительский кредит кредитная организация. Согласно положениям данной статьи, в качестве кредитора могут выступать три участника правоотношений:

1) кредитная организация;
2) некредитная финансовая организация, которая осуществляет профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов;
3) лицо, получившее право требования к заемщику.

Согласно федеральному закону «О банках и банковской деятельности» [5] кредитной организацией признается юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) ЦБ РФ имеет пра-

во осуществлять банковские операции. Основным критерием, который характеризует коммерческую организацию, является осуществление ею банковских операций. Банковские операции могут осуществлять коммерческие организации, которые делятся на две основные группы:

1) банки;
2) небанковские коммерческие организации.

Наличие у банка лицензии ЦБ РФ позволяет отличить его от небанковских кредитных организаций, что способствует нормальному функционированию банковской системы в целом.

Существует две разновидность банков:

1) банк с универсальной лицензией, которая позволяет осуществлять все банковские операции ;
2) банки с базовой лицензией, которая позволяет осуществлять все банковские операции с учетом ограничений, указанных в данном законе «О банках и банковской деятельности».

Некредитные финансовые организации. Данный субъект правоотношения может осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов. Данную деятельность вправе осуществлять:

1) ломбарды;
2) микрофинансовые организации;
3) кредитные потребительские кооперативы.

Таким образом, некредитными финансовыми организациями, которые имеют право осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению займов являются: ломбарды, микрофинансовые организации, кредитные потребительские кооперативы.

Также следует отметить, что договор потребительского кредита должен содержать в себе общие требования и индивидуальные требования.

Общими условиями являются те условия которые сформулированы кредитором в одностороннем порядке для много кратного применения. В ч. 19 п. 4 ст. 5 ФЗ О потребительском кредите (займе) содержатся

условия о том, что кредитор в обязательном порядке должен указывать информацию о возможности запрета уступки прав требования третьему лицу по договору потребительского кредита, но на практике данную информацию кредитор не указывает или вообще указывает на то, что запрет уступки прав требования не возможно.

К индивидуальным условия относятся те условия, которые согласовываются кредитором и заемщиком индивидуально, в ч. 12 п. 9 ст. 5 ФЗ О потребительском кредите (займе) указывается, что среди индивидуальных условий может быть указана возможность запрета уступки кредитором третьим лицам прав (требований) по договору потребительского кредита. На наш взгляд, данная формулировка соответствует положениям приведенным выше, так как заемщик уже должен быть проинформирован об возможности запрета уступки права требований по договору потребительского кредита, поэтому считаем необходимым указать в данном пункте о достижении согласия или не согласия между кредитором и должником о уступке права (требований) по договору потребительского кредита (займа).

Следует сказать еще об одной из проблем, связанных с уступкой права требования, а именно продажа банками просроченных долгов специальным организациям. В связи с ростом жалоб граждан и острым общественным резонансом данный вопрос был урегулирован Федеральным законом от 03.07.2016 №230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»» [6]. Данный ФЗ регулирует деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц по денежным обязательствам, следует отметить, что в данном законе урегулированы требования к юридическому лицу, осуществляющему деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельность.

Таким образом, лицом, получившим право требования к заемщику по договору потребительского кредита (займа) в порядке уступки, явля-

ется юридическим лицом, в форме хозяйственного общества, основной деятельность которого, является деятельность по взиманию просроченной задолженности с должника. Такая организация не является кредитной, как остальные участники со стороны кредитора, а является специализированным участником, целью которого является взимание просроченной задолженности.

Список литературы

1. О потребительском кредите (займе). Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.07.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Ремезова И. А. Особенности правового положения кредитных организаций по законодательству России // Право: история, теория, практика: материалы V международной научной конференции. СПб.: Свое издательство. 2017. С. 22–25.

4. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.02.1996. № 6. ст. 492.

6. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ // Российская газета. № 146. 06.07.2016.

УДК/UDC 339.923

Проблемы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций

Лящук Анна Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: anna.lyashuk.97@mail.ru

Облицов Владислав Альбертович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

Экономический фактор занимает, пожалуй, одно из самых важных мест в жизни отдельно взятого государства. Сегодня национальная экономика одного государства тесно переплетается с хозяйственной жизнью других стран. Современное межгосударственное экономическое пространство развивается быстрыми темпами, что порождает немало открытий в своей области. Актуальным субъектом современных межнациональных и межгосударственных отношений выступают транснациональные корпорации. Регулирование деятельности ТНК далеко несовершенно, а потому вопросы статуса транснациональных корпораций нашли свое отражение в рассматриваемой статье. Авторы обращаются к вопросам единого определения понятия ТНК и ее основных черт, а также изучают проблему отсутствия единого правового регулирования деятельности транснациональных корпораций. В заключение авторами делаются обоснованные выводы и предлагаются пути решения насущных проблем.

Ключевые слова: экономика, хозяйствующий субъект, корпорации, предприятия, транснациональные корпорации, страны головного базирования.

The Issues of Legal Regulation of Transnational Corporations Activities

Lyaschuk Anna Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: anna.lyashuk.97@mail.ru

Oblitsov Vladislav Albertovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The economic factor occupies perhaps one of the most important places in the life of a single state. Today, the national economy of one state is closely intertwined with the economic life of other countries. The modern interstate economic space is developing rapidly, which generates a lot of discoveries in its field. Transnational corporations are the actual subject of modern interethnic and interstate relations. Regulation of the activities of TNCs is far from perfect, and therefore the issues of the transnational corporations status are reflected in the article. The authors address the issues of a single definition for TNC and its main features, as well as the problem of the lack of a unified legal regulation of transnational corporations. In conclusion, the authors make substantiated conclusions and propose solutions to pressing problems.

Key words: economy, economic entity, corporations, enterprises, transnational corporations, home countries.

Сегодня, делая шаги навстречу новой постиндустриальной эпохе, вместе с информационной, коммуникационной, политической, научной развивается и экономическая сфера жизнедеятельности общества. Экономический фактор играет важную роль не только на национальном, но и на международном уровне. Одним из важных элементов современных международных экономических отношений выступают транснациональные корпорации (ТНК).

Термин «транснациональная корпорация» появился сравнительно недавно. В международном обороте его начали применять в середине 70-х годов. Многие ученые по-разному трактуют этот термин, однако единого, закрепленного понятия ТНК выработано не было.

ТНК — это экономически могущественные группы предприятий, состоящие и являющиеся самостоятельным юридическим лицом головной компании, располагающейся в стране базирования, и из нескольких являющихся самостоятельными юридическими лицами дочерних компаний или не являющихся таковыми филиалов в других странах [1].

Так как деятельность ТНК затрагивает множество различных государств, то Комиссия по транснациональным корпорациям ООН предложила свой вариант раскрытия этого понятия. По их мнению, ТНК — это компания:

— имеющая учреждения в двух и более странах;
— проводящая единую политику и реализующая общую стратегию через управляющий орган;
— связывающая отдельные единицы разными способами их взаимодействия.

Несмотря на то что фактически ТНК являются самостоятельными субъектами международных отношений, они обладают экономическим и организационным единством, т. е. их руководство подлежит единому аппарату управления, что дает проводить единое экономическое планирование и развитие ТНК. Это позволяет определить их деятельность не только как крупномасштабную, но и как глубоко интегрированную.

Транснациональные корпорации, на сегодняшний день, являются крупнейшими мировыми хозяйствующими субъектами. Наиболее известные из них — Apple, Microsoft, Googl», Mc Donald's, Coca-Cola, Danone, Ford, в России — «Аэрфлот», «Газпром», «Лукойл», «Ингосстрах». Это совершенно разные по технологии, производству, организации ТНК, но объединенные между собой рядом противоречивых вопросов. Помимо вышеперечисленных ТНК с каждым годом их количество увеличивается, что ставит проблему их регулирования намного острее, чем в преды-

дущие годы.

На сегодняшний день не было выработано единого общепризнанного определения понятия «транснациональная корпорация» [2]. Так, Г. М. Вельяминов определяет транснациональные корпорации как многонациональные предприятия, полностью независимые от страны их происхождения и формы собственности, имеющие отделения в двух или более странах, функционирующие в соответствии с системой принятия решений, позволяющей проводить согласованную политику и общую стратегию [3]. По мнению В. Г. Витцтум, ТНК — это предприятия, которые владеют организациями за пределами границ государства их местонахождения или контролируют их [4].

В различных странах имеются схожие по смыслу и звучанию определения, такие как: «транснациональная компания», «транснациональные группы», «транснациональный концерн». Однако, определить, что речь идет об одном и том же попросту нельзя, так как не существует и единых критериев для их отождествления и определения.

С правовой точки зрения основная сложность заключается в том, что ТНК — это не один субъект права, а совокупность юридических лиц, имеющих личный закон отдельных стран мира.

Исходя из этого, мы видим огромнейшую для экономики всего мирового сообщества проблему: отсутствие универсального межгосударственного нормативно-правового акта, который бы регулировал деятельность ТНК. Однако нельзя сказать, что на международной арене не предпринималось попыток унифицировать норму о ТНК [5]. Одна из первых попыток реализовать единый закон регулирования ТНК состоялась в 1976 году. Тогда были разработаны ориентиры «Организации экономического сотрудничества и развития» для многонациональных предприятий. Затем в 1977 году была разработана «Декларация Международной организации труда» в которой освещались вопросы отношения между работниками ТНК и ее администрацией. А также в ООН разрабатывался так называемый проект Кодекса поведения ТНК, ключевыми моментами которого стали задачи определения понятия ТНК, сторон, ос-

новных вопросов о юридической силе и сфере применения предстоящего кодекса.

Попытки создания данного кодекса заключались в принятии такого документа, который состоял из норм, устанавливающих обязательные требования и норм, требующих государственно-правовую реализацию. Однако, данный проект так и не был реализован в связи с неудачей согласовать различные позиции данного акта.

Подводя итог можно сказать, что ТНК, с одной стороны, — мощный экономический инструмент развития многих стран, в которых располагаются «придатки» головного офиса, а с другой — инструмент политического доминирования, эксплуатации и монополии. Поэтому, на наш взгляд, факт отсутствия единого межгосударственного регулирования деятельности ТНК можно объяснить лишь одним: отсутствием заинтересованности стран-сторон ТНК не только в Кодексе, но и в отдельных единых международных нормах рекомендательного характера. Причина тому — нежелание стран головного базирования ТНК общеустановленного законодательного закрепления единых прав, обязанностей и ответственности наравне с дочерними корпорациями.

Список литературы

1. Международное право: Учебник / отв. ред. С. А. Егоров. Статут, 2015.

2. Кудрявцева Л. В. Международное частное право: действующие нормативные акты: учеб. пособие. М-во образования и науки РФ, Российский гос. социальный ун-т. Анапский фил., 2010. С. 39.

3. Международное право: опыты / отв. ред. Г. М. Вельяминов. Статут, 2015.

4. Международное право = Volkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн; 2-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2015. Серия «Германская юридическая литература: современный подход». Кн. 2. 1072 с.

5. Е. В. Ленский, В. А. Цветков. Транснациональные финансово-промышленные группы и межгосударственная экономическая интеграция: реальность и перспективы. М.: АФПИ еженедельника «Экономика и жизнь», 2009.

УДК/UDC 347.77

Проблема непризнанных государств в современном международном праве

Матюха Сергей Валерьевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье анализируется проблема существования большого количества непризнанных государств в современных международных отношениях, являющаяся вызовом как для России, так и для мирового сообщества. Основными отличительными чертами непризнанных государств является фактическое наличие признаков государственности, существование конфликта между государством-«метрополией» и народом, стремящимся к самоопределению в форме независимого государства. Непризнанные и частично признанные государства обычно имеют способность и стремление вступать в стандартный набор взаимоотношений с полноправными государствами, однако те своим непризнанием не дают им возможности для полноценного участия в таковых. Современная литература под непризнанными государствами понимает некое политико-территориальные образование, обладающее ключевыми атрибутами государства без внешней легитимации суверенитета. Однако отсутствие самого признания не мешает этим субъектам фактически существовать на политической карте мира и действовать в реальном контексте реальных межгосударственных отношений. Поэтому и международным организациям, и вообще всей системе международного права приходится иметь дело с подобными субъектами. Данная проблема долгое время считалась малозначительной, и поэтому ее решение откладывалось, что только усугубило ситуацию вокруг нее. Для наиболее эффективного решения конкретной проблемы непризнанных государств, необходимо разработать и установить четкий критерий, который позволит по истечении определенного срока рассчитывать данным государственным образованиям на международное признание.

Ключевые слова: непризнанные государства, самопровозглашенные государства, право народов на самоопределение, государственно правовые образования, самоопределение народа, проблема непризнанных государств.

The Problem of Unrecognized States in Modern International Law

Matyukha Sergey Valeryevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The article analyzes the problem of the existence of a large number of unrecognized states in modern international relations, which is a challenge for both Russia and the world community. The main distinguishing features of the unrecognized states are the actual existence of signs of statehood, the existence of a conflict between the "metropolis state" and the people seeking self-determination in the form of an independent state. Unrecognized and partially recognized states usually have the ability and the will to enter into a standard set of relations with full states, but those by their non-recognition do not give them the opportunity to participate fully in those relations. Modern literature understands unrecognized states as a kind of political-territorial entity that has the key attributes of a state without external legitimacy of sovereignty. This problem has long been considered insignificant and therefore its solution was postponed, which only aggravated the situation around it. For the most effective solution to the specific problem of unrecognized states, it is necessary to develop and establish a clear criterion that will allow these state entities to count on international recognition after a certain period of time.

Key words: unrecognized states, self-proclaimed states, the right of peoples to self-determination, state legal entities, self-determination of the people, the problem of unrecognized states.

На сегодняшний день проблема непризнанных государственных образований является одной из наиболее актуальных в рамках международного права, так как в настоящее время в мире существует несколько десятков непризнанных этнических образований, которые хотят обладать суверенитетом. Статус данных образований, которые в литературе именуются как «непризнанные государства», в настоящее время подвер-

гается большому сомнению.

Существование таких государств порождают определенные конфликты в решении международных споров, так как в научном сообществе идет активное обсуждение политических и правовых аспектов, а именно: временной промежуток зарождения государства как субъекта международного права, признание государства как субъекта права и как проявляется влияние такого признания на существование самого государства.

Непризнанными являются такие государственные образования, у которых отсутствует полное или частичное признание со стороны других государств, но при этом эти образования имеют отдельные признаки государства. Исходя из этого, такие государства способны к осуществлению эффективного внутреннего контроля над своей территорией, но без официального признания они не могут полноправно вступать в правовые отношения с другими субъектами международного права. По утверждению А. Г. Большакова, под непризнанным государственным образованием следует понимать такое образование, которое лишено определенной международной правосубъектности, но при этом, имеющее все остальные признаки государства. Более точную смысловую нагрузку выражает понятие «непризнанное государство», в отличие от самых распространенных понятий:«непризнанные территории», «самопровозглашенные государства», «самопровозглашенные республики» [1].

Основным признаком любого вновь образованного государства является способность его органов осуществлять фактическую деятельность на своей территории, а также законное существование данных органов власти, то есть признание и готовность подчиняться данной власти тем народом, который проживает на этой территории.

Основываясь на конституционную теорию признания государственности, согласно которой только признание других государств делает непризнанное государство полноценным участником международного права, поэтому существует множество судебных решений, которые исходят из того, что непризнанное государство юридически не существует и

исходя из этого применение законов данным образованием невозможно.

Действующие международные акты не содержат противоречивых положений в отношении непризнанных государств, поэтому их применение не может ставиться в определенную зависимость от признания этого государства. Следует отметить, главенствующий принцип международного частного права раскрывает, что те нормы, которые закреплены в иностранном праве, не должны противоречить главенствующим принципам национального законодательства. Наглядный пример отражен в Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года. В ней указывается, что стороны могут по своему усмотрению устанавливать право подлежащего применению арбитрами при решении спора по существу, если же указаний о применении конкретного права не будет закреплено, то арбитры будут применять закон установленный в соответствии с коллизионной нормой [2].

Поэтому, прослеживается определенная временность существования государственных образований. Но в некоторых случаях непризнанные государства приобретают свою суверенность (примером служит Эритрея, отделившаяся от Эфиопии) или продолжительное время сохранять свой переходный статус (как это имеет место в Турецкой Республике Северного Кипра), а могут отделиться от одной страны и войти в состав другой, при этом крайне малое время просуществовать как самостоятельное суверенное образование, примером является то, что юридически до 16 марта 2014 года Крым являлся составной частью Украины, в период с 16 по 21 марта 2014 года Крым приобрел свою независимость и стал обладать своей правовой системой, с 21 марта 2014 года Крым является составной частью Российской Федерации, т. е. на протяжении весьма короткого периода времени на территории полуострова действовали три национальные правовые системы [3].

Непризнанное самопровозглашенное образование обязано соблюдать то законодательство, которое распространяется на государство от которого оно незаконно отделилось. Особого значения не имеет, какая территориальная единица данного государства желает получить свою

автономию, основным является, то что во взаимоотношениях с ним иностранное государство обязано также соблюдать законодательство того государства, от которого отделилась данная территориальная единица.

Необходимо отметить, что для предоставления Российскими нотариусами различных документов, постоянно поступают обращения от нотариальных палат некоторых официально непризнанных государственных образований, это например такие как Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Южная Осетия, Абхазия и многие другие.

Среди большого количества обращений, можно выделить основные, это: по поводу подтверждения правоспособности юридических лиц, удостоверение личности граждан, документы подтверждающие регистрацию актов гражданского состояния. По этому поводу поступали запросы в министерство иностранных дел от Федеральной нотариальной палаты по вопросу возможности принятия Российскими нотариусами для совершения нотариальных действий документов, исходящих от государственных образований, не признанных Российской Федерацией как самостоятельных субъектов международного права. Российская Федерация стала активным и цивилизованным участником международного обмена [4, с. 158].

Рассмотрев проблему непризнанных государств, можем сделать определенные выводы.

Объединившиеся лица, проживающие на территории любого суверенного государства в определенный период времени, желают выйти из его состава, эти лица как правило являются неким этническим меньшинством на территории того государства, в котором они проживают, в масштабе международного права они являются национальным меньшинством. Следовательно, на лиц которые признаны национальным меньшинством, будет распространяться действие нормативно правовых актов международного уровня, к таким актам относится Декларации ООН 1992 года [5], в данной декларации закреплены права лиц отнесенных к национальному меньшинству. Следующим актом является Рамочная

Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 года [6], эта конвенция закрепляет обязанности по уважению и сохранению суверенности, целостности, а так же независимости государства.

Таким образом, международные акты устанавливают определенные правила поведения для лиц, желающих в одностороннем порядке отделиться от суверенного государства, такое отделение будет признанно незаконным, так как оно нарушает международные нормы.

Если же все-таки государственные образования отделились в нарушении норм международного права, то их признание другими государствами не возможно, так как большинство правовых государств мира придерживаются теории по непризнанию такого отделения. Государственное образование, которое изначально нарушает все основополагающие принцы и нормы международного права ставит себя в очень неблагоприятное положение, так как на самом зарождении своей государственности оно сделало себя незаконным, что и влечет к его непризнанности.

Проанализировав выше сказанное, приходим к выводу, что государственные образования, законно отделившиеся от суверенного государства, имеют право быть полностью признанными со стороны других суверенных государств, непризнание в качестве самостоятельных образований сильно ущемляет права лиц проживающих на их территории, такой подход недопустим для современного общества. Что касается государств, которые вышли из состава суверенного государства с нарушением международного права, признавать их полноправными участниками международных отношений не только неверно, а прежде всего незаконно. Таким образом, те государственные образования, которые отделяются в соответствии с международным законодательством имеют право быть и развиваться, рассчитывая на поддержу и защиту от других суверенных государств. Так же эти отделенные образования могут присоединиться к другому государству и соответственно развиваться в рамках этого государства. Непризнанные и незаконно отделенные государственные образования, как правило, не признаются другими суверенными государствами, это делает их обособленными от мирового сообщества, что,

в свою очередь, не дает свободно развиваться и существовать им как суверенное государство, все это очень сильно ущемляет права лиц проживающих на данной территории.

Список литературы

1. Большаков А. Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья. Международные процессы. Т. 5 «Интеграция и национальный интерес». 2007. № 3 (15).

2. Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже (Заключена в г. Женеве 21.04.1961) (вместе со «Статусом Европейской Конвенции о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 года)».

3. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1948-1991. Нью-Йорк. 1991. С. 214

4. Кудрявцева Л. В. Правовые меры привлечения высококвалифицированной рабочей силы в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья // Бизнес в законе. № 2. 2011. С. 158.

5. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (Принята 18.12.1992 Резолюцией 47/135 на 92-ом пленарном заседании 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

6. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS № 157 (Страсбург, 1 февраля 1995 г.).

УДК/UDC 343.35

Развитие системы коррупционных административных правонарушений

Мельник Александр Витальевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: alexmiller98@mail.ru

Чернов Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

В настоящее время коррупция — одна из наиболее распространенных негативных явлений, проявляющихся в разных формах. В связи с этим заметно развитие правового регулирования противодействия коррупции. В данной статье отмечаются недостатки на законодательном уровне регулирования системы коррупционных административных правонарушений. Авторы на основе нормативных актов выявили сущность коррупции через ее формы проявления. Выявлены коррупционные деяния как преступления и как административные правонарушения. Отмечено отсутствие четкого критерия наступления административной, гражданско-правовой, дисциплинарной, уголовной или иной ответственности. Проанализированы официальные данные о количестве административных правонарушений в области коррупции. Рассмотрен зарубежный опыт нормативного регулирования системы коррупционных административных правонарушений. В итоге предложено поддержать опыт зарубежных стран, выделяя отдельно соответствующую главу в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: коррупция, административные правонарушения, система коррупционных административных правонарушений, противодействие коррупции.

Development of the System of Corruption Administrative Offenses

Melnik Aleksander Vitalyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alexmiller98@mail.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

Currently, corruption is one of the most common negative phenomena manifested in different forms. In this connection, the development of legal regulation of anti-corruption is noticeable. This article highlights the shortcomings at the legislative level of regulation of the system of corruption administrative offenses. On the basis of normative acts, the authors revealed the essence of corruption through its forms of manifestation. Corruption acts as crimes and as administrative offenses are revealed. There is a lack of a clear criterion of administrative, civil, disciplinary, criminal or other liability. The official data on the number of administrative offenses in the field of corruption are analyzed. The foreign experience of normative regulation of the system of corruption administrative rights is considered. As a result, the authors propose to support the experience of foreign countries, highlighting separately the relevant Chapter in the Code of Administrative Offences.

Key words: corruption, administrative offenses, system of corruption administrative offenses, anti-corruption.

На протяжении всей российской, а также зарубежной истории вместе с развитием государства и права параллельно происходила и эволюция коррупции. На сегодняшний день данное явление можно выделить

как одно из наиболее массовых и опасных. Коррупция — разностороннее явление и может выражаться в самых различных формах.

В наше время коррупция оказывает негативные последствия на различные сферы жизни общества. Без установления достойного материального обеспечения искоренить такую проблему как взяточничество просто невозможно, даже несмотря на ужесточение карательных мер [1]. Таким образом, как и во многих других государствах, так и в Российской Федерации предпринимаются меры противодействия коррупционной деятельности.

На протяжении десяти лет в нашем государстве действует закон, принятый на федеральном уровне и регулирующий противодействие коррупции. Кроме этого, уголовным и административным законодательством также предусмотрена ответственность за отдельные виды деяний в сфере коррупции.

Однако несмотря на такое разностороннее регулирование этой категории, невозможно говорить об отсутствии пробелов в российском законодательстве по данному вопросу.

Закон о противодействии коррупции, как основной закон, регулирующий данный вопрос, упоминая понятие коррупции, не дает ей определенной характеристики, а лишь перечисляет деяния, которые следует считать коррупционными и противозаконными. Таким образом, мы имеем весьма узкое понятие, которое не позволяет охватить в полной мере коррупционные проявления.

Итак, коррупция выражается в:

— злоупотреблении служебным положением;
— дачи взятки;
— получении взятки;
— злоупотреблении полномочиями;
— коммерческом подкупе и т. д. [2]

Как уже упоминалось ранее, ответственность за коррупционные деяния регулируют также УК РФ и КоАП РФ.

УК РФ выделяет в особенной части следующие составы преступ-

лений, коррупционной направленности:

- злоупотребление полномочиями (ст. 201);
- коммерческий подкуп (ст. 204);
- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285);
- получение взятки (ст. 290);
- дача взятки (ст. 291) и т. д. [3]

КоАП РФ перечисляет такие коррупционные административные правонарушения:

- незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего, либо бывшего государственного или муниципального служащего;
- незаконное вознаграждение от имени юридического лица;
- подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах;
- нецелевое использование бюджетных средств;
- незаконное финансирование избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, кампании референдума, оказание запрещенной законом материальной поддержки, связанные с проведением выборов, референдума выполнение работ, оказание услуг, реализация товаров бесплатно или по необоснованно заниженным (завышенным) расценкам;
- незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума и т. д. [4]

Федеральный Закон «О противодействии коррупции» перечисляет виды ответственности за коррупционные правонарушения (ст. 13). Однако не существует конкретизации, за какие деяния наступает та или иная ответственность.

Число коррупционных административных правонарушений в сфере государственной власти, государственной службы, а также службы в органах местного самоуправления растет все больше с каждым годом. Об этом свидетельствуют официальные данные. Согласно данным официальной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации уже на протяжении пяти лет количество коррупционных деяний не уменьшается [5]. Большое количество административных правонарушений коррупционного характера связано с нарушением избирательных прав граждан, путем подкупа, а также с неправомерным распределением бюджетных средств и внебюджетных фондов и т. д. Также замечено преобладание коррупционных правонарушений на уровне местного самоуправления над федеральным (хотя и разница не велика).

Тем не менее в Российской Федерации отсутствует легальное определение коррупционных административных правонарушений. На данный момент данное понятие можно определить лишь с помощью научных трудов ученых. Итак, коррупционные административные правонарушения представляют собой административные правонарушения, обладающие признаками коррупции, но не содержащие в себе состава преступления [6].

Кроме того, на наш взгляд, следует поддержать вывод о спорности отнесения мелкого взяточничества и мелкого подкупа к преступлениям, так как данные правонапушения вполне могут дополнить перечень коррупционных административных правонарушений в действующем законе. Мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп в силу ряда факторов юридического характера (наименования, правовая природа данных деяний, законодательная техника и др.) обоснованно могли стать новыми мелкими административными правонарушениями, пограничными с соответствующими коррупционными преступлениями [7].

Обращаясь к зарубежному опыту, отметим отличие законов Российской Федерации и иных государств. Например, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях содержит отдельную главу «Административные коррупционные правонарушения» (гл. 34).

Данный закон хоть и не дает точного понятия данной категории, но позволяет четко определить те или иные составы коррупционными правонарушениями [8].

Делая шаг в развитии системы коррупционных правонарушений, в Российской Федерации следует юридически оформить данный институт, давая определенную характеристику и соответствующие признаки.

Также, возможно позаимствовать опыт других государств, с тем чтобы выделить в КоАП РФ отдельную главу «Административные правонарушения коррупционной направленности».

Такой путь позволит в некоторой степени положительно повлиять на попытки государства уменьшить количество правонарушений, связанных с коррупцией. Четко определенная система таких деяний даст более точное понимание при квалификации правонарушений.

Список литературы

1. Курдюк П. М. К вопросу о правовом регулировании борьбы с коррупцией на государственной службе по российскому законодательству // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 20–22.

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // URL: http://crimestat.ru (дата обращения: 28.09.18).

6. Поляков М. М. Коррупционные административные правонарушения: понятие, виды и содержание // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 8. С. 209–215.

7. Курдюк П. М., Чернов Ю. И. Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности? // Вестник Краснодарского Университета МВД России. 2018. № 1 (39). С. 11–16.

8. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2018).

УДК/UDC 347.77

Значение государственной регистрации программы для ЭВМ

Нетишинская Любовь Федоровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Оганезов Эдгар Маратович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: mark97ru@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрено положение Гражданского кодекса Российской Федерации о государственной регистрации такого особого объекта авторских прав как программа для ЭВМ. Определены основные этапы такой регистрации и детально изложено содержание каждого из таких этапов. Выделены основные проблемы в вопросах государственной регистрации программы для ЭВМ и предложены пути их разрешения. Предлагается усовершенствовать механизм проверки заявки на государственную регистрацию программы для ЭВМ. Произведена оценка практического применения нормы о государственной регистрации программы для ЭВМ и проиллюстрировано ее применение на практике. Выдвинуто предложение о закреплении за государственной регистрацией программы для ЭВМ факта возникновения интеллектуальных прав на такую программу. Проанализирована обоснованность и значимость государственной регистрации программы для ЭВМ.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, государственная регистрация, авторские права, правовое регулирование.

Importance of State Registration of a Computer Program

Netishinskaya Lyubov Fedorovna
Candidate of Law, assistant professor of the International Private and Business Law Department
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Oganezov Edgar Maratovich
student of the Faculty of Law Kuban
State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: mark97ru@mail.ru

Abstract

This article considers the provision of the Civil Code of the Russian Federation on the state registration of such a special object of copyrights as a computer program. The main stages of such registration are defined and the content of each of these stages is described in detail. The main problems in the field of state registration of a computer program have been singled out and ways of their resolution have been suggested. We suggest improving the procedure for checking the application for state registration of the computer program.The appraisal of the practical application of the norm on the state registration of the computer program is made and its application is illustrated in practice. A proposal was made to fix the fact of the intellectual rights to such a program for the state registration of the computer program. The validity and significance of the state registration of the computer program has been analyzed.

Key words: computer program, state registration, copyrights, legal regulation.

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации в качестве одного из результатов интеллектуальной деятельности и объектов авторских прав называет программы для электронных вычислительных машин (ЭВМ). Наличие в современном законодательстве положений, регулирующих отношения, связанные с созданием и использованием программы для ЭВМ очевидно, ведь такие программы являются основой

функционирования и развития различных устройств, без которых жизнь нынешнего человека представить сложно.

Среди иных объектов авторских прав, законодатель устанавливает особенность для программы для ЭВМ и баз данных, которая заключается в том, что эти объекты могут подлежать государственной регистрации.

Порядок государственной регистрации программы для ЭВМ изложен в статье 1262 ГК РФ и его можно охарактеризовать как процесс, состоящий из нескольких этапов.

На первом этапе правообладателю в течение срока действия исключительного права на программу для ЭВМ необходимо подать заявку на государственную регистрацию программы для ЭВМ, которая подается в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент). Важным элементом этой заявки являются депонируемые материалы, идентифицирующие программу. Такие материалы представляются в форме исходного текста (полного или фрагментов) или в иной форме, присущей языку программирования, на котором написана представленная на регистрацию программа для ЭВМ, в объеме, достаточном для ее идентификации и реферата [1].

Таким образом, законодатель создает опасность возникновения ситуации, когда два заявителя создали совершенно разные программы, но при этом депонируемые материалы, выраженные во фрагменте текста их программ, совпадают. Это может спровоцировать возникновение необоснованных споров, когда правообладатели предъявляют друг к другу претензии из-за совпадения фрагментов текста их программ, содержащихся в депонируемых материалах, а на самом деле оказывается, что программы совершенно разные, а совпадают лишь предъявленные при регистрации фрагменты. Поэтому мы считаем, что законодателю стоит четко обозначить объем исходного текста, который необходим для идентификации программы при регистрации, или это будет определенное количество страниц или исходный текст целиком.

На втором этапе Роспатент проверяет наличие необходимых до-

кументов и их соответствие всем правилам оформления. При этом мы можем заметить, что ни в ГК РФ, ни в иных законах и подзаконных актах нет положений о проверке Роспатентом содержания регистрируемой программы на предмет совпадения с ранее зарегистрированными программами. Это может привести к регистрации двух одинаковых программ разными правообладателями. Ввиду того, что государственная регистрация программы для ЭВМ не является обязательной и не порождает последствий относительно принадлежности интеллектуальных прав тому или иному лицу, то в проверке регистрируемых программ нет необходимости, но, тем не менее, такая проверка увеличила бы значимость данных норм для правоприменителя и позволила бы выявлять случаи нарушения прав на программу для ЭВМ.

При положительном результате проверки наступает третий этап, на котором Роспатент вносит программу для ЭВМ в Реестр программ для ЭВМ, выдает заявителю свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ и публикует сведения о зарегистрированной программе в официальный бюллетень. В связи с тем, что эти данные находятся в открытом доступе, закон не допускает государственную регистрацию программ для ЭВМ, содержащих сведения, составляющие государственную тайну.

Учитывая, что государственная регистрация программы для ЭВМ не является обязательной, при возникновении спора о принадлежности авторских прав на программу для ЭВМ суд не может устанавливать принадлежность прав на такую программу одной из сторон спора, только на основании наличия у нее свидетельства о регистрации программы для ЭВМ. Для наглядности можно привести пример, когда гражданин А написал программу для ЭВМ, его знакомый гражданин Б самовольно скопировал эту программу и в качестве правообладателя зарегистрировал ее в Роспатенте. При возникновении спора между А и Б о принадлежности прав на программу для ЭВМ, у гражданина Б будет весомое доказательство — свидетельство о регистрации программы для ЭВМ и сведения, внесенные в Реестр программ для ЭВМ, которые законом признаются

достоверными, если не доказано иное, но этого не будет достаточно для признания прав на программу за гражданином Б, однако и гражданину А, который на самом деле является автором этой программы, будет очень сложно доказать этот факт.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная регистрация программы для ЭВМ не влечет за собой последствий относительно принадлежности интеллектуальных прав на эту программу заявителю.

Последствием государственной регистрации программы для ЭВМ является изменение правового режима оборота исключительного права на такой объект авторских прав. Так, государственной регистрации подлежит переход исключительного права на зарегистрированную программу для ЭВМ к другому лицу по договору или без договора [2].

Важное разъяснение по этому вопросу дал Верховный суд Российской Федерации, указав в своем постановлении на то, что государственной регистрации подлежат только:

1) договоры об отчуждении исключительного права на зарегистрированную программу для ЭВМ или базу данных;
2) переход исключительного права на такую программу или базу данных к другим лицам без договора.

Другие договоры, в том числе лицензионные договоры о предоставлении права использования программы для ЭВМ или базы данных, государственной регистрации не подлежат [3].

Именно наличие этих положений делает необходимым усовершенствование процедуры проверки документов, предъявляемых при регистрации программы для ЭВМ. Неэффективность механизма такой проверки может привести к ситуации, когда одни и те же по содержанию программы зарегистрированы за разными правообладателями. В этом случае для добросовестного автора программы для ЭВМ возникает необходимость защищать свои интеллектуальные права на нее и требовать признания договора об отчуждении исключительного права на программу для ЭВМ, заключенного недобросовестным правообладателем, заре-

гистрировавшим такую программу в Роспатенте, недействительным.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на практике государственная регистрация программы для ЭВМ не влечет за собой каких-либо фундаментальных правовых последствий и способна породить много проблем, ввиду наличия существенных недостатков в сфере правового регулирования. Считаем необходимым или отказаться от такого института или в качестве исключения придать обязательный характер государственной регистрации программы для ЭВМ как особого объекта авторских прав и вместе с этим устранить недостатки законодательства в этой сфере, о которых было изложено выше.

Список литературы

1. Об утверждении Правил оформления заявки на государственную регистрацию программы для электронных вычислительных машин или базы данных, Правил составления документов, являющихся основанием для осуществления юридически значимых действий по государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных: Приказ Минэкономразвития России от 05.04.2016 № 211 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496.

3. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347.77

База данных как объект авторских прав

Олейников Андрей Алексеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: oleynikov322@gmail.com
SPIN-код:4105-3936

Аннотация

В данной статье уделяется внимание одному из самых неоднозначных объектов авторского права — базе данных. Огромное количество нормативно-правовых актов только усложняет регулирование охраны прав авторов баз данных. Рассматриваются нормативно-правые акты, включающие в себя положения о данном объекте авторских прав, а также проблемы, которые возникают на практике в защите авторов базы данных. Однако это способствует быстрым темпам роста количества баз данных в различных сферах общественной жизни, ведь они представляют собой как обычные телефонные справочники, так и базы, обеспечивающие градостроительную деятельность. Возможно, что именно это позволяет облегчить деятельность физических и юридических лиц в той или иной сфере. Также, подтверждается и невозможность существования базы данных без программы для ЭВМ.

Ключевые слова: база данных, авторское право, программа ЭВМ, законодательство в области защиты авторского права.

Database as an Object of Copyright

Oleynikov Andrey Alekseyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
e-mail: oleynikov322@gmail.com
SPIN Code: 4105-3936

Abstract

This article focuses on one of the most controversial objects of copyright the database. The huge number of regulatory legal acts only complicates the regulation of the protection of the rights of database authors. Regulatory and legal acts are considered, which include provisions on this object of copyright, as well as problems that arise in practice in protecting the authors of the database. However, this contributes to the rapid growth in the number of databases in various spheres of public life, because they are both ordinary telephone directories and databases that provide urban planning activities. It is possible that this is exactly what makes it possible to facilitate the activities of individuals and legal entities in a particular area. Also, confirmed the impossibility of the existence of a database without a computer program.

Key words: database, copyright, computer program, legislation in the field of copyright protection.

База данных способствуют доступу граждан к информации, развивают информационной общество и рынок, представляют из себя такой результат творчества, который вбирает в себя результат затрат трудовых и финансовых ресурсов, которые чаще всего выражаются в систематизации полученных данных в виде программы для работы с ними на ЭВМ, созданием которых занимаются уже другие субъекты, ведь практика показывает, что субъекты, которые занимаются сбором и систематизацией данных, как правило, редко сами пишут программы для ЭВМ.

Любому объекту авторского права присущ творческий характер, который всегда презюмируется, а значит, доказать его отсутствие можно только обратившись в органы судебной власти. Это правило распространяется и на базы данных. Закон раскрывает, что сущность творческой деятельности создателя баз данных состоит в правильной подборке и размещении информации. Именно об этих объектах мы поговорим ниже [1].

В отечественном законодательстве понятие «база данных» появилось относительно недавно, но обусловлено это не тем, что законодатель «отстает» от развития технического прогресса, а потому что сами базы

данных в привычном на сегодняшний день виде появились примерно в это время. Впервые рассматриваемое нами понятие появилось в отечественном законодательстве в разделе IV Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года, конкретно — в статье 134 «Произведения, на которые распространяется авторское право». В ней база данных причисляется к объектам авторского права [2].

Согласно п. 2 ст.1260 ГК РФ [3] базы данных представляют собой один из видов составных произведений. Дача законодателем именно такого определения непосредственно связана с положениями Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений [4], в частности, ст. 2, которая признает составные произведения в качестве объекта охраны своими положениями. Необходимо сослаться и на соглашение о ТРИПС, ст. 10 которого признает «компиляцию данных или иных материалов, как в машиночитаемой, так и в другой форме, которые по причине отбора или расположения их содержания представляют результат творчества» как охраняемый своими положениями объект.

Опираясь на описанное нами выше легальное определение базы данных из п. 2 ст.1260 ГК РФ можно выделить несколько основных признаков данной разновидности объекта авторских прав:

— Систематизация — определенная последовательность расположения материалов.
— Совокупность — материалы могут браться из любых открытых источников, в том числе защищенных авторским правом, так как посредствам компиляции образуется новый объект из уже имеющихся материалов, таких как изображения, контакты и справочные сведения, а также практический любой мультимедийный, визуальный и аудиоконтент.
— Техническая возможность работы с базой данных с помощью ЭВМ. Следует отметить, что базы данных, работа которых обеспечивается ЭВМ, охраняются уже как самостоятельные объекты, которые отдельно от баз данных защищаются правом.

Учитывая, что база данных не может существовать отдельно от

ЭВМ, так как представляет собой файловую систему, которая воспринимается ЭВМ, написана на различных программных языках, а работа представляет определенный алгоритм файлов, их организации, хранения, обработки и вывода, можно сделать вывод о том, что база данных не может существовать отдельно от этих самых ЭВМ.

Возвращаясь к легальному определению базы данных как объекта авторских прав, отметим, что авторской деятельностью, способствующей появлению нового объекта, является процесс подбора, систематизации и расположения материалов в порядке, согласно с авторским видением, ведь только при соблюдении данных условий на базу данных будет распространятся режим авторского права.

По нашему мнению, творческой деятельность по созданию базы данных можно назвать и потому, что охраняется любая база данных, признанная таковой и имеющая перечисленные признаки, независимо от ее наполнения, достоверности и назначения данных, которые в ней представлены. Охраноспособной она будет считаться и несмотря на наличие баз данных с аналогичным наполнением, направлением деятельности, которой способствуют эти базы, а также востребованности. Признание охраноспособности базы данных как объекта авторских прав еще не означает, что сама по себе она имеет какую-то коммерческую ценность или может быть использована для извлечения прибыли.

Составные части базы данных имеют значение и в отрыве от нее самой, представляя вместе сложный состав самостоятельных материалов. Соответственно, эти материалы могут являться объектами авторских прав и для распоряжения отдельными элементами требуется наличие прав на эти объекты, но на все, так как входить в базы могут и материалы, которые самостоятельными объектами авторских прав в отрыве не являются. Материалы, которые содержатся в базе данных, практически попадают под действие различных правовых режимов. В качестве объектов охраны в составе рассматриваемого объекта авторских прав выделяются: программы управления базами данных, сами данные, структуры расположения данных в памяти ЭВМ, а также программы,

управляющие формированием новых баз данных из существующих по необходимым критериям, заданным в самой программе. Но не стоит забывать, что юридическая судьба прав на саму базу данных в целом не зависит от прав на отдельные материалы, входящие в ее состав, так как прекращение прав на одну или несколько ее составных частей не влечет за собой прекращения прав на саму базу данных, но отметим, что обладатель исключительного права на базу при ее использовании должен соблюдать права лиц, которым принадлежат права на составляющие материалы.

Отметим, что даже расположение и подбор материалов в базе данных охраняется авторским правом, так как автор, создавая данный объект авторских прав отбирает строго определенные по личным убеждениям материалы в зависимости от специфики и назначения готового объекта. Также материалы выбираются в особом количестве, определяемом автором, но сложность может возникнуть из-за добавляемых во время эксплуатации уже действующего охраняемого описываемого нами объекта авторских прав. В перечисленных особенностях и заключается оригинальность создаваемого объекта и творческий характер деятельности автора составного произведения.

Таким образом, на данный момент правовой режим баз данных в том виде, в котором мы их имеем на современном этапе, несовершенен и это приводит к тому, что, с одной стороны, в какой-то степени ущемляет права авторов баз данных, но при этом, в случае случайных совпадений в составляющих самих баз, ответственность авторы не понесут, да и сами совпадения не проявятся в такой мере, чтобы как-то нарушить чужие права. Но, с другой стороны, можно отметить простор для составителей баз данных и авторов программ управления базами данных и авторов программ для ЭВМ, которые воплощают эти базы данных уже в качестве готовых программ, в конечном виде доступных пользователям для облегчения выполняемых ими задач в различных сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. База данных как объект авторских и смежных прав // URL: http://copylegal.ru/avtorskoe-pravo/baza-dannyx-kak-obekt-avtorskix-i-smezhnyx-prav.

2. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 ; 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (дополненная в Париже 4 мая 1896 г., пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 г., дополненная в Берне 20 марта 1914 г. и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 г., в Брюсселе 26 июня 1948 г., в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Париже 24 июля 1971 г., измененная 2 октября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. № 9. 2003.

УДК/UDC 349.412.22

Особенности предоставления земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности

Пенькова Алла Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: alla19penkova@mail.ru

Аннотация

Процесс предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности не является новым: он зародился еще в 90-х годах XX века. Несмотря на то что существует он уже более двадцати лет в законодательстве все же существуют пробелы, касающиеся данного института. В 2014 году в Земельный кодекс РФ были внесены серьезные изменения, непосредственно затрагивающие института предоставления. В данной статье рассматриваются особенности предоставления земельных участков сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Обозначены основные изменения в этой области, произошедшие после Земельной реформы в 2014 году. Выявлены некоторые недостатки, касающиеся предоставления земель сельскохозяйственного назначения. В статье рассматриваются также основные пути решения, выявленных проблем.

Ключевые слова: земельная реформа, предоставление, земельные участки, земли сельскохозяйственного назначения, торги.

Features of Granting of Agricultural Lands in State or Municipal Ownership

Penkova Alla Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alla19penkova@mail.ru

Abstract

Process of granting the land plots which are in the state or municipal ownership isn't new. It originated in the 90s of the twentieth century. In spite of the fact that it exists for more than twenty years in the legislation there are gaps concerning this institution. In 2014 the Land Code of the Russian Federation was amended which directly affects the institution of granting. In this article features of granting the agricultural land plots in the state or municipal ownership are considered. The main changes in this area which took place after the Land reform of 2014 are outlined. Some shortcomings in agricultural purpose lands granting are revealed. The article considers the main solutions of the revealed problems as well.

Key words: land reform, granting, land plots, earth of agricultural purpose, auction.

В 2014 году произошло внесение изменений в земельное законодательство РФ в части института предоставления находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков. Правовое закрепление главы 51 ЗК РФ обусловило утрату силы ранее действующих статей и усовершенствовало процедуру предоставления земельных участков. Был сформирован принцип, в соответствии с которым первоначально осуществляется планирование использования территории, а затем уже осуществляется передача земельного участка, а не в противоположном порядке, как это было до внесения изменений.

В связи с масштабными изменениями были исключены ст. 81, 82 ЗК РФ, которые прямо регулировали порядок предоставления земельного участка сельскохозяйственного назначения [1]. Указанные статьи

преимущественно были отсылочными к статьям 28, 29, 33, 34 ЗК РФ, которые также утратили силу в 2014 году.

Ст. 10 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ указывает, что предоставление земельных участков, принадлежащих органам государственной власти или органам местного самоуправления, в собственность или в аренду гражданам и юридическим лицам возможно на возмездной и безвозмездной основе [2].

В соответствии с положениями данной статьи указывается субъектный состав и условия предоставления земельного участка в собственность или в аренду без проведения торгов. Аналогичное положение отражается в ст. 39.3, 39.6 ЗК РФ.

Так, например, в соответствии с пп. 8 ч. 2 ст. 39.3 ЗК РФ земельные участки могут предоставляться крестьянскому (фермерскому) хозяйству или сельскохозяйственной организации в собственность без проведения торгов.

Процесс передачи земельных участков без проведения торгов — это самый простой способ передачи земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения в собственность или в аренду.

Случаи приобретения земельного участка без проведения торгов не исключают и проведение в конечном счете торгов. Так, если есть заинтересованные в приобретении прав на испрашиваемый земельный участок лица, то проведение торгов осуществляется. Это мы можем понять из анализа статьи 39.18 ЗК РФ. При этом особенностью будет являться то, что торги могут проводиться в данном случае исключительно между фермерами.

Также ЗК РФ предусматривает и случаи предоставления земельного участка бесплатно на праве постоянного (бессрочного) пользования религиозной организации. При этом этот земельный участок должен быть предназначен для сельскохозяйственного производства. Но эти случаи должны быть закреплены в законах субъекта РФ (п.8 ч. 1 ст. 39.5).

Если рассматривать саму процедуру предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собствен-

ности, то она едина для всех категорий земель.

Изменения, закрепленные в ЗК РФ в 2014 году, намного лучше регулируют отношения по предоставлению земельных участков, нежели это было до внесения изменений. Так, с введением статьи 5.1 расширилась сфера предоставления государственных и муниципальных земельных участков на праве безвозмездного пользования; были систематизированы случаи передачи земельных участков в собственность или в аренду без проведения торгов (ст. 39.3,ст. 39.6 ЗК РФ); в отдельной статье устанавливается исчерпывающий перечень оснований, влекущих отказ в предоставлении земельных участков. Эти и многие другие положения оказали благоприятное воздействие на развитие института предоставления земельных участков, которые находятся в государственной или муниципальной собственности.

ГК РФ закрепляет две формы проведения торгов — аукцион и конкурс [3]. В ЗК РФ закреплен аукцион. На наш взгляд данная позиция неверна, поскольку в отношении земель сельскохозяйственного назначения. Так как в силу специфики данной категории земель торги должны осуществляться только в форме конкурса.

На основании данного анализа, мы можем сделать вывод о том, что земельная реформа 2014 года оказала большое развитие в области предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в том числе и для земель сельскохозяйственного назначения. ЗК РФ, после изменений достаточно систематизировался и урегулировал большинство проблем в области предоставления земельных участков.

Стоит отметить и то, что «Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ № 101-ФЗ является примером закона, имеющего межотраслевое, комплексное значение» [4]. Так, по нашему мнению, неправильным остается положение о том, что большинство земельных участков предоставляются с проведением торгов. Как мы уже отмечали, исключения закреплены в законе, но в условиях конкуренции эти исключения отпадают. Но не стоит забывать и о Приказе Минэкономразвития России «Об утверждении

перечня документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов», который гарантирует преимущественное право на приобретение земельного участка без проведения торгов [5].

Также еще одним минусом остается закрепление в ЗК РФ только одной формы проведения торгов — аукциона. Проведение торгов в форме конкурса наиболее контролируемо и справедливо как для государства, так и для самих граждан, которые желают приобрести земельный участок.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

2. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Гряда Э. А. К вопросу об обороте земельных участков и долей в праве на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения // Власть Закона. 2010. № 2 (2). С. 73–86.

5. Об утверждении перечня документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов: Приказ Минэкономразвития России от 12.01.2015 № 1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

УДК/UDC 341.922

К вопросу о заключении брака с участием иностранного элемента

Плаксина Виктория Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: narutovika97@mail.ru

Салтыков Никита Андреевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nikita12654@mail.ru

Аннотация

Актуальность данной работы связана с тем, что брак перестает иметь национальные черты, все больше и больше появляются межнациональные семьи. Выделение некоторыми учеными такой отрасли как международное семейное право говорит о бурном темпе развития брака с участием иностранного элемента. В связи с чем возникает необходимость совершенствования правового регулирования в данной сфере. В данной статье рассмотрено современное состояние правового регулирования брачных отношений, которые осложнены иностранными гражданами и лицами без гражданства. Изучена нормативная база, как отечественного законодательства, так и нормы международного частного права. Изучив все условия и особенности вступления в брак с иностранными элементами, выявлены проблемные моменты брачных отношений.

Ключевые слова: международное частное право, семейное право, коллизионные привязки, брак, заключение брака, условия заключения брака, формы, порядок.

On the Marriage with a Foreign Element

Plaksina Victoria Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: narutovika97@mail.ru

Saltykov Nikita Andreevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nikita12654@mail.ru

Abstract

The relevance of this work is related to the fact that marriage ceases to have national traits, and interethnic families appear increasingly. Separation by some scholars of such a branch as international family law indicates a rapid pace of development of marriage with the participation of a foreign element. In this connection, there is a need to improve the legal regulation in this area. This article discusses the current state of legal regulation of marital relations complicated by foreign citizens and stateless persons. The legal and regulatory framework was studied of both domestic legislation and the rules of international private law. Having studied all the conditions and peculiarities of entering into marriage with foreign elements, there were revealed the problematic aspects of marital relations.

Key words: private international law, family law, conflict linkages, marital union, marriage, conditions of marriage, forms, order.

В последнее время в связи с глобализацией участились случаи заключения и расторжение брака с иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Следуя мировой тенденции, российские граждане также вступают в брак, при этом зачастую не задумываются о возможных правовых коллизиях семейного законодательства различных стран. В последнее десятилетие примерно каждый пятый российский гражданин вступает в

брак с иностранным лицом и лицом без гражданства [1].

В сфере международного семейного права зачастую возникают проблемы множественности коллизионных привязок. В науке выделяют следующие виды коллизионных привязок установления права необходимого применению в брачных отношениях:

— личный закон супругов;
— закон места заключения брака;
— личный закон ребенка;
— закон компетентности учреждения;
— закон страны совместного проживания супругов;
— закон места заключения брачного договора.

В законодательстве большинства стран, в том числе и России, определение брака отсутствует, однако в доктрине используется понятие брака, как юридически оформленный, добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и предполагающий совместное жительство с ведением общего хозяйства.

Выделяют различный порядок и форму заключения брака. Существуют следующие формы — гражданская, религиозная, альтернативно или гражданская или религиозная, и одновременно гражданская и религиозная. Так, например, Израиль может признать лишь тот брак действительным, который был заключен по иудаистскому религиозному обряду.

Правовое регулирование брака с участием иностранного элемента одновременно связаны с двумя правовыми системами, которые поразному регулируют порядок, форму, условия вступления в брак. В связи с этим одно государство может признать вступление в брак как юридический факт, а другое признать брак недействительным, например, в связи с не достижением допустимого возраста.

Так, в Эквадоре в брак можно вступать с 12 лет для девушек, а для мужчин с 14 лет при наличии согласия родителей, в то время как в России вступление брак до достижения возраста 16 лет, возможно лишь в порядке исключения при наличии особых обстоятельств, установленных

законом субъекта (ст. 13 СК РФ) [2].

Для преодоления указанной проблемы была принята Конвенция о заключении и признании действительности браков 1978 года [3]. Данная конвенция предусматривает применение личного закона обоих супругов в отношении условий брака и применение закона места заключения брака для формы и порядка. Однако не все государства присоединились к данной конвенции, т. к. не признают брак заключенный за границей.

В Российском законодательстве брачно-семейные отношения с участием иностранных граждан содержаться в VII разделе СК РФ. Ст. 156 СК РФ регламентирует вопросы заключения брака на территории РФ, для этого устанавливаются следующие факультативные условия:

1) В РФ могут быть зарегистрированы только моногамные браки. В таких странах, как Алжир, Египет и т. д., разрешено иметь несколько жен, поэтому нужно проверять есть ли у гражданина данных государств на родине еще супруги. Если есть, то он не сможет на территории России взять в жены гражданку РФ.
2) Брак заключается по российскому законодательству в органах записи актов гражданского состояния.
3) Помимо требований, указанных в ст. 14 СК РФ, должны быть соблюдены условия вступления в брак той страны, гражданином которой является иностранное лицо. Для этого необходимо будет в органах ЗАГСа подтвердить, что все нормы его родины соблюдены. Так, например, в Японии для заключения брака необходимо согласие родителей, если брачующийся не достиг 20 лет. При наличии у лица помимо гражданства иностранного государства, гражданства Российской Федерации будет применяться российское законодательство. При наличии нескольких гражданств иностранное лицо вправе выбрать, по какому законодательству этих государств следовать.
4) В РФ могут быть зарегистрированы только моногамные браки. В таких странах, как Алжир, Египет и т. д., разрешено иметь несколько жен, поэтому нужно проверять есть ли у гражданина

данных государств на родине еще супруги. Если есть, то он не сможет на территории России взять в жены гражданку РФ.

Вопросы заключения брака за пределами РФ содержатся в ст. 157, 158 СК РФ. Допускается заключение брака между гражданами РФ за пределами России в дипломатическом представительстве и в консульском учреждении, а также в компетентных органах иностранного государства.

Условием действительности брака заключенного за пределами РФ является соблюдение условий ст. 14 СК РФ, поэтому брак, заключенный в форме религиозного обряда, в странах, где такой обряд имеет юридическую силу, будет действителен и на территории РФ. Таким образом, при заключении брака за пределами РФ порядок и форма будут определятся по законодательству иностранного государства.

В российском законодательстве предоставлены различные варианты выбора применимого права по вопросам заключения брака [4]. Из-за того, что данные отношения осложнены иностранным элементом, необходимо досконально изучать международные договоры, регулирующие брачные отношения с иностранным участием [5].

Так, например, таким региональным договором является Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [6], в которой страны СНГ разрешили ряд вопросов касаемо семейных правоотношений. Другим примером является «Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков» [7].

Помимо многосторонних соглашений, РФ имеет также ряд международных договоров о правовой помощи. Однако многие страны не являются участниками международных договоров и соглашений, придерживаясь консервативных взглядов бракосочетания. По нашему мнению для упрощения процедуры заключения брака необходимо расширить круг стран, с которыми нужно заключить соглашение по семейным правоотношениям.

Также необходимо унифицировать нормы в сфере семейных от-

ношений и для этого нужно создать единый документ, который будет направлен на разъяснение и применение специально разработанных коллизионных правил для всех существующих систем права или совершенствовать положения Семейного кодекса, рассчитанных на регламентацию отношений с участием иностранного элемента.

Список литературы

1. Остапенко А. Г., Аристова С. А. Брак с иностранцем: современное состояние правового регулирования // Молодой ученый. № 28 (132). Декабрь 2016.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Конвенция о заключении и признании действительности браков (Заключена в г. Гааге 14.03.1978) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Кудрявцева Л. В., Кудялова Н. И. Коллизионные проблемы семейного права в современном международном частном праве // Актуальные проблемы современности № 4 (18). С. 48–53.

5. Глинщикова Т. В., Костенко О. С. Перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере трансграничных семейных отношений» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 4 (24). С. 342–345.

6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // Бюллетень международных договоров. № 2. 1995.

7. Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (Заключена в г. Нью-Йорке 10.12.1962) // Международное частное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 667–669.

УДК/UDC 347

К вопросу о правовом положении организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими правами

Прокопенко Анастасия Викторовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nasteaprokopenko@mail.com

Аннотация

Статья посвящена правовому положению организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими правами в России. В работе рассматриваются проблемы правового регулирования статуса данных организаций, а также предложены пути устранения имеющихся недостатков в правовой регуляции статуса организаций по коллективному управления авторскими правами. Автор приходит к выводу, что сами правообладатели должны контролировать выполнение организациями по управлению правами на коллективной основе своих обязанностей перед ними, учитывая, что одной из обязанностей является предоставление правообладателям отчета, содержащего сведения об использовании его прав, в том числе о размере собранного вознаграждения и об удержанных из него суммах.

Ключевые слова: некоммерческая организация, коллективное управление авторскими правами, правовое положение.

On the Issue of Legal Regulation of the Status of the Organizations Exercising Collective Management of Copyright

Prokopenko Anastasiya Viktorovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nasteaprokopenko@mail.com

Abstract

The article is devoted to the legal status of organizations exercising collective management of copyright in Russia. The paper discusses the problems of legal regulation of the status of these organizations, as well as suggests ways to eliminate the existing shortcomings in the legal regulation of the status of organizations for collective management of copyright. The author concludes that the right holders themselves should monitor the performance of rights management organizations on a collective basis of their obligations to them, given that one of the duties is to provide the right holders with a report containing information on the use of his rights, including the amount of the remuneration collected and withheld from it amounts.

Key words: non-profit organization, collective management of copyright, legal status.

Законодательством РФ предусмотрено правовое регулирование положения специализированных организации, которые осуществляют коллективное управление авторскими и смежными правами. Данные организации создаются в случаях, когда осуществление в индивидуальном порядке авторских и смежных прав затруднено [1].

Эти организации являются некоммерческими, на которые возлагается управление соответствующими правами на коллективной основе. С помощью государственной аккредитации организации могут коллективно управлять даже теми правами, которые не переданы правообладателями.

Самые масштабные и многочисленные организации, которые осу-

ществляют коллективное управление авторскими правами являются РАО [2], ВОИС [3] и (РСП) [4], некоммерческое партнерство «УПРАВИС» и другие, их правовое положение определяется ГК РФ, ФЗ «О некоммерческих организациях» [5] и их уставами.

Анализ законодательных положений, регулирующих правовое положение организаций по управлению авторскими правами на коллективной основе, показал, что они существуют в двух организационно-правовых формах — это общественная организация и ассоциация (союз) в форме некоммерческого партнерства. Правовой статус ассоциации (союза) в форме некоммерческого партнерства и общественных организаций регулируется ГК РФ, Федеральными законами «Об общественных объединениях» [6] и «О некоммерческих организациях».

Исходя из анализа положений, установленных вышеуказанными нормативно-правовыми актами, можно сделать следующие выводы:

1) членами общественной организации могут быть только граждане, в отличие от некоммерческих партнерств, где их членами наряду с гражданами выступают и юридические лица.
2) участники-члены общественных организаций не отвечают по обязательствам организации, в которой участвуют в качестве членов; а члены некоммерческих партнерств не отвечают по обязательствам партнерства, за исключением случаев, когда законом предусмотрена субсидиарная ответственность членов некоммерческих партнерств;
3) существенным отличием в рассматриваемых организационно-правовых формах некоммерческих организаций является права членов в случае ликвидации (члены некоммерческого партнерства в случае его ликвидации имеют право на получение части имущества партнерства, оставшегося после расчетов с кредиторами).

Из вышеизложенного следует, что организации, осуществляющие коллективное управление авторскими правами, имеют своей главной целью помощь обладателям авторских и иных смежных прав в осуществ-

лении их правомочий, защите их прав, а не извлечение прибыли (к тому же, такие организации учреждаются этими же лицами), то законодателю следует указать, что организации по коллективному управлению авторскими правами могут создаваться в организационно-правовой форме общественных организаций, поскольку цели общественных организаций полностью совпадают и оправдывают цели создания организаций по коллективному управлению авторскими и иными смежными правами. В случае ликвидации общественной организации, оставшиеся средства после расчетов пойдут на цели, предусмотренные ее уставом либо на те, которые определит съезд, тем самым мы наиболее всесторонне и полно поможем авторам в осуществлении их прав. Кроме того, собранные с пользователей средства должны быть перечислены авторам, за исключением расходов по сбору и выплате вознаграждения правообладателям. Но размер такой комиссии не регулируется федеральным законодательством, а определяется уставами организаций и, как правило, пользователи на размер комиссии повлиять не могут.

В соответствии с п. 5 ст. 1244 ГК РФ на аккредитованные организации по управлению правами на коллективной основе возложена обязанность принимать лишь разумные и достаточные меры по установлению лиц, имеющих право на вознаграждение. Понятие «достаточные и разумные меры» не содержится ни в одном нормативном акте, организация фактически сама определяет пригодную степень разумности и достаточности мер для поиска правообладателей. Сбор вознаграждения с пользователей осуществляется на основе договора и это не является затруднительным для организации. Фактически найти правообладателя до того момента, пока последним не будет лично заявлено о себе, сложнее собора вознаграждения с пользователя. В следствие разница между собранным и распределенным вознаграждением можем составлять сотни миллионов рублей, остающихся на счетах организаций по управлению правами на коллективной основе. Организации самостоятельно определяют границы удерживаемых сумм, каких-либо процентных ограничений в законах не установлено. В связи с этим считаем необходимым обратить особое вни-

мание на обязанности организаций по управлению авторскими правами на коллективной основе, указанные в ст. 1243 ГК РФ. Из перечисленного можно сделать вывод о том, что, в первую очередь, сами правообладатели должны контролировать выполнение организациями по управлению правами на коллективной основе своих обязанностей перед ними, учитывая, что одной из обязанностей является предоставление правообладателям отчета, содержащего сведения об использовании его прав, в том числе о размере собранного вознаграждения и об удержанных из него суммах.

Список литературы

1.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

2.Устав Общероссийской общественной организации «Российское Авторское Общество» от 12.08.1993 // URL: http://www.rao.ru/newdocs/Ustav_2018.pdf.

3.Устав общероссийской общественной организации «Общество по коллективному управлению смежными правами «Всероссийская Организация Интеллектуальной Собственности» от 09.04.2008 // URL: http://www.rosvois.ru/charter.

4.Устав общероссийской общественной организации «Российский Союз Правообладателей» от 13.11.2009 // URL: http://www.rp-union.ru/rsp-ustav.

5.О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.1996. № 3. Ст. 145.

6.Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.

УДК/UDC 347.1

Сравнительный анализ условий действительности сделок в России, Франции и Германии

Самсонов Сергей Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: s-samsonof@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу условий действительности сделок в российском, французском и немецком законодательствах, сделанному на основе сравнения положений основных кодифицированных гражданско-правовых актов указанных выше стран. Условия действительности сделок играют важную роль в праве, учитывая, что одним из ключевых институтов в гражданском праве является институт сделок, который имеет существенное значение как для частных лиц, предоставляя им возможность совершать для своей выгоды различные действия, так и для государства, которое также выступает в гражданских правоотношениях и контролирует соблюдение прав и законных интересов участников гражданского оборота, Рассматриваются сходства и различия законодательства каждой из указанных выше стран. В статье выделяются преимущества и недостатки Гражданского кодекса Российской Федерации перед зарубежными кодифицированными актами, содержатся предложения по улучшению российского законодательства.

Ключевые слова: условия действительности сделок, сравнительный анализ законодательств, гражданское право, кодифицированные акты, Гражданский кодекс Российской Федерации, Французский гражданский кодекс, Германское гражданское уложение.

Comparative Analysis of Transactions Validity Conditions in Russia, France and Germany

Samsonov Sergey Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: s-samsonof@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of the conditions of transactions validity in the Russian, French and German legislation, based on a comparison of the provisions of the main codified civil acts of the above mentioned countries. Conditions of transactions validity play an important role in the law, given that one of the key institutions in civil law is the institution of transactions, which is essential for both the individuals, giving them the opportunity to perform various actions for their own benefit, and the state, which also acts in civil relations and monitors the observance of the rights and legitimate interests of participants in civil relations. The similarities and differences in the legislation of each of the above mentioned countries have been investigated. The article notes the advantages and disadvantages of the Civil Code of the Russian Federation over foreign codified acts and contains proposals to improve the Russian legislation

Key words: conditions of transactions validity, comparative analysis of legislation, civil law, codified acts, Civil Code of the Russian Federation, French Civil Code, German Civil Code.

Для заключения договоров необходимо выполнение установленных законом условий, о которых необходимо знать всем участникам сделок. И, соответственно, от того, каковы эти условия, насколько детально они регламентированы в законе, зависит эффективность деятельности и благополучие участников гражданского оборота. Поэтому не стоит отбрасывать идеи о возможности улучшения отдельных аспектов, касающихся условий действительности сделок. Достигнуть данной цели можно, в том числе, с помощью сравнительного анализа условий действительности сделки, указанных в основных законах о гражданском праве РФ и

других стран.

Следует рассмотреть законодательства Франции, Германии, поскольку вышеперечисленные государства являются частью континентальной правовой семьи, к которой относится и правовая система РФ. Общность основных принципов создания, толкования, исполнения норм права дают основания считать правовые нормы законодательств вышеуказанных стран схожими и более пригодными к сравнению, чем нормы тех стран, которые относятся к англосаксонской правовой семье.

Но перед этим необходимо дать определение действительности сделок. По нашему мнению, наиболее подходящим является определение Е. А. Суханова: «действительность сделки означает признание за ней качеств юридического факта, порождающего тот правовой результат, к которому стремились субъекты сделки» [1].

Также этот автор указывает на условия действительности сделок, имеющиеся в российском законодательстве: законность содержания сделки, способность будущих сторон сделки к ее совершению, соответствие воли и волеизъявления, соблюдение формы сделки.

Стоит перейти к сравнению ГК РФ [2] и Французского гражданского кодекса (далее — ФГК). В ФГК есть отдельная статья, в которой собраны условия, при соблюдении которых сделка будет считаться действительной. Таковыми, согласно ст. 1108 ФГК, признаются: согласие стороны, принимающей на себя обязательство, юридическая способность стороны заключить соглашение, наличие определенного предмета, составляющего содержание обязательства, наличие законного основания в обязательстве [3]. В российском законодательстве такие условия тоже указаны, но в различных статьях параграф 1 гл. 9 ГК РФ. Почему российский законодатель не поставил четкие условия действительности сделок в одной статье, остается неизвестным.

В целом, условия действительности сделок в России и во Франции схожи независимо от перевода с французского языка текста ФГК. Очень похожи условия о способности сторон к заключению сделок в российском и во французском законодательствах, поскольку в обоих случаях имеют-

ся практически одинаковые запреты для определенных лиц заключать сделки. Существует немало точек соприкосновения и в условиях о законности совершаемых сторонами сделки действий, о воле и волеизъявлении сторон, о получении согласия лиц на совершение сделки.

Однако имеются и серьезные отличия. Например, в ФГК не обозначено такое условие действительности сделки, как соблюдение ее формы, в то время как российское законодательство прямо указывает на необходимость соблюдения формы сделки как на условие действительности (ст. 158 ГК РФ) и на недействительность сделки как на последствие несоблюдения этого условия (п. 2 статьи 162, п. 2 и 3 статьи 163 ГК РФ).

Также в ФГК предусмотрены такие условия действительности сделки как наличие определенного предмета, составляющего основу обязательства, и законное основание обязательства в то время как в ГК РФ предусмотрено условие о законности содержания сделки. Таким образом, два условия в ФГК находят свое отражение в виде одного целостного условия в ГК РФ. По словам Е. В. Вершининой, это объясняется тем, что ФГК, по сути, устанавливает возможность совершения лишь каузальных сделок, имеющих четкую правовую цель и четкое правовое основание, поэтому условия о предмете (или цели) сделок и о законном основании сделок разграничиваются [4]. ГК РФ отталкивается от возможности совершения как каузальных, так и абстрактных сделок, поэтому в нем сказано лишь о законности всего соглашения в целом.

Стоит сказать о некоторых важных нюансах ФГК относительно юридической способности лица заключать сделки. Одним из них является правило статьи 1125-1 ФГК, согласно которому лица, исполняющие обязанности или занимающие должность в учреждении для престарелых или в психиатрическом лечебном учреждении не вправе заключать сделки с лицами, находящимися под присмотром в этих учреждениях. Запрет касается сделок, в которых предметом выступает имущество этих лиц, а также права на это имущество, и распространяется на всех родственников лиц, которым адресован запрет.

Конечно, с одной стороны, существенно ограничивается возмож-

ность заключения сделок для лиц, которые не являются недееспособными. Но с другой стороны, не стоит забывать, что людей в пожилом возрасте не так сложно обмануть, как более молодых. Доказать по каким — либо другим основаниям недействительность сделки будет достаточно трудно. На основании вышесказанного предполагается полезным введение похожего правила и в ГК РФ.

Стоит перейти к сравнению условий действительности сделки в ГК РФ и в Германском Гражданском Уложении (далее — ГГУ). В ГГУ таковыми являются: законность основания договоров, так как договоры, прямо нарушающие какие-либо предписания закона, признаются ничтожными (параграф 309 ГГУ), дееспособность сторон договора, (параграф 104 ГГУ), наличие волеизъявления сторон, точнее, внешнего выражения их воли, соблюдение формы сделки (параграф 125 ГГУ), соблюдение правил общественной нравственности, поскольку сделки, нарушающие правила общественной нравственности, являются ничтожными (параграф 138 ГГУ) [5]. ГГУ допускает корректировку принципа свободы договора с помощью уже упомянутых выше социально-этических критериев «доброй совести», «добрых нравов». В российском законодательстве, очевидно, этот термин заменен понятием «общественная нравственность».

Как можно заметить, практически полностью условия действительности сделок в России совпадают с теми условиями, которые прописаны в законодательстве Германии, что неудивительно, ведь в работах дореволюционных и советских ученых немецкое законодательство считалось образцом для российского. Однако имеются некоторые существенные различия.

Во-первых, в ГГУ имеется интересное правило, содержащееся в параграфах 119-121 ГГУ, согласно которому лицо, чья воля была искажена его представителем, либо которое отказывалось выражать волю на совершение сделки, а представитель от его все равно имени заключил сделку, имеет право оспорить данную сделку в течение 30 лет.

Это правило является своего рода гарантией соблюдения такого условия сделки как соответствие воли и волеизъявления. С учетом опре-

деленной адаптации эту норму можно было бы внести и в ГК РФ.

Во-вторых, сравнив ГГУ и ГК РФ, нельзя не заметить наличие такого серьезного условия действительности сделок, как соответствие их общественной нравственности. К сожалению, далеко не всегда можно сразу понять, соответствует ли данная сделка основам общественной нравственности или нет.

Хотя такое условие действительности сделок напрямую не указано в ГК РФ, тем не менее, российский законодатель предусмотрел такое основание признания сделок недействительными как противоречие их основам правопорядка и нравственности. Но как определить, что является нравственным, а что нет?

Если бы в России существовали хотя бы приблизительные Кодекс предпринимательской этики и Кодекс этики в отношении потребителей, устанавливающие санкции за нарушение именно этических правил, это привело бы к улучшению качества гражданского оборота, его прозрачности и, соответственно, население, предприниматели и государство больше доверяли бы друг другу.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, условия действительности сделок в России, Франции и Германии имеют некоторые общие черты, схожие положения относительно наличия и уровня дееспособности сторон, соответствия воли и волеизъявления, законности элементов сделки. Во-вторых, имеются существенные отличия в правовой системе каждой из рассмотренных выше стран. В-третьих, в положениях ФГК и ГГУ имеются некоторые нормы, чья адаптация в российское законодательство повысила бы его уровень и улучшила бы состояние субъектов гражданского оборота.

Одной из таких норм является правило ГГУ, допускающее отказ от заявления и его оспаривание лицом, чья воля была неверно передана представителем или учреждением. Хочется надеяться, что такой институт как условия действительности сделок будет не только привлекать внимание ученых — теоретиков, но и получит дальнейшее законодательное улучшение.

Список литературы

1. Российское гражданское право: учебник: в 2 томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. 958 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (ред. от 01.09.2011) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Вершинина Е. В., Стахеева Ю. А. Условия действительности сделки в России и Франции: сравнительно правовой анализ // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 5. С.201.

5. Германское гражданское уложение от 01.01.1900 (ред. от 22.07.2014) // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040401.

УДК/UDC 347.9

Изменения в порядке регистрации индивидуальных предпринимателей в 2018 году

Титова Дарья Александровна
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: da_titova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются изменения в порядке регистрации индивидуальных предпринимателей. Данный вопрос актуален тем, что до 1 января 2004 г. государственная регистрация физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей осуществлялась по правилам, установленным Законом РСФСР от 7 декабря 1991 г. «О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации». Необходимо отметить, что Федеральным законом от 23 июня 2003 г. № 76-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц», вступившим в силу с 1 января 2004 г., предусмотрен общий порядок государственной регистрации юридических лиц и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей (с учетом специфики названных субъектов). В настоящее время федеральное законодательство о государственной регистрации состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ», в который в апреле и октябре 2018 года внесли ряд изменений в порядке регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, государственная регистрация, юридическое лицо.

Changes in the Individual Entrepreneurs Registration Procedure in 2018

Titova Darya Aleksandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: da_titova@mail.ru

Abstract

The article discusses the changes in the registration procedure of individual entrepreneurs. This issue is relevant because until January 1, 2004 the state registration of individuals was implemented in accordance with the rules of the RSFSR Law on December 7, 1991 On registration fee from individuals engaged in entrepreneurial activity and the procedure for their registration. It should be noted that the Federal Law of June 23, 2003 № 76-FL On introduction of changes and amendments into Federal Law On the State Registration of Legal Entities, which came into force on January 1, 2004, there provided the general order of state registration of individuals and entities as entrepreneurs (taking into account the specifics of above mentioned subjects). Currently, federal legislation on state registration consists of the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law No. 129-FL dated August 8, 2001, in which a number of changes were made in the procedure for registering legal entities and individual entrepreneurs in April and October 2018.

Key words: sole proprietor, state registration, legal entity.

Ст. 23 ГК РФ устанавливает, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [1]. Сам порядок государственной регистрации индивидуального предпринимателя регулируется Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2]. Из ст. 2 Закона № 129-ФЗ и Положения о ФНС, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 вытекает, что на сегодняшний день функции по государственной регистрации индивидуальных предпринимателей осуществ-

ляет ФНС РФ [3].

Изменения, которые произошли в законе, касающиеся регистрации индивидуальных предпринимателей в 2018 году, вносились в два этапа:

— с 29 апреля 2018 года;

— с 01 октября 2018 года.

Подробнее необходимо рассмотреть изменения от 29 апреля 2018 года. Они заключаются в переходе от бумажного вида документов на электронный.

Ранее выдача свидетельства о регистрации осуществлялась на защищенных бланках до 2017 года, однако, в последствии ФНС перешли на выдачу листов о регистрации на обычной бумаге. Но с 29.04.2018 индивидуальные предприниматели имеют возможность получить документы, подтверждающие факт регистрации индивидуального предпринимательства в электронном виде на электронный адрес, который необходимо теперь всегда указывать при подаче документов при регистрации индивидуального предпринимательства, иначе появится проблема и скорее всего индивидуальный предприниматель получит отказ в самой регистрации.

Следует обратить внимание на ст. 11 из новой редакции закона № 129-ФЗ. В данной статье делается акцент на том, что документ, который подтверждает факт внесения записи в соответствующий государственный реестр, учредительный документ юридического лица с отметкой регистрирующего органа, документ о постановке на учёт в налоговом органе переправляются в виде электронных документов, которые подписаны квалифицированной электронной подписью, не только по включённому в соответствующий государственный реестр адресу электронной почты юридического лица или индивидуального предпринимателя, но и по адресу электронной почты, который указан заявителем при представлении документов в регистрирующий орган.

Тем заявителям, которые хотят получить от ИФНС бумажные документы о регистрации индивидуального предпринимателя, должны будут писать соответствующий запрос на получение. Однако, определенной формы на данный момент нет.

Обращая внимание на письмо межрайонной ИФНС России № 46 по городу Москве, в котором налоговая инспекция предложила свой порядок получения листа записи ЕГРЮЛ для организаций, появляется следующая важная информация:

— только после прохождения государственной регистрации и внесения записей в реестр можно подать данный запрос;
— в запросе необходимо указать полное наименование организации, юридический адрес, полное имя руководителя, коды ОГРН, ИНН, номер и дата внесения записи о регистрации в реестре;
— запрос не может быть подписан учредителем, только действующим руководителем [4];
— Важно, что данное письмо – это ответ на конкретное обращение, то и речь в нем идет только про оформление запроса для ООО, но можно предположить, что для индивидуального предпринимателя порядок будет аналогичным.

В соответствии со ст. 11 из новой редакции закона № 129-ФЗ, по запросу заявителя регистрирующий орган выдает документы на бумажном носителе, которые составлены регистрирующим органом. Данные документы подтверждают содержание всех электронных документов, которые связаны с государственной регистрацией заявителя. Следует отметить, что регистрирующий орган может выдать документы представителю заявителя, если тот действует на основании нотариально удостоверенной доверенности.

Данные изменения ускорят процесс получения документов о регистрации индивидуального предпринимателя, если заявители обращались в МФЦ, а не в регистрационный орган. Заключается в том, что налоговый орган будет направлять в многофункциональный центр документы не в бумажном виде, а в электронном. Однако, если заявитель хочет получить в МФЦ бумажные документы о регистрации, ему так же необходимо делать запрос.

В ст. 11 новой редакции закона № 129-ФЗ отмечается, что по запро-

су заявителя многофункциональный центр выдаёт составленные многофункциональным центром документы на бумажном носителе, подтверждающие содержание электронных документов, которые связаны с государственной регистрацией, и которые получены многофункциональным центром от регистрирующего органа.

Следующие важные изменения происходили с 01 октября 2018 года. С 01 октября 2018 года все заявители имеют право на повторное обращение в регистрационный орган или МФЦ после отказа, не уплачивая госпошлину.

Данное нововведение заключается в том, что если заявитель получил отказ в государственной регистрации из-за подачи не всех документов или неверно оформленных каких-либо документов, то есть возможность дополнительно один раз сдать отсутствующие или исправленные документы. В данном случае не нужно повторно выплачивать госпошлину.

Заявитель вправе исправить допущенные ошибки или дополнить недостающие документы в течении трех месяцев со дня принятия регистрирующей инспекцией ФНС России решения об отказе.

Стоит учитывать, что причиной для отказа может послужить всего лишь неправильное сокращение элементов адреса или же просто отсутствие электронного адреса заявителя в заявлении.

После первого отказа, вызванного неправильным оформлением документов, необходимо записаться на консультацию в ИНФС для уточнения, что конкретно следует исправить или какие документы необходимо донести.

Так же стоит учитывать тот факт, что пополнился перечень причин для отказа в регистрации:

1) Несоблюдение при оформлении документов Требований, установленных приказом ФНС от 25.01.2012 № ММВ-7-6/25 (новый подп. «ц» п. 1 ст. 23 Закона № 129-ФЗ);
2) Подача недостоверных документов (новый подп. «ч» п. 1 ст. 23 Закона № 129-ФЗ).

С 01 октября 2018 года при свидетельствовании подлинности подписи нового директора на форме № Р14001, любой нотариус Российской Федерации вправе потребовать только протокол (решение) и устав об избрании нового директора [5]. Новые изменения в порядке регистрации индивидуальных предпринимателей позволят ускорить процесс обработки заявлений, а также значительно повлияют на процесс предстоящего внесения данных в ЕГРЮЛ. Эти нововведения помогут в работе не только юристам-регистраторам, но и самим индивидуальным предпринимателям.

Список литературы

1.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 198.

2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №33. Ст.3431.

3. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3961.

4. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: Приказ Минюста России от 30.08.2017 г. № 156 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Письмо Межрайонной ИФНС России № 46 по г. Москве от 21 мая 2018 г. N 15-18/04830з@ // Справочно-правовая система «Гарант».

УДК/UDC 347.45/.47

Некоторые вопросы о правах акционеров по законодательству Российской Федерации

Филимонов Олег Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В настоящее время ввиду реформирования корпоративного законодательства актуальным становится исследование фундаментальных атрибутов корпоративных правоотношений, среди которых: видовое разграничение, содержание, объекты, основания возникновения. В юридической литературе складывается плюрализм мнений касательно понимания правовой природы акционерных отношений. В статье автор рассматривает актуальные вопросы правового статуса акционером по законодательству Российской Федерации. Отмечается, что членские правоотношения обладают значительным своеобразием, не позволяющее им быть классическими обязательственными правоотношениями, обладая признаками и вещно-правовых. Существование акционерных обществ позволяет аккумулировать денежные средства, при этом получая в дальнейшем больше денежных средств, нежели те, что были вложены изначально.

Ключевые слова: акционер, право, правоотношение, вещное право, договор.

Some Issues of Shareholder Rights Under the Laws of the Russian Federation

Filimonov Oleg Alexandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: olegfilim7@gmail.com

Abstract

At present, in view of the reform of corporate legislation, the study of the fundamental attributes of corporate legal relations is becoming relevant, including: the species distinction, content, objects, grounds of occurrence. In the legal literature there is a plurality of opinions on the understanding of the legal nature of shareholder relations. The article deals with current issues of the legal status of a shareholder under the laws of the Russian Federation. It is noted that the membership relationship has a significant originality, which does not allow them to be a classic obligation relationship, possessing the signs and proprietary. The existence of joint-stock companies allows cumulative cash, while receiving in the future more cash than those that were originally invested.

Key words: shareholder, law, legal relationship, property law, the contract.

Природа членских правоотношений является предметом активных дискуссий. При этом вопросы касаются фундаментальных атрибутов корпоративных правоотношений, среди которых видовое разграничение, содержание, объекты, основания возникновения и другие.

Плюрализм взглядов ученых по данной проблеме обуславливается различием подходов в ответе на следующие взаимосвязанные принципиальные вопросы:

1) имеют ли права акционеров имущественный и/или неимущественный характер?
2) имеет ли место трактовка прав акционеров как обязательственных?

Касательно первого вопроса, часть авторов ссылаются на имущественный характер. В обосновании своей позиции сторонники данной позиции указывают наличие соединения рассматриваемых прав с управлением имуществом корпорации, способность возникновения охранительного права имущественного характера в случае нарушения, права на возмещение убытков, прямая подверженность стоимости акций на влияние деятельности общества [1].

Второй вопрос сводится к обоснованности квалификации законодательством прав акционеров как обязательственных, что указано в статье

48 ГК РФ [2] и п. 1 ст. 2 Закона «Об акционерных обществах» [3]. В данном случае существуют следующие точки зрения: вещно-правовая, обязательственно-правовая.

Сторонники первой видят в акционере собственника. По мнению Н. Н. Пахомовой, «корпоративные отношения — есть отношения по реализации и формированию отношений собственности среди множества субъектов». При этом она замечает следующее: «Вещные права участников по владению, пользованию и распоряжению имуществом юридического лица в период его деятельности парализованы этим же юридическим лицом... реализация учредителями своих вещных прав возможна только после прекращения существования юридического лица... то есть, по мере отпадания „парализующих“ факторов, прекращения правомочий юридического лица, вещные правомочия восстанавливаются у участников» [4].

Идея вещно-правовой концепции не нова. Она рассматривалась и дореволюционными учеными юристами. Так, А. П. Песименский исходил из того, что «права акционеров с переходом имущества в собственность компании не прекращаются, а покоятся. Состояние покоя должно отличаться от полного прекращения прав. После того, как юридическое отношение, обуславливающее это состояние прекратилось, право не возникает вновь, но пробуждается к существованию» [5]. Обязательственно-правовая концепция согласуется с позицией законодателя.

Наиболее конструктивной является формулировка В. В. Прохоренко, который пишет следующее: «Данное обязательственное правоотношение обладает чертами... имущественный характер, противопоставление субъективного права одного лица субъективной обязанности другого.... Возможности требования исполнения обязанности. При этом правоотношение имеет ряд... отличий, выделяющих его из общего ряда... возникновение независимо от передачи имущества на основании публичного акта о регистрации юридического лица; императивный запрет на освобождение учредителя от оплаты уставного капитала... все права участника реализуются в рамках обязательственного правоотношения, где участ-

ник находится в роли должника (обязанность по внесению имущества в уставной капитал) и (при реализации его прав) в роли кредитора» [6].

Согласно позиции законодателя, обязательственные правоотношения — это такие отношения, в которых одно лицо (должник) обязан совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности, что можно вывести из положения п. 1 ст. 307 ГК РФ. Модель обязательства рассчитана на экономический оборот, перемещение материальных благ между отдельными его субъектами. Однако, акционер не является для акционерного общества «чужим». Он участвует в формировании воли общества и к этому причастны и другие участники, интересы которых могут не совпадать.

Можно сделать вывод, что членские правоотношения обладают значительным своеобразием, не позволяющее им быть классическими обязательственными правоотношениями, обладая признаками и вещно-правовых. «Симптомом» этого можно назвать тот факт, что законодатель употребляет по отношению к акционеру не термин «кредитор», а «участник».

Выделяют следующие квалификации прав акционеров:

1) по критерию субъективного состава правовых связей — на права обращенные к обществу (как, например, право на дивиденд, участие в управлении) и права, обращенные к иным лицам (преимущественное право приобретения акций старого акционера в отличии от нового, право на выкуп акций лицом, приобретшим более 95% акций акционерного общества);
2) по характеру взаимосвязи акционерного права и акции — на права, удостоверенные акциями (владение акциями является предпосылкой возникновения прав) и права на акции (когда акции выступают объектом прав);
3) исходя из условий реализации внешней направленности — на общие, не предполагающие включения каких-либо внешних факторов для реализации правовых возможностей, и специ-

альные, реализация которых требует наличия дополнительных условий внешнего характера;

4) в зависимости от обусловленности реализации права видом и количеством принадлежащих участнику акций — на права, предоставляемые в связи с принадлежностью любых акций и права, предоставляемые акциями особого вида и (или) определенного количества (созыв внеочередного собрания акционеров возможен только участниками, владеющие 10% акций);
5) по наличию (отсутствию) экономического содержания — на имущественные (право на дивиденды) и неимущественные (право на участие в управлении);

Последнее деление проводится в Законе «О рынке ценных бумаг» [7], который допускает закрепление эмиссионной ценной бумагой совокупности имущественных и неимущественных прав, в отличие от ГК РФ, упоминающего в ст. 142 только имущественные права.

Право на дивиденды является одним из основных прав, которое приобретает акционер при приобретении акции. Именно обязательственное право (право требования) акционера к акционерному обществу реализуется при распределении чистой прибыли в дивиденды. Вид акций определяет систему и метод выплат дивидендов. Так, закреплены привилегированные и обыкновенные акции.

Владельцы привилегированных имеют право на часть прибыли общества, при этом лишаясь права на участие в управлении делами общества, за исключением принятия решения о реорганизации и ликвидации общества и иных вопросов, требующих единогласного решения акционеров общества. Размер дивидендов по привилегированным акциям указывается в уставе общества. Дивиденды выплачиваются обязательно, независимо от результатов работы организации. Нарушение условий выплаты влечет за собой приобретение владельцами привилегированных акций права голоса на общем собрании.

Владельцы же обыкновенных акций получаю дивиденды в зависимости от их количества (степени участия) акционерного общества: раз-

мер не фиксирован и зависит от пропорции количества акций и чистой прибыли общества. При этом их размер не может превышать тех, которые были указаны наблюдательным советом. Решение о выплате дивидендов решается общим собранием акционерного общества. То есть, для реализации права на дивиденды владельцам обыкновенных акций необходим дополнительный юридический факт решение общего собрания.

В отечественной судебной практике получили распространение иски о признании корпоративных актов о не выплате дивидендов недействительными и принятыми в противоречии с учредительным документом. Так, Федеральный арбитражный суд Московского округа счел недопустимым принятие решения о невыплате дивидендов обществами, уставы которых содержат положение об обязательности выплат при наличии чистой прибыли [8].

Право на получение части имущества при ликвидации также зависит от вида акций. Так, владельцы привилегированных акций имеют преимущественное право в получении денежной выплаты при ликвидации общества (абз. 2 п. 4 ст. 32 Закона об АО). Владельцы же получают свои выплаты после прямых кредиторов, уплаты обязательных платежей и других.

Таким образом, само по себе существование акционерных обществ позволяет аккумулировать денежные средства, при этом получая в дальнейшем больше денежных средств, нежели те, которые были вложены изначально.

Список литературы

1. Гражданское право: учебник / отв. ред. Суханов Е. А. М: Волтерс Клувер. 2007.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства кодекс Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Собрание законодательства кодекс Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

4. Пахомова Н. Н. Основные теории корпоративных отношений: монография. Екатеринбург, 2004.

5. Писемский П. А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876.

6. Прохоренко В. В. Обязательства, возникающие из участия в образовании имущества юридического лица (партисипативные обязательства) // Проблемы теории права. Вып. 2. М.: Статут, 2006.

7. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (// Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

8. Постановления Федерального арбитражного суду Московского округа от 07.03.2007 №КГ- А40/1201-07, от 16.05.2007 № КГ-А40/3847-07 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347

К вопросу о реализации права на информацию о товаре в сфере защиты прав потребителей

Хайлова Марина Игоревна
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: marina_khailova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с регулированием отношений в потребительской сфере, а именно между потребителем и иными лицами, которые входят в субъектный состав указанных правоотношений. Автором проводится анализирование проблемных моментов, возникающих при реализации права на информацию о товаре в сфере защиты прав потребителей. Так, в частности, анализируются вопросы, связанные с понятийным аппаратом закона «О защите прав потребителей», который касается информации о товаре, сферы действия указанного акта законодательства, а также рассматриваются проблемы реализации права на информацию об иностранном товаре и пути их решения российским законодателем. Автор использует в своей статье не только нормы закона «О защите прав потребителей», но и акты Правительства Российской Федерации, а также утвержденные национальные стандарты, которые применяются в потребительских правоотношениях.

Ключевые слова: защита прав потребителей, право на информацию о товаре, иностранный товар, национальный стандарт.

On the Issue of the Implementation of the Right to Information About the Product in the Field of Consumer Protection

Khaylova Marina Igorevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: marina_khailova@mail.ru

Abstract

The article deals with issues related to the regulation of relations in the consumer sphere, namely between the consumer and other persons who are part of the subject composition of these legal relations. The author analyzes the problematic issues that arise in the implementation of the right to information about a product in the field of consumer protection. So, in particular, analyzes issues related to the conceptual apparatus of the Law On Protection of Consumer Rights, which relates to information about a product, the scope of this act of legislation, and also examines the problems of exercising the right to information about a foreign product and how to solve them by the Russian legislator. The author uses in her article not only the norms of the law On the Protection of Consumer Rights, but also acts of the Government of the Russian Federation, as well as approved national standards that are used in consumer legal relations

Key words: consumer protection, the right to product information, foreign goods, national standard.

В соответствии с положениями Конституции РФ [1] признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам, нормам международного права, а также непосредственно Конституцией. Также гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина в РФ.

Регулирование вопроса, связанного с защитой прав граждан в сфере гражданского оборота, осуществляется нормами ГК РФ [2], а в сфере, представляющей интерес, непосредственно используются положения

Закона от 07.02.1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3]. Вопросы, связанные с защитой прав потребителей, рассматриваются и в юридической литературе [4].

Однако, не переходя даже к анализу норм о защите прав потребителя на информацию, выявились определенные проблемы регулирования потребительских правоотношений. Прежде всего обратим внимание на субъектный состав участников потребительских правоотношений. Так, регулирование отношений, согласно преамбуле вышеуказанного закона, происходит между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами. Далее, раскрывая понятие потребителя, закон «О защите прав потребителя» определяет субъекта наименованием «гражданин», при этом, соответствующего пояснения или разъяснения не дается. Собственно, возникает вопрос: гражданин любой может выступать в качестве потребителя или же гражданин РФ. А если субъекта нельзя назвать понятием «гражданин», в том именно случае, когда его гражданская правоспособность не определена в виду отсутствия принадлежности к какому-либо гражданству определенной страны (т.е. «апатрид»), то может ли он быть субъектом правоотношений в указанной сфере? Указанная «правовая несостыковка» может порождать ряд правовых проблем, которые будут усложнять процесс, направленный на защиту прав и интересов лиц, участвующих в так называемых «потребительских правоотношениях».

В законе «О защите прав потребителей» закрепляется право потребителя на информацию и используется данное понятие относительно часто. Однако в законе нет детального определения или даже отсылочной нормы, касающейся определения понятия «информация» или «право на информацию». В статьях закона «О защите прав потребителей», где раскрывается право на информацию разных видов, определен лишь перечень необходимых сведений, подлежащих раскрытию в самой информации. Так, например, в ст. 10 п. 2 закона «О защите прав потребителей» закреплено положение об обязательном порядке содержания информации о товарах (работах, услугах). Перечень указанных пунктов является

исчерпывающим, в частности, требуется указать:

- наименование технического регламента или иное обязательное обозначение подтверждения соответствия товара, установленного российским законодательством о техническом регулировании;
- сведения об основных потребительских свойствах товаров (работ, услуг);
- гарантийный срок, если он установлен;

По логике, указанные сведения и есть информация о товаре. Перечисленные выше пункты должны доводиться до сведения потребителей в технической документации, прилагаемой к товарам (работам, услугам), на этикетках, маркировкой или иным способом, принятым для отдельных видов товаров.

Те самые иные способы, о которых говорит закон, предусмотрены постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» [5].

В соответствии с ним, указание иных сведений, являющихся обязательными, в качестве информации, обязательной для донесения потребителю, предусмотрено для:

- продовольственных товаров;
- текстильных, трикотажных, швейных и меховых товаров и обуви;
- технически сложных товаров бытового назначения;
- парфюмерно-косметических товаров;
- автомобилей, мототехники, прицепов и номерных агрегатов;
- ювелирных и других изделий из драгоценных металлов и (или)

драгоценных камней;
- лекарственных препаратов и медицинских изделий;
- животных и растений;
- бытовой химии;
- пестицидов и агрохимикатов;
- экземпляров аудиовизуальных произведений и фонограмм, программ для электронных вычислительных машин и баз данных;
- оружия и патронов к нему;
- строительных материалов и изделий;
- мебели;
- непериодических изданий;
- непродовольственных товаров, бывших в употреблении.

Представим ситуацию, когда пожилой человек, не зная о существовании вышеуказанного постановления Правительства РФ и информации, которая касается его потребительских прав, покупает товар, где не раскрывается специальная информация, которая должна быть предусмотрена для товара, например, для лекарственного средства, и в связи с этим он становится незащищенным от недобросовестных товаропроизводителей, что в некоторых случаях может стоить человеку жизни.

Соответственно, мы предлагаем проводить обязательные беседы, проводить разработку памяток обязательной информации для потенциально важных товаров, которые имеют отношение (непосредственно) для нашего здоровья и здоровья нации в целом. При этом рекомендуем законодателю определить перечень и понятие этих «потенциально важных товаров» в целях защиты и реализации права на информацию о товарах.

Также в этой связи возникает и вопрос об иностранных гражданах, пребывающими на территории Российской Федерации, которые также имеют право на доступ к информации. Однако, если для товаров, которые производятся за пределами нашего государства, предусмотрена обязательная информация на русском языке, то для русских производителей такой законодательной обязанности не предусмотрено.

Считаем необходимым предусмотреть обязанность российских то-

варопроизводителей излагать также информацию о потребительских свойствах и на английском языке, что повысит не только большую общедоступность информации, но и, как представляется, повысит конкурентоспособность на мировом рынке продаж товаров российского производства.

Раскрывая вопрос, связанный с языком доносимой до потребителя информации, следует определить и несколько важных моментов в сфере указанной реализации, только уже на товар, который произведен за границей и правом на информацию о нем. В соответствии с законодательством РФ предусмотрена обязанность в наглядной и доступной форме доводить до сведения потребителей информацию о товаре на русском языке (п. 2 ст. 8 закона «О защите прав потребителей») [3].

Однако, как известно из практики, информация на этикетке с переводом на русский язык не всегда соответствует требованиям закона «О защите прав потребителей». Возможно, так происходит не в силу вины производителя, так как законодательство разных стран не всегда имеет одинаковые требования к информации о товаре.

Тем не менее, помимо указанного закона, применяется национальный стандарт, принятый на основе положений федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации» [6], распространяющий свое действие на пищевые продукты отечественного и зарубежного производства, фасованные в потребительскую тару, реализуемые на территории Российской Федерации в оптовой и розничной торговле, поставляемые предприятиям общественного питания, школам, детским, лечебным учреждениям и другим предприятиям, непосредственно связанным с обслуживанием потребителей. Указанный стандарт именуется как ГОСТ Р 51074-2003 «Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования» [7]. Однако, предусмотренная обязанность по указанию информации не предусматривает точности перевода и ее законодательной проверки. Соответственно, изготовитель или продавец может «подогнать» перевод под требования российского законодательства, которые скрывают действительные свойства продукта. Исходя из вышеизло-

женного, считаем необходимым предусмотреть в законе о «Защите прав потребителей» обязательность соответствия точного перевода и информации от иностранного производителя о товаре и механизм проверки соответствия указанного перевода и потребительских свойств товаров, которые распространяются на территории Российской Федерации.

Разработанный законодателем механизм должен будет включать понятие «перевод информации о иностранном товаре», создание службы в системе исполнительной власти, наделенной правами и обязанностями в сфере контроля о поступающих иностранных товарах и порядок действий органа контроля по выявлению товаров, не отвечающим требованиям российского законодательства и информации о них.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-I. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.

4. Нетишинская Л. Ф. К вопросу о защите прав потребителей // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10. С. 19–20.

5. Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.01.1998 г. № 55 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 4. Ст. 482.

6. О стандартизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 г. №162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 3953.

7. ГОСТ Р 51074-2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования: Постановление Госстандарта России от 29.12.2003 N 401-ст // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347.45/.47

Обеспечительный платеж как способ обеспечения исполнения обязательств

Червоная Юлия Александровна
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: julia05111997@mail.ru

Аннотация

В данной статье анализируются положения гражданского законодательства относительно нового способа обеспечения обязательств в российском гражданском законодательстве — обеспечительного платежа. Изучив ранее сложившуюся практику применения данного правового института и последние законодательные изменения, мы выделили ряд проблем его практического применения и квалификации, что позволяет определить возможности дальнейшего развития обеспечительных правоотношений в рамках обеспечительного платежа. Также в данной работе выделяются основные признаки и отличия данного средства обеспечения от ранее существовавших. Отдельное внимание уделяется месту обеспечительного платежа в договоре аренды, выделяются аспекты, которые до сих пор не урегулированы законодателем и приводят к сложностям правоприменение. В статье содержатся рекомендации по разрешению данных вопросов посредством более детальной правовой регламентации.

Ключевые слова: обеспечительный платеж, способы обеспечения исполнения обязательств, гражданское законодательство.

Security Payment as a Way to Ensure Fulfillment of Obligations

Chervonaya Yuliya Aleksandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: julia05111997@mail.ru

Abstract

This article analyzes the provisions of civil legislation regarding a new way of securing obligations in Russian civil legislation—a security payment. After examining the previously established practice of applying this legal institution and recent legislative changes, we identified a number of problems of its practical application and qualification, which allows us to determine the possibilities for the further development of security legal relations as part of the security payment. Also in this paper highlights the main features and differences of this means of support from the previously existing ones. Special attention is paid to the place of the security deposit in the lease agreement, highlights aspects that have not yet been settled by the legislator and lead to difficulties in enforcement. The article contains recommendations for resolving these issues through more detailed legal regulation.

Key words: security payment, ways to enforce obligations, civil law.

В современном мире большое значение имеет стабильность гражданского оборота и защита прав сторон, которые достигается посредством постоянного развития и совершенствования системы способов обеспечения исполнения обязательств, в том числе за счет совершенствования нормативного закрепления уже имеющихся и новых обеспечительных средств.

В рамках реформирования гражданского законодательства был принят Федеральный закон № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [1], который расширил перечень способов обеспечения исполнения обязательств, в частности, появился новый способ — обеспечительный платеж.

Однако назвать этот способ абсолютной новеллой гражданского законодательства сложно, так как он нередко применялся при заключении предварительных договоров, договоров аренды и поставки, но использовался только как непоименованный способ обеспечения и лишь в 2015 году получил своё правовое закрепление.

Согласно ст. 381.1 ГК РФ [2] путем внесения одной стороной денежных средств в пользу другой, обеспечивается денежное обязательство, в том числе возмещение убытков или уплата неустойки при нарушении условий основного договора. Необходимо обратить внимание, что в качестве такого платежа могут быть внесены вещи, определенные родовыми признаками и ценные бумаги, что предусматривает дополнительное правовое регулирование, учитывая их специфику [3].

Отсюда следует проблема в реализации данного положения, так как не указывается какие именно ценные бумаги будут передаваться и будут ли особенности регулирования в зависимости от их формы — документарные или бездокументарные.

Одно из основных отличий исследуемого способа обеспечения исполнения обязательств заключается в его направлении на исполнение обязанностей должника, предусмотренных основным договором. В свою очередь кредитор получает определенную сумму денежных средств до нарушения основного обязательства.

Исходя из положений ст. 381.1 ГК РФ мы можем определить существенные условия соглашения об обеспечительном платеже:

Во-первых, должно быть указано основное обязательство, исполнение по которому обеспечивается обеспечительным платежом.

Во-вторых, определенная денежная сумма, которая должна быть внесена.

В-третьих, конкретизированное денежное обязательство, которое обеспечено обеспечительным платежом.

Положения ГК РФ указывают, что обеспечительный платеж осуществляется на принципах возвратности, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Обеспечительный платеж должен быть возвращен,

если кредитор не может удовлетворить им свои требования к должнику, в противном же случае данный платеж засчитывается в счет первоначального платежа по договору [4].

Еще до появления обеспечительного платежа как способа обеспечения исполнения обязательств практика сложилась так, что при заключении договора аренды стороны могли предусмотреть наступление течения срока исполнения обязательства с момента поступления обеспечительного платежа.

Суды же указывали, что в случае расторжения договора в связи с нарушением его условий арендатором, тот не только не мог требовать возврата обеспечительного платежа, но был обязан выплатить неустойку и все задолженности по арендной плате [5]. Все эти условия целесообразно предусмотреть в договоре аренды для дополнительной защиты прав кредитора в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора аренды.

Мы считаем, что параграф 8 гл. 23 ГК РФ необходимо дополнить новыми статьями, которые будут содержать положения, регулирующие:

1) условия использования в качестве обеспечительного платежа ценных бумаг и индивидуально определенных вещей;
2) назначение обеспечительного платежа, в соответствии с которым он сможет в дальнейшем использоваться кредитором.

Теоретические аспекты об обеспечительном платеже как способе обеспечения исполнения обязательств должны надлежащим образом отразить в науке гражданского права: место обеспечительного платежа среди средств, удовлетворяющих обеспечительный интерес кредитора; соотношение обеспечительного платежа со смежными гражданско-правовыми конструкциями; особенности использования обеспечительного платежа в отдельных видах обязательств.

Список литературы

1. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Российская газета. №

52. 13.03.2015.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.

3. О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ // Российская газета № 167. 31.07.2017.

4. Гасников К. Д., Применение обеспечительных платежей в рамках отдельных гражданско-правовых обязательств: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. № 10. октябрь 2016 г. С. 46–55.

5. Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2015 по делу № 305-КГ15-7535 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347

К вопросу о правовом положении наследственного фонда

Шадрина Наталья Максимовна
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: shadrinanatalia@inbox.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается нововведение в гражданском законодательстве. Наследственный фонд является юридическим лицом, а именно некоммерческой унитарной организацией. Создание наследственного фонда представляет особый интерес среди тех, кто хочет расширить возможность по распоряжению своим имуществом после смерти. Такое нововведение на данный момент является актуальным и начинает только развиваться в нашей стране. В работе рассматриваются отдельные аспекты создания и деятельности фондов, проблемные вопросы. Затрагивается и зарубежный опыт наследственных фондов. Автор выделяет преимущество создания, а также недостатки создания таких фондов. В статье приводится непосредственно точка зрения одно из авторов закона.

Ключевые слова: фонды, наследственный фонд, гражданское право.

On the Issue of the Legal Status of the Hereditary Fund

Shadrina Natalya Maksimovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: shadrinanatalia@inbox.ru

Abstract

This article deals with an innovation in civil law. The hereditary fund is a legal entity, namely a non-profit unitary organization. Creating a hereditary fund is of particular interest among those who want to expand the opportunity to dispose of their property after death. This innovation is currently relevant and is just beginning to develop in our country. The paper examines certain aspects of the creation and operation of foundations, problem issues. The foreign experience of hereditary funds is also affected. The author highlights the advantage of creation, as well as the disadvantages of creating such funds. The article is directly the point of view of one of the authors of the law.

Key words: foundations, hereditary fund, civil law.

С первого сентября 2018 года вступил в силу закон, в соответствии с которым в ГК РФ появились положения о правовом положении наследственного фонда [1]. Это нововведение связано с тем, что законодатель решил тем самым расширить возможность граждан по управлению, распоряжению своим имущество после смерти.

Один из авторов закона Павел Крашенинников считает, что наследственный фонд — это способ управления имуществом, предпринимательской деятельностью, капиталом, остающиеся после смерти наследодателя [2].

Фонд является некоммерческой унитарной организацией. Важно отметить, что к наследственному фонду применяются общие положения о фондах в ГК РФ. Наследственный фонд создается после смерти гражданина нотариусом по заявлению в уполномоченный государственный орган о государственной регистрации не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследственного дела.

Если лица, которые указаны в решении об учреждении наследственного фонда откажутся войти в состав фонда, тогда нотариус не вправе направлять в уполномоченный государственный орган заявление о создании юридического лица.

Несмотря на то что понятие наследственного фонда излагается в ч. 1 ГК РФ и фонд является унитарной некоммерческой организацией

представляется, что основная идея, которую преследовал законодатель, состояла в расширении видов наследования по завещанию, так правовой статус данного фонда существенно отличается от требований, предъявляемых к иным фондам.

Так, из анализа ч. 2 ст. 123.20-2 ГК РФ можно сделать вывод, что высшего коллегиального органа и попечительского совета в наследственном фонде может и не быть, что противоречит общим положениям о фонде ст. 123.17 ГК РФ, обязательно предусматривающим наличие в уставе фонда этих органов. Да и другие положения закона весьма специфичны, выделяют этот фонд из числа подобных организаций.

Исходя из ст. 123.17 ГК РФ цели наследственного фонда определены как благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели. Фонд использует имущество исключительно для этих некоммерческих целей, определенных в его уставе.

Безусловно и то, что эта новелла российского законодательства имеет определённое сходство с фондами, которые широко распространены в правовых системах зарубежных стран [3].

В отличие от уже годами отработанного механизма создания и функционирования наследственных фондов за рубежом, нам предстоит столкнуться с определенными трудностями в правоприменении данного института. Например, одним из важнейших документов, регулирующих создание и дальнейшую деятельность фонда, является информация об условиях управления наследственным фондом. В то же время законодателем не определен в какой форме должен составляться этот документ, из каких обязательных положений состоять. Аналогию этому правовому институту в российском законодательстве найти трудно. В то же время из п. 4 ст. 123.20-1 ГК РФ не ясно когда, при каких обстоятельствах, условиях имущество может быть передано выгодоприобретателю или третьим лицам. Передача имущества выгодоприобретателю или третьим лицам сама по себе уже явно не соответствует положениям закона о целевом использовании имущества фонда.

Остался вне поля правового регулирования законодателя и порядок

наследования долгов наследодателя, учредившего подобный фонд.

Здесь мы перечислили лишь ряд проблемных моментов, думается, что практика и законодатель внесет со временем свои коррективы. Важно другое- в российском законодательстве появился новый институт наследования по завещанию, который давно и успешно развивается во многих странах мира.

Из этого мы можем выделить определенные плюсы создания таких наследственных фондов:

– возможность сохранения ведения предпринимательской деятельности после смерти наследодателя; – возможность наследодателям, участвующим в предпринимательской деятельности, обеспечить своих наследников и иных лиц и после своей смерти; – позволяет компании, предприятию не простаивать полгода, а продолжать работать после смерти наследодателя.

Из недостатков можно выделить следующее: круг субъектов, которые будут создавать такой фонд узкий, так как чаще всего на примере знаменитых зарубежных фондов они учреждаются по желанию людей, которые имеют большее состояние.

Список литературы

1. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ // Российская газета. № 172.2017.

2. Козлова Н. Крашенинников: Новый закон защитит права наследников // Российская газета. URL: https://rg.ru/2017/07/31/krasheninnikov-nasledstvennyj-fond-novyj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html.

3. Корташев М. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // URL: https://zakon.ru/blog/2017/9/18/ nasledstvennyj_fondnovoe_rossijskoe_zakonodatelstvo_i_inostrannyj_opyt

УДК/UDC 347.6

Соотношение семейного и гражданского права

Шартан Альмира Николаевна
магистрант юридического факультета
Южный институт менеджмента
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к изучению соотношения норм семейного и гражданского права. Анализируется компенсация пробелов в семейном законодательстве путем аналогии закона или аналогии права. Автор приходит к выводу, что применение норм гражданского права к семейным отношениям располагает субсидиарным характером.

Ключевые слова: семейное право, гражданское право, аналогия закона, аналогия права, соотношение норм права.

Relation of family and civil law

Shartan Almira Nikolyaevna
Master of Law
Southern Institute of Management
Krasnodar, Russia

Abstract

The article discusses approaches to the study of the relationship between the norms of family and civil law. Compensation of gaps in family law is analyzed by analogy of the law or analogy of law. The author concludes that the application of civil law to family relations has a subsidiary character.

Key words: family law, civil law, analogy of law, analogy of law, correlation of norms of law.

Изучению вопроса соотношения гражданского и семейного законо-

дательства при регулировании семейных отношений уделяется большое внимание в современной юридической литературе. При этом высказываются две разные точки зрения, что в немалой степени определено диаметрально противоположным подходом к месту семейного права в системе права (первые считают, что семейное право — самостоятельная отрасль права, другие, что семейное право — подотрасль гражданского права).

Авторы, убеждающие в том, что семейное право является самостоятельной отраслью вполне, на наш взгляд, аргументировано считают, что согласно ст. 4 СК РФ [1] применение норм гражданского права к семейным отношениям располагает субсидиарным характером. Это значит, что семейные отношения регулируются, прежде всего, нормами семейного законодательства, а гражданское законодательство применяется только к тем семейным отношениям, которые не отражены в нормах семейного права и при условии, что это вступает в противоречие с содержанием семейных отношений.

Вторая сторона анализирует соотношение гражданского и семейного законодательства как соотношение общих и специальных норм. Вследствие этого, авторы этого подхода считают, что семейным законодательством только особые черты семейных правоотношений, а семейные правоотношения, не обладающие этой спецификой, подлежат регулированию гражданским законодательством.

Нормам семейного и гражданского права свойственно тесное взаимодействие (ст. 4 СК РФ) [1].

Обоснованность такого применения разбирается в темах, посвященных отдельным семейно-правовым институтам. По предмету правового регулирования некоторые авторы сравнивают семейное право с институтом гражданского права. Учитывая то, что гражданское право регулирует личные неимущественные и имущественные отношения, такой вывод представляется дискуссионным и принимается не всеми экспертами в области семейного права (Ворожейкин Е.М. [2], Рясенцев В.А. [3], Матвеев Г.К. [4], Нечаева А.М. [5], Пчелинцева Л.М. [6] и др.).

Компенсация пробелов в семейном законодательстве путем анало-

гии закона или аналогии права зафиксирована ст. 5 СК. В теории права под аналогией закона понимают«решение дела или отдельного юридического вопроса в соответствии с законом, регулирующим аналогичные отношения, а под аналогией права — решение дела или отдельного юридического вопроса на основе общих начал и смысла законодательства» [8].

Отличие предметов гражданского и семейного права заключается в следующем:

- имущественные отношения в гражданском праве, носят ценовый характер и базируются на возмездной основе;
- имущественные отношения, регулируемые брачно-семейным законодательством, тесно соединены с личными отношениями в отличии от гражданского права;
- семейные правоотношения формируются между четко установленными субъектами и юридические лица в них не участвуют;
- в ряде гражданских правоотношений срок имеет важное значение, а в семейных правоотношениях сроки не указывается;
- главный формой гражданских правоотношений выступает договор, а в семейном праве употребление договоров четко ограничено.

Что касается опеки и попечительства, то это не просто способ определения в семью детей, оставшихся без попечения родителей, но, прежде всего, институт, направленный на защиту имущественных и личных неимущественных прав как детей, так и взрослых, недееспособных и не полностью дееспособных, лиц. Нормы, обращенные на достижение этой главной цели опеки и попечительства, регулируются ГК РФ ст.ст.31-40 [9]. А нормы, ориентированные на достижение особенной цели — обеспечения воспитания несовершеннолетних, составили предмет гл. 20 СК РФ. Использование гражданско-правового инструментария в регулировании семейных отношений значительно расширено.

Представляется очевидным, что как заключение, исполнение, расторжение брачного договора, так и соглашение об уплате алиментов

осуществляется в соответствии с нормами ГК РФ, регулирующими заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок, в равной мере, как и нормы, определяющие порядок заключения, изменения и расторжения договоров. Проблемы действительности брака не могут регулироваться в соответствии с нормами ГК РФ о сделках.

Применять аналогии закона или аналогии права имеют право только суды в рамках своих компетенций, но никак не отдельные члены семьи по их собственному усмотрению. Вместе с тем, принятое по аналогии закона или аналогии права решение суда не может противоречить законодательству РФ и основным принципам российского права.

Зафиксированная в ст. 5 СК норма об аналогии закона или права при регулировании семейных отношений не находит широкого применения на практике. Тем не менее, ее введение имеет фундаментальное значение как для защиты прав и интересов членов семьи (суд не имеет права отказать в правосудии, основывая отказ отсутствием конкретного закона), так и для развития семейного законодательства в целом.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

2. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972.

3. Советское семейное право: учебник / Под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982.

4. Матвеев Г. К. Советское семейное право: учебник. М., 1985.

5. Нечаева А. М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. М., 2015. 303 с.

6. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М., 2004. 688 с.

7. Лазарев В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев; науч. ред. Б. С. Волков. Казань: Издательство Казанского университета, 1972.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

УДК/UDC 347.6

Принципы семейного права и его источники

Шартан Альмира Николаевна
магистрант юридического факультета
Южный институт менеджмента
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье автор рассматривает цели и принципы семейного права, а также анализирует его источники, выступающие определяющим фактором в реализации основных принципов семейного законодательства в России. По мнению автора, соблюдение принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей является основой как в сфере правоприменительной практики, так и в правовой политике государства в целом.

Ключевые слова: цели и принципы семейного права, источники права, защита несовершеннолетних, семейные правоотношения.

Principles of Family Law and Its Sources

Shartan Almira Nikolyaevna
Master of Law
Southern Institute of Management
Krasnodar, Russia

Abstract

In the article, the author examines the goals and principles of family law, as well as analyzes its sources, which are the determining factor in the implementation of the basic principles of family law in Russia. According to the author, adherence to the principle of ensuring the priority protection of the rights and interests of minor children is the basis both in the field of law enforcement and in the legal policy of the state as a whole.

Key words: goals and principles of family law, sources of law, protection of minors, family relationships.

Принципы семейного права — зафиксированные функционирующим семейным законодательством центральные начала и основные положения, согласно которым нормами семейного права регулируются личные и имущественные отношения. Принципы обусловливают содержание отрасли права и носят обязательный характер вследствие их правового закрепления.

Согласно п. 2 ст. 1 СК РФ действительным на территории России признается исключительно брак, которые заключается в органах ЗАГС. Как фактические брачные отношения, так и браки, заключенные по религиозным и другим обрядам, не имеют правового значения и не влекут юридических последствий.

Принцип добровольности означает наличие свободного волеизъявления будущих супругов при заключении брака. В случае отсутствия добровольного волеизъявления брак будет признан недействительным. Принцип добровольности брачного союза предполагает свободу расторжения брака. Так, отсутствие согласия на расторжение брака одного из супругов не может являться основанием для отказа в расторжении брака. Суд принимает меры по примирению супругов и в случае, если стороны не примирились, а один из супругов настаивает на расторжении брака, то суд обязан расторгнуть брак.

Принцип равенства прав супругов в семье основывается на конституционных положениях о «равенстве прав и свобод мужчины и женщины и равных возможностях для их реализации» [2]. Этот принцип выражается в том, что супруги обладают равными правами при разрешении всех вопросов, касающихся жизни семьи.

Принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию находится на одной ступени с принципом равенства супругов и является основой правового регулирования семейных правоотношений. Применение этого принципа распространяется на решение любых семейных вопросов.

В силу принятых на себя обязательства Россия привела действующее семейное законодательство в соответствие с требованиями Конвен-

ции ООН «О правах ребенка»от 1989 г. [3] в обеспечении защиты прав и интересов ребенка. Впервые в отечественном законодательстве был закреплен целый комплекс мер по защите личных неимущественных и имущественных прав несовершеннолетних детей (ст. 54–60 СК РФ). Основополагающим фактором выступило право ребенка на жизнь и воспитание в семье как мера обеспечения здоровья, физического, психического, духовного и нравственного развития детей.

Государство и общество контролируют интересы членов семьи, не способным самостоятельным образом обеспечить удовлетворение своих жизненно важных нужд. К таким членам семьи относятся не только несовершеннолетние, но также и совершеннолетние нетрудоспособные лица.

Источниками семейного права являются Конституция РФ, СК РФ, федеральное и региональное законодательство, а также нормы МЧП.

Законы субъектов РФ в области семейного права не могут противоречить и нарушать положения, закрепленные в Конституции РФ, Семейном кодексе РФ и других федеральных законах. Нормы семейного права, касающиеся вопросов в сфере имущественных правоотношений, тесно переплетаются с гражданским правом. Поэтому спорные моменты имущественного характера в семье могут осуществляться в соответствии с нормами гражданского законодательства.

Следует отметить тесную связь семейного права и норм, закрепленных в Федеральном законе «Об актах гражданского состояния» [4]. Нормы этого закона выступают регулятором в реализации ряда значимых вопросов в области семейных правоотношений(государственная регистрации рождения, заключения и расторжения брака, усыновления (удочерения) и др.).

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для

СССР 15.09.1990) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 09.12.2018).

2. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.12.2018)

4. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340.

УДК/UDC 347.2/.3

Банкротство ТСЖ

Шипилова Вероника Владимировна
Студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: shipilova_verunya@bk.ru

Аннотация

Банкротство товарищества собственников жилья является очень актуальной темой исследования на сегодняшний день, ведь ранее в законе не было закрепления нормы, позволяющей данной организации участвовать в процедуре банкротства. Но все изменилось с принятием ст. 65 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой устанавливалось, что в отношении любого юридического лица (за исключением некоторых категорий предприятий) может быть введена процедура банкротства. Ввиду того, что ТСЖ является юридическим лицом, можно сделать вывод о том, что к нему также будут применяться нормы о банкротстве также, как и иному другому полноправному субъекту рассматриваемых отношений. Существует широкий круг нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы банкротства физических лиц и организаций, но Федеральный закон Российской Федерации «О несостоятельности(банкротстве) является основополагающим источником норм в рассматриваемом виде правоотношений. Что касается ТСЖ, то помимо ФЗ «О несостоятельности(банкротстве) следует упомянуть Жилищный кодекс Российской Федерации. В данной статье попытаемся рассмотреть особенности процедуры банкротства(несостоятельности), присущие ТСЖ, а также различные нюансы, которые могут возникнуть в судебной процедуре. На наш взгляд, актуальность темы исследования состоит еще и в том, что отношения несостоятельности (банкротства) затрагивают круг интересов огромного количества граждан от должника и кредиторов до арбитражного управляющего и лиц, привлекаемых им в дело о банкротстве для исполнения возложенных на него обязанностей. И именно от правильного и законного урегулирования отношенийзависит дальнейшее соразмерное удовлетворение требований кредиторов и восстановление платежеспособности ТСЖ в целом.

Ключевые слова: банкротство, товарищество собственников жилья, некоммерческая организация, правоотношения, многоквартирный дом, платежи.

Bankruptcy of Homeowners' Association

Shipilova Veronika Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: shipilova_verunya@bk.ru

Abstract

Bankruptcy of a homeowners' association is a very relevant topic of research to date, because earlier in the law there was no consolidation of the rules that allow this organization to participate in the bankruptcy procedure. But everything changed with the adoption of Art. 65 of the Civil Code of the Russian Federation, which established that in respect of any legal entity (except for some categories of enterprises) may be introduced bankruptcy procedure. Due to the fact that the HOA is a legal entity, we can conclude that it also will apply the rules on bankruptcy as well as another other full-fledged subject of the considered relations. There is a wide range of legal acts regulating the bankruptcy of individuals and organizations, but the Federal Law of the Russian Federation On Insolvency (Bankruptcy) is a fundamental source of norms in this type of legal relations. As for the HOA, in addition to the Federal Law On Insolvency (Bankruptcy) should also mention the Housing Code of the Russian Federation. In this article we will try to consider the features of bankruptcy (insolvency) procedures inherent in the HOA, as well as various nuances that may arise in the judicial procedure. In our opinion, the relevance of the research topic is also in the fact that the insolvency (bankruptcy) relations affect the range of interests of a huge number of citizens from the debtor and creditors to the arbitration Manager and persons involved in the bankruptcy case for the performance of their duties. And that from the proper and legal settlement of the relations further depends on the proportionate satisfaction of creditors ' claims and restore solvency of the HOA as a whole.

Key words: bankruptcy, homeowners' association, non-profit organization, legal relations, apartment building, payments.

Во-первых, необходимо рассмотреть признаки, необходимые для возникновения процедуры банкротства в отношении ТСЖ, которые регламентированы в законодательстве и, в частности, в ст. 3 ФЗ «О несостоятельности(банкротстве). В данном случае имеет значение размер за-

долженности, который должен составлять более 100 000 руб., а также срок задержки выплаты по договору более, чем на 90 суток, то есть 3 месяца [1]. Таким образом, можно выделить два признака инициирования банкротства ТСЖ, без которых возбуждения дела о банкротстве не представляется возможным. Кроме того, необходимо помнить о ст. 65 ГК РФ, в которой устанавливалось, что в отношении любого юридического лица может быть введена процедура банкротства [2]. К ТСЖ теперь тоже можно применять нормы ФЗ «О несостоятельности (банкротстве).

Во-вторых, помимо признаков, следует выявить основные причины возбуждения дела о банкротстве ТСЖ в многоквартирном доме (далее МКД), к которым следует отнести неплатежеспособность жильцов и трату средств сотрудниками ТСЖ.

Наличие своевременных платежей со стороны жильцов МКД является, на наш взгляд, основным источником средств ТСЖ, ведь данное ЮЛ является некоммерческой организацией, из чего следует, что у ТСЖ не будет возможности оплатить коммунальные услуги, которые в свою очередь предоставляют управляющие компании. Накопление задолженностей влечет за собой другие отрицательные последствия, такие как начисление пени и выплата штрафов.

Мы считаем, что проблема состоит в том, что компании, которые являются поставщиками коммунальных ресурсов не имеют прямого контакта с жильцами МКД и не интересуются причинами возникновения задолженности. Между ТСЖ и поставщиком заключается договор, суть которого состоит в том, что одна сторона, то есть управляющая компания обязуется поставлять услугу, а другая, вносит за нее соответствующие платежи. Кроме того, не существует мероприятий, направленных на выявление причин неоплаты, на их устранение и восстановление платежеспособности. Но если условия, установленные в договоре, по какой-либо причине не выполняются, то поставщик отключает подачу ресурсов.

Но нередки случаи, когда причиной является нецелевое расходование средств. То есть у ТСЖ есть необходимые средства для оплаты

коммунальных услуг и жильцы МКД вовремя внесли все платежи, но организация использует средства, полученные от жильцов МКД на совершенно иные нужды.

Следовательно, кроме оплаты услуг по квитанциям, жильцы многоквартирного дома должны:

— осведомляться об адресате получения вырученных денежных средств;

— требовать предоставления отчетов о деятельности ТСЖ.

Мы считаем, что только данное отношение позволит предотвратить повторную оплату квитанций.

Таким образом, можно отметить непрозрачность процедуры оплаты ТСЖ коммунальных и иных услуг, что на наш взгляд также является одной из причин возникновения процедуры банкротства в отношении такой некоммерческой организации, как ТСЖ.

На наш взгляд, необходимо создать орган, выполняющий контролирующие и надзорные функции по отношению к ТСЖ, и, который бы осведомлял жильцов о целевом или нецелевом использовании средств жильцов МКД. Кроме того, данному органу должен быть предоставлен доступ ко всей необходимой документации, а именно квитанций и отчетов о деятельности со стороны ТСЖ.

Инициирование процедуры банкротства в отношении ТСЖ может осуществляться кредиторами – поставщиками, или ТСЖ в случае отсутствия платежеспособности.

Банкротство в свою очередь может быть как добровольным, так и принудительным.

Добровольное банкротство инициировано подачей иска самим ТСЖ в случае невозможности исполнения денежных обязательств [3].

Принудительное банкротство начинается с направления иска в суд или уполномоченными государственными органами или кредиторами в отношении которого не были исполнены денежные обязательства.

Если после завершения процедуры наблюдения не удастся восстановить платежную способность ТСЖ, то признание несостоятельности

происходит далее, как в отношении любого другого юридического лица.

Средства для возмещения долгов образуются путем проведения конкурсного производства.

Конкурсная масса включает в себя имущество ТСЖ: оставшиеся на счетах ТСЖ денежные средства, инвентарные предметы, организационное оборудование.

Важно, что за долги ТСЖ не может отчуждаться имущество третьих лиц – жильцов МКД, а также совместная собственность (подъезд, подвал).

При этом, на основании п. 6 ст. 135 ЖК РФ, собственники жилой площади не несут ответственности за ТСЖ, и ТСЖ не несет ответственности за жильцов. На наш взгляд, необходимо более детально урегулировать все проблемные моменты, связанные с банкротством ТСЖ.

Следовательно, резолютивная часть постановления суда будет зависеть от нескольких факторов: во-первых, от наличия доказательственной базы, указывающей на нецелесообразность расходования средств; во-вторых от профессионализма и грамотности юристов и, в третьих, от стремления самих собственников установить объективную истину, ведь именно от их действий будет зависеть исход дела о банкротстве.

Судебная практика банкротства ТСЖ включает в себя множество прецедентов, связанных с повторной оплатой коммунальных услуг, утверждения кандидатуры арбитражного управляющего. При этом следует отметить, что к полномочиям арбитражного управляющего относится работа с виновными работниками ТСЖ в потере платежной способности.

Арбитражные управляющие могут быть привлечены к различным видам юридической ответственности. Подобный вывод можно сделать из анализа статей Закона о банкротстве. Так, ст. 1 устанавливает правило о том, что положения этого закона соответствуют нормам ГК РФ, который, в свою очередь, содержит множество правовых норм, устанавливающих основания привлечения любых лиц, в том числе и арбитражных управляющих, участвующих в деле о банкротстве, к гражданско-

правовой ответственности за нарушение законодательства РФ [4].

Но для того, чтобы не возникало ситуаций, в которых жильцы МКД повторно оплачивают счета или утверждают новую кандидатуру управляющего, следует создать контролирующий орган, о котором мы говорили ранее. Данное образование будет нести ответственность за целевое использование средств членов ТСЖ и за соблюдение всех условий договора, заключенного между поставщиком услуг и ТСЖ.

Список литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации :федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. № 1.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. // Российская газета. 1994. № 238–239.

3. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2 ноября 2002 г. № 209–210.

4. Масленникова Л. В. Учебник. Краснодар: КГАУ, 2018. С. 122.

УДК/UDC 347.6

Очередность наследования по закону

Янко Светлана Викторовна
магистрант юридического факультета
Южный институт менеджмента
г. Краснодар, Россия

Аннотация

Автором статьи рассматривается порядок реализации очередности наследования по закону в соответствии с Гражданским кодексом России. Отмечается, что одним из существенных изменений в наследственном праве стало значительное расширение круга возможных наследников по закону. Согласно принципам защиты интересов близких родственников количество очередей увеличилось до восьми. Автор статьи отмечает, что данная принципиальная новация санкционирует в максимально полном объеме обеспечение частных интересов, справедливое соотношение интересов граждан и государства при наследовании по закону.

Ключевые слова: наследование по закону, очередность, родство, право предоставления.

The Order of Succession by Law

Yanko Svetlana Viktorovna
Master of Law
Southern Institute of Management
Krasnodar, Russia

Abstract

The author of the article discusses the order of implementation of the order of succession under the law in accordance with the Civil Code of Russia. It is noted that one of the significant changes in the law of succession was a significant expansion of the range of possible heirs by law. According to the principles of protecting the interests of close relatives, the number of queues increased to eight. The author of the article notes that this fundamental innovation authorizes to the fullest extent possible provision of private

interests, a fair balance of interests of citizens and the state during inheritance under the law.

Key words: inheritance by law, priority, kinship, right to grant.

Призвание к наследованию по закону реализовывается в порядке очередности, образованной на приоритете очереди. Определение очередности наследования в зависимости от степени родства является основным принципом института наследования по закону. Наследники каждой последующей очереди могут наследовать исключительно в случае отсутствия наследника (-ов) предыдущих очередей, а очередность наследования основывается прежде всего на таком юридическом факте как родство.

Как отмечает А. М. Эрделевский, родство — кровная связь лиц, которая происходит от общих предков. В семейном праве подразделяют боковую и прямую линии родства. Родство по прямой линии означает происхождение одного лица от другого. Прямая линия родства может быть восходящей — от потомков к предкам либо нисходящей, — от предков к потомкам. Боковая линия родства основывается на происхождении наследников от общего предка» [2].

По справедливому мнению М. В. Телюкиной, данное разделение статей является технико-юридическим недостатком ГК РФ [3].

Резюмируя сказанное выше, можно утверждать, что вероятные наследники по закону в полной мере перечислены ГК РФ. Это говорит о том, что иные лица наследниками быть не могут. Это относится к троюродным сестрам и братьям, племянницам и племянникам наследодателя.

Стоит обратить внимание на то, что такие наследники, как двоюродные тети и дяди, двоюродные правнуки и правнуки, двоюродные внучки и внуки могут родиться после смерти наследодателя при условии их зачатия до момента открытия наследства. На это указывает то, что ч.1 п.1 ст. 1116 ГК РФ перечисляет не только детей наследодателя, но и вообще физических лиц.

Помимо этого, довольно обстоятельным нововведением Гражданского кодекса показывается установка в качестве наследников лиц, не приходящихся кровными родственниками наследодателю. Они, согласно ГК РФ, выступают наследниками VII очереди, т.е. призываются к наследованию только при условии отсутствия наследников всех других шести очередей. Указанные лица призываются к наследованию вне независимости от совместного проживания или обязательств по содержанию друг друга.

Особо стоит отметить наследованию по праву представления. В случае смерти наследника по закону до открытия наследства его часть наследства переходит к его потомкам. Однако это правило применяется исключительно в отношении наследников I, II и III очередей.

По праву представления исключаются потомки наследника, умершего до момента открытия наследства или одновременно с наследодателем и не имевшего права наследовать в силу того, что являлся недостойным наследником.

Особую серьезность, с практической точки зрения, представляет наследование нетрудоспособными иждивенцами наследодателя.

Лица, не попадающие в круг наследников по закону I-VII очередей, но к моменту открытия наследства, бывшие нетрудоспособными в течение одного года до смерти наследодателя являлись иждивенцами на попечении наследодателя и проживали совместно с ним, наследуют по закону наряду с наследниками именно той очереди, которая призывается к наследованию. Если другие наследники отсутствуют, то по закону такие нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют сами по себе как наследники восьмой очереди. Этим положением на практике зачастую пользуются недобросовестные граждане.

Срок нетрудоспособности для призвания к наследованию иждивенцев особого значения не имеет. Здесь решающим фактором выступает то, что на момент открытия наследства нетрудоспособность уже имела место.

Подводя итог вышеизложенному отметим, что ГК РФ в полной

мере перечислил очередность наследников по закону, а также исключил из круга призываемых к наследованию иждивенцев тех, кто не являются наследниками по закону и не проживали совместно с наследодателем.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

2. Постатейный научно-практический комментарий части третьей Гражданского Кодекса РФ / Под ред. А. М. Эрделевского. М., 2001.

3. Телюкина М. В. Комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2002. № 8–10.

УДК/UDC 347.6

Право на обязательную долю в наследстве и наследование выморочного имущества

Янко Светлана Викторовна
магистрант юридического факультета
Южный институт менеджмента
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье анализируются ограничения принципа свободы завещания в виде права на обязательную долю в наследстве для определенного круга лиц, а также рассматриваются условия для признания имущества выморочным и порядок его наследования. Автор приходит к выводу, что наследники выморочного имущества относятся к особым наследникам по закону, не относятся ни к одной из очередей и могут унаследовать исключительно выморочное имущество.

Ключевые слова: обязательная доля в наследстве, наследование по закону, очередность, выморочное имущество.

Right to Obligatory Share in Heritage and Inheritance of Extreme Property

Yanko Svetlana Viktorovna
Master of Law
Southern Institute of Management
Krasnodar, Russia

Abstract

The article analyzes the limitations of the principle of freedom of the will in the form of the right to an obligatory share in the inheritance for a certain circle of persons, and also considers the conditions for recognizing property to be escheated and the procedure for its inheritance. The author comes to the conclusion that the heirs of the escheated property belong to the special heirs by law, do not belong to any of the queues and can inherit exclusively the escheated property.

Key words: compulsory share in inheritance, inheritance by law, priority, escheat property.

В современном российском законодательстве закреплены установленные ограничения принципа свободы завещания, (ст. 1119 ГК РФ) [1]. Таковым ограничением выступает право на обязательную долю в наследстве. Это значит, что лица, которые нуждающиеся в социальной защите, приобретают право на определенную часть наследственного имущества вне зависимости от содержания завещания.

По мнению А. Н. Гуева, положения ст. 1149 ГК РФ раскрывают вопросы приобретения, принятия обязательной доли в наследстве. Как отмечает автор, было бы целесообразней их закрепить в главах 64 и 65 ГК РФ. Проведенный А. Н. Гуевым анализ свидетельствует об отсутствии существенных противоречий ст. ст. 1111, 1141 и 1149 ГК РФ [2].

В Соответствии с п. 1 ст. 1149 ГК РФ на обязательную долю в наследстве наделены нетрудоспособные совершеннолетние и несовершеннолетние дети, а также нетрудоспособные иждивенцы, родители и супруг наследодателя [1].

Согласно п. 2 ст. 1149 ГК РФ право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся незавещанной части наследственного имущества.

Теперь рассмотрим порядок наследования выморочного имущества.

Дефиниция выморочное имущество закрепляется в ст.1151 ГК РФ, согласно которой имущество признается выморочным при наличии одного из следующих условий:

- отсутствие наследников как по завещанию, так и по закону;
- отсутствие у всех наследников права наследования;
- отстранение всех наследников от наследства;
- непринятие всеми наследниками наследства;
- отказ всех наследников от наследства и отсутствие отказа от наследства в пользу других наследников [3].

Например, если возникла такая ситуация, при которой никто из наследников по различным причинам не имеет возможности принять наследство (недостойные наследники, отказ от наследства, непринятие наследства), то, на наш взгляд, такое имущество надлежит признать выморочным.

Следовательно, имущество признается выморочным при условии полного отсутствия наследников по закону, по завещанию или никто из наследников в силу тех или иных оснований не принял наследство. При этом причины, по которым не было принято наследство, не имеют значения. Именно факт непринятия наследства всеми наследниками выступает основным условием для признания имущества выморочным.

П. 3 ст. 1151 ГК РФ гласит, что«порядок наследования и учета выморочного имущества, а также возможной передачи его в собственность субъектов РФ или в собственность муниципальных образований должен определяться федеральным законом» [1]. То есть передача выморочного имущества в собственность субъектов РФ или в собственность муниципальных образований допустима исключительно после того, как в порядке наследования по закону это имущество перейдет в собственность Российской Федерации. Стоит заметить, что наследники выморочного имущества (муниципалитет, города федерального значения, Российская Федерация) относятся к особым наследникам по закону и не относятся ни к одной из очередей. Названные выше категории особых наследников по закону могут унаследовать исключительно выморочное имущество.

Таким образом, право на обязательную часть наследственного имущества приобретают лица, нуждающиеся в социальной защите вне зависимости от содержания завещания, а факт непринятия наследства всеми наследниками выступает основным условием для признания имущества выморочным.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

2. Гуев А. Н. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 57.

3. Суханов Е. А. О третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

УДК/UDC 347.6

Содержание института наследования по закону

Янко Светлана Викторовна
магистрант юридического факультета
Южный институт менеджмента
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматривается содержание института наследования по закону в российском законодательстве. Анализируются признаки, а также условия и порядок действия института наследования по закону. Автор приходит к выводу, что круг наследников по закону определяется строго на основаниях личной связи наследников с наследодателем, а установление очередности наследования в зависимости от степени родства выступает главным принципом наследования по закону.

Ключевые слова: наследование по закону, круг наследников, очередность наследования, степень родства.

Content of the Institution of Inheritance by Law

Yanko Svetlana Viktorovna
Master of Law
Southern Institute of Management
Krasnodar, Russia

Abstract

The article discusses the content of the institution of inheritance under the law in the Russian legislation. The signs are analyzed, as well as the conditions and procedure for the institution of inheritance according to the law. The author comes to the conclusion that the circle of heirs according to the law is determined strictly on the basis of the personal connection of the heirs with the testator, and the prioritization of inheritance depending on the degree of kinship is the main principle of inheritance according to the law.

Key words: inheritance by law, circle of heirs, succession of inheritance, degree of kinship.

Содержание института наследования по закону в российском законодательстве, как правило, оценивается по следующим признакам: основание и пределы наследования.

Все наследники по закону распределены по очередям и призываются к наследованию в режиме четкой последовательности. Сама очередность определяется именно тем, что наследники каждой последующей очереди призываются к наследованию по закону исключительно при отсутствии наследников из предшествующих очередей, включая также наследников по праву представления, подлежащих призванию к наследованию в случае, предусмотренном ст. 1146 ГК РФ. Наличие наследника одной очереди исключает призвание к наследованию наследников всех последующих очередей.

«Наследование по закону» — общий порядок наследственного правопреемства, обусловленное исключительно положениями, закрепленные в гражданском законодательстве, а не завещательной волей наследодателя [1]. Воля наследодателя при законном наследовании не принимает участие в формировании порядка и условий наследования, посредством которых определяется круг и очередность призвания к наследованию наследников, размер долей участия наследников в наследственном производстве, преимущественного права наследования и др. Наследование по закону применяется в случае отсутствия завещания или прямого указания в законе [2].

Согласно этому, порядок и условия законного наследования действуют тогда, когда:

— отсутствие завещания;
— аннулирование завещания; устранение действия завещания в качестве основания наследования;
— признание завещания недействительным по решению суда;
— завещательные распоряжения касаются только доли наследства, в результате чего остальная не завещанная часть наследства переходит к правопреемникам в рамках законного наследования;

— завещание включает в себя иные распоряжения, не ликвидируют наследования по закону в целом.

Тем не менее следует согласиться с высказанной точкой зрения о том, что «положения наследования по завещанию не должны находится над правилом о наследовании по закону. Составление завещания есть не обязанность, а право завещателя, которым он может и не воспользоваться»[3].

Помимо этого, гл. 62 содержит отсылки к нормам последующей 63-й главы (ст. ст. 1119, 1121) [4].

Наследование по закону обладает рядом общих признаков и свойств, присущих государству демократической и социальной направленности.

При законном наследовании наследники располагают одинаковыми правами наследования, вне зависимости от гендерной принадлежности, гражданства или социального положения. Наличие родственников наследодателя не лишает права наследования супруга умершего, а усыновление наделяет усыновленного или усыновителя правами родственников наследодателя по происхождению (родству).

Наследственное правопреемство в рамках законного наследования осуществляется при отсутствии завещания, наряду с завещанием или наперекор завещанию, обладает рядом общих свойств, которые отличают его от завещательного наследования. Правовые свойства наследования по закону происходят из повелительных предписаний закона и не могут быть видоизменены договоренностью наследников или другим способом, скажем, судебным решением.

Законные наследники определяются строго на основаниях личной связи наследодателя с наследниками– семейные отношения, усыновление, родство и брак.

Призвание к наследованию по закону реализовывается в порядке очередности, учрежденной на преимуществе очереди, которые состоят из более близких родственников наследодателя. Установление очередности наследования в зависимости от степени родства выступает главным

принципом наследования по закону.

При установлении надлежащей очереди призываемых наследников применяется институт наследования по праву представления для замещения наследников другими нисходящими их родственниками.

Таким образом, институт наследования по закону упорядочивается гл. 63 ГК РФ. Его исполнение обусловлено по правилам, закрепленным в нормах наследственного права.

Список литературы

1. Ляпунов С. Г. Наследование: Комментарий законодательства. Судебная практика. Образцы документов. Справочные материалы. М., 2003. С. 67.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Под. ред. Л. П. Ануфриевой. М., 2004. С. 23–24.

3. Ростовцева Н. В. Нормы наследственного права в третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации // Юрист. 2002. № 3. С. 39.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

УДК/UDC 341.21

Правовое регулирование транснациональных корпораций в Российской Федерации

Забиранов Владислав Андреевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: zyabav@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается необходимость правового регулирования такого субъекта международного частного права, как транснациональная корпорация. Показывается роль и важность таких юридических лиц в экономике и системе права Российской Федерации. Указывается возможность принятия изменений в гражданском, налоговом и корпоративном законодательстве. Актуальность и примерное содержание федерального закона о транснациональных корпорациях. Также раскрывается разница между такими формами транснациональной корпорации, как филиалы (представительства) и дочерние компании. Описываются возможные рычаги влияния государства на данные формы. Предлагается вариант определения, что такое транснациональная корпорация, и в целом указывается на необходимость правового регулирования данного института в России в результате интегрирования международного права и экономики, а также бурного развития процесса глобализации.

Ключевые слова: транснациональная корпорация, филиал, дочерняя компания, корпоративное право, международное право, Гражданский кодекс РФ.

Legal Regulation of Transnational Corporations in the Russian Federation

Zabiranov Vladislav Andreyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: zyabav@yandex.ru

Abstract

The article discusses the need in legal regulation of such a subject of international private law as a transnational corporation. The role and importance of such legal entities in the economy and law system of the Russian Federation are shown. The possibility of making changes in civil, tax and corporate legislation is indicated. Also there were shown the relevance and approximate content of the federal law on transnational corporations. It also disclosed the difference between such forms of a transnational corporation as branches (representative offices) and subsidiaries. The possible levers of state influence on these forms are described. It is proposed to define what a transnational corporation is and, in general, the need in legal regulation of this institution in Russia as a result of the integration of international law and economics, and the rapid development of the globalization process is shown as well.

Key words: transnational corporation, branch, subsidiary, corporate law, international law, Civil Code of Russia.

XXI век характеризуется динамично растущим процессом глобализации в мировой экономике. На данный момент РФ является привлекательным рынком для инвестиций зарубежных компаний [1]. В РФ можно встретить филиалы многих известных корпораций со всех частей света: Coca Cola, Adidas, Knauf, Claas, Philip Morris, Nestle, Bonduelle, Metro, Auchan и другие. Российские коммерческие организации уже давно вышли на международный рынок, создав свои представительства в Европе, Америке, Азии («Ингосстрах» (финансы); «Аэрофлот» (авиаперелеты); «Газпром» (нефтегазовая сфера); «Лукойл» (топливная сфера); «Алроса» (горнорудная сфера, алмазодобыча). Имея филиалы за рубежом, такие организации приобретают более сложный по статусу характер — транснациональных корпораций (далее — ТНК).

В законодательстве РФ понятия, а тем более правового регулирования ТНК не встречается, что свидетельствует о несовершенстве национального корпоративного права и необходимости закрепления на законодательном уровне данного института. Не урегулированные в данной сфере отношения ведут за собой неопределенности и проблемы. К примеру, есть нюансы в регулировании таких форм ТНК, как филиалы и

дочерние компании. Следует различать две эти формы. Так, филиал напрямую зависит от материнской компании, которая может определять его организационную структуру и применять законодательство местоположения матери (головная компания). Поэтому филиал — это часть иностранной организации, которая не является частью национального права принимающего государства. Дочерние компании, наоборот самостоятельный субъект права и имеет организационную форму и национальность юридического лица по месту инкорпорации [2]. Минус в том, что материнская компания не обязана предоставлять информацию по месту нахождения дочерней, и не отвечает по обязательствам данного общества, и вследствие чего государство не может влиять никаким образом на деятельность всей корпорации, а только лишь на дочернее общество, которое подчиняется национальному праву. Таким образом, необходимо создать рычаги влияния на ТНК со стороны государства, а именно к созданию филиалов ввести такое обязательство для транснациональных корпораций, как право государства принимающего филиал требовать от материнской компании информации о ее деятельности, не исключая деятельности в других странах. Данный контроль над деятельностью ТНК нужен для поддержки отечественных компаний, а также для сдерживания монополистической деятельности таких корпораций. Если же ТНК принимает такую форму, как дочерняя компания, то тут необходимо сотрудничество нескольких государств путем принятия многосторонних соглашений о предоставлении информации о деятельности зарегистрированных компаний. Особенно необходимы такие соглашения при определении личного закона международных предприятий, к которым и относится ТНК. При создании транснациональных корпораций и их дочерних предприятий применяются разные правовые системы государств, под юрисдикцией которых они находятся. В этой связи, считаю необходимым внести дополнение в ст. 1203 ГК РФ формулировкой о том, что «личный закон филиала и дочерней компании устанавливается соглашением стран участниц, или же правом той страны, на территории которой они зарегистрированы» [3]. Такая норма позволила бы сделать

коммерческую деятельность ТНК более прозрачной.

Также большого внимания заслуживает тот факт, что в отечественном законодательстве встречаются транснациональные финансово-промышленные группы стран СНГ, при этом законодатель забывает об остальных транснациональных корпорациях имеющих представительства других стран [4].

Считаем необходимым внести изменения в НК РФ с введением требований о финансовой отчетности ко всем ТНК расположенным на территории РФ. Имея сильную правовую поддержку в транснациональных корпорациях, данные юридические лица с легкостью могут находить пробелы в отечественном законодательстве и вследствие чего злоупотреблять налоговыми льготами и освобождениями. Введение финансовой отчетности для ТНК позволит снизить возможность злоупотребления правом.

Особого внимания заслуживает полное отсутствие понятия ТНК в российском законодательстве. Возможно введение специального федерального закона, описывающего и регулирующего деятельность подобных организаций. В данном законе необходимо дать толкование ТНК, как хозяйственной организации, деятельность которой основана на кооперации труда работников предприятий, расположенных в разных странах мира, с единым титулом собственности на средства производства . В правовое регулирование также включить подразделения ТНК (филиалы, дочерние компании и ассоциации компании), признаки и требования к ним.

Таким образом, интегрирование международного права и экономики, развитие процесса глобализации порождают необходимость правового регулирования транснациональных корпораций.

Список литературы

1. Щеглов С. С. Определение понятия транснациональной корпорации и предпосылки возникновения ТНК // Юрист. 2008. № 3. С. 18.

2. Глазков Е. А. Правовое регулирование деятельности ТНК в российском

корпоративном законодательстве // Закон и право. 2007. С. 41.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 2001. 28 ноября.

4. О мерах по стимулированию создания и деятельности финансово - промышленных групп: Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 443 // Российская газета. 1996. 4 апреля.